

САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫЯ І ПРАВАВЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ

НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНЫ І ІНФАРМАЦЫЙНА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

3'2009

Заснавальнік і выдавец –
прыватная ўстанова адукацыі
«БІП – Інстытут правазнаўства»

Выдаецца з удзелам

Інстытута
сацыялогіі
НАН Беларусі

Інстытута
гісторыі
НАН Беларусі

Часопіс зарэгістраваны ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь.

Пасведчанне аб рэгістрацыі № 2407

Выдаецца штоквартальна з верасня 2005 г.

Часопіс уключаны ў Пералік навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па юрыдычных і эканамічных навук.

Адрас рэдакцыі: вул. Караля, 3, 220004, г. Мінск. Тэл. / факс 2110158

Мінск 2009

Галоўны рэдактар –
доктар эканамічных навук **С. А. Самаль**

Рэдакцыйная калегія:

- Я. М. Бабосаў**, акадэмік НАН Беларусі, доктар філасофскіх навук, прафесар
В. К. Банько, кандыдат філасофскіх навук, дацэнт
М. П. Бяляцкі, доктар эканамічных навук, прафесар
У. А. Вітушка, доктар юрыдычных навук, прафесар
намеснік галоўнага рэдактара –
А. Ф. Вішнеўскі, доктар гістарычных навук, прафесар гісторыі, прафесар права
А. А. Каваленя, доктар гістарычных навук, прафесар
Я. Л. Каламінскі, доктар псіхалагічных навук, прафесар
В. С. Камянкаў, доктар юрыдычных навук, прафесар
І. В. Катляроў, доктар сацыялагічных навук, прафесар
А. М. Літвін, доктар гістарычных навук, прафесар
У. А. Мельнік, доктар палітычных навук, прафесар
В. Ф. Мядзведзеў, член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар эканамічных навук, прафесар
С. В. Рашэтнікаў, доктар палітычных навук, прафесар
А. М. Сарокін, доктар гістарычных навук, прафесар
В. І. Семянкоў, член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар юрыдычных навук, прафесар
С. Ф. Сокал, доктар юрыдычных навук, прафесар
Г. А. Хацкевіч, доктар эканамічных навук, прафесар
В. Г. Ціхіня, член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар юрыдычных навук, прафесар
У. А. Янчук, доктар псіхалагічных навук, прафесар
Л. Ф. Яўменаў, член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар філасофскіх навук, прафесар
-

Рэдактар С. Лукашанец

Камп'ютарная вёрстка, дызайн М. Лебедзеў

Карэктар В. Юшкевіч

Падпісана ў друк 12.10.2009.

Папера афсетная. Друк афсетны. Фармат 70x1001 / 16.

Ум.-друк. арк. 19,2. Ул.-выд. арк. 14. Тыраж 300 экз. Заказ № 890.

Надрукавана ў друкарні «Ходр» ГА «БелТІЗ» з дзяпязітываў заказчыка.

Ліцэнзія ЛП № 02330 / 0056661 ад 29.03.2004.

220004, г. Мінск, вул. Вызвалення, 9.

НАВУКОВЫ ПОШУК

- 4 *Кучинский В. А.*
Юридические презумпции и фикции
- 21 *Сарокін А. М.*
Правовыя пытанні развіцця інстытута кааперацыі ў савецкай Беларусі (1917 – 1921 гг.)
- 34 *Павлов В. И.*
Альтернативные процедуры разрешения юридических конфликтов в контексте функционирования правовой системы Беларуси (теоретико-методологический анализ)

ДЫСКУСІІ

- 51 *Лыч Г. М.*
Инновационная экономика и рынок
- 69 *Котляров И. В., Таранова С. А.*
Теоретико-методические основания исследования модернизации современных политических систем

ПРАСТОРА ПРАВА

- 87 *Петрович К. И.*
Административная юстиция как форма реализации судебной власти
- 98 *Сигаева Т. А.*
Защита прав в делах, возникающих из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом
- 107 *Новикова С. И.*
Правовые аспекты совершенствования учебно-трудовых отношений в инновационной экономике
- 111 *Замятина Т. А.*
Конституционные основы судебной власти

ТЭОРЫЯ І ГІСТОРЫЯ ІДЭЙ

- 120 *Адамюк О. И.*
Правовое регулирование организации и деятельности военных трибуналов как специальных органов военной юстиции на территории Беларуси (1922 – 1941 гг.)
- 130 *Мельников А. П.*
Типология политических конфликтов
- 149 *Лепеш О. В.*
Особенности проведения инвентарной реформы в Беларуси (40 – 50-е гг. XIX в.)
- 157 *Падалінскі У. А.*
Ухваленне падаткаў на вальных соймах Рэчы Паспалітай як фактар палітычнай барацьбы (1593 – 1598 гг.)

ЭКАНОМІКА І КІРАВАННЕ

- 177 *Почекина В. В., Умпирович И. А.*
Коррупция в условиях модернизации международной экономики
- 188 *Стоменок Т. М.*
Таможенное регулирование международной торговли: состояние и тенденции
- 199 *Полякова И. А.*
Концептуальные подходы к определению образовательной услуги как социально-экономической категории
- 212 *Ананьев Д. А.*
Динамика внешнеторговых операций на рынке пивоваренных товаров и пути увеличения экспорта.

ПЕДАГАГІЧНАЯ СКАРБОНКА

- 222 *Пенкрат В. И.*
Проект как форма взаимодействия с неформальными объединениями молодежи

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

* Усе артыкулы рэцэнзуюцца

Рэдакцыя можа не падзяляць пазіцыі аўтараў апублікаваных прац

© Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні

Кучинский В. А.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРЕЗУМПЦИИ И ФИКЦИИ

Кучынскі Уладзімір Аляксандравіч – кандыдат юрыдычных навук, прафесар права, працуе на кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь. Займаецца даследаваннямі ў галіне прававых адносін і юрыдычнай адказнасці. Аўтар больш чым 150 навуковых прац, у тым ліку 10 манаграфій і вучэбных выданняў па пытаннях канстытуцыйнага права і агульнай тэорыі дзяржавы і права.

Для возникновения юридических последствий, в том числе и для возникновения, изменения или прекращения правоотношений, в некоторых случаях имеют значения не только реальные фактические жизненные обстоятельства, но и законодательно допустимые предположения о имеющих место фактах, или так называемые юридические презумпции и фикции.

В переводе с латыни презумпция (praesumptio) означает предположение, основанное на достаточно высокой степени вероятности. В юриспруденции этот термин означает признание того или иного явления достоверным, пока не будет доказано обратное. «Как правовой термин, – пишет З. М. Черниловский, – она (презумпция – В. К.) включает в себе предположение, гипотезу, подтверждение или опровержение которой должно служить средством установления искомых обстоятельств, юридических фактов и их последствий».¹

С точки зрения тех последствий, которые юридические презумпции могут вызывать, их с определенной степенью условности принято разделять на две основные группы: презумпции позитивные и негативные. Негативные презумпции чаще всего применимы в гражданско-правовых отношениях. Так, при неисполнении договора или при ненадлежащем его исполнении презюмируется, как правило, виновность лица, на котором лежала обязанность исполнения. Презумпция виновности может признаваться и на другой гражданско-правовой или семейно-правовой основе, скажем, в случаях ненадлежащего надзора. Так, в соответствии с такой презумпцией отец и мать отвечают за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми, опекуны – за вред, причиненный их подопечными.

¹ Черниловский З. М. Презумпции и фикции в истории права. С. 98.

В уголовном же праве признается такая широко известная позитивная презумпция, как презумпция невиновности (*praesumptio bona viii*). Будучи закрепленной в законе, эта презумпция обязывает суд ставить под сомнение недостаточно обоснованные положения предъявленного подсудимому обвинения и, придерживаясь установленной законом процедуры, перепроверить все такого рода положения.

Другим видом юридического предположения (наряду с презумпцией) является так называемая юридическая фикция, признаваемая еще римским правом (*fictio* – вымысел). Юридическая фикция, как это ни кажется странным, представляет собой нечто, не существующее явно, но в значительной мере возможное и признаваемое таковым. Так, правовой фикцией является, в частности, признание в судебном порядке физического лица умершим, если в месте его постоянного жительства в течение предусмотренного законом срока не имеется сведений о месте его пребывания (ст. 41 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

Предпринимаемые в научной литературе попытки провести четкую грань между презумпциями и фикциями еще не могут быть признаны успешными. З. М. Черниловский, например, полагает: «В то время как презумпции имеют дело с вероятностными категориями, которым придается значение действительных... юридическая фикция признает за действительное то, что на самом деле может быть ложным».² Но такая оценка не убеждает: и вероятное явление, презюмируемое как действительное, может быть ложным, а ложное явление, признаваемое фикцией, может оказаться действительным. К тому же изначально вкладываемый в понятие юридической фикции смысл (вымысел, признание действительным того, что реально не существует) у правоведов, воспринимающих юридическую практику как точно выверенную и всесторонне обоснованную деятельность, вызывает к себе отношение если не совершенно отрицательное, то весьма критическое.

Р. Иеринг в свое время писал о юридической фикции как о «кажущемся акте», с помощью которого достигается известный результат, допускаемый данной системой права. Он даже характеризовал юридическую фикцию как «юридическую ложь, освященную необходимостью», которая позволяет избегать трудностей вместо того, чтобы их преодолевать, и представляет собой своего рода «технический обман».³

НАРЯДУ С ПРЕЗУМПЦИЕЙ, ДРУГИМ ВИДОМ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ ЯВЛЯЕТСЯ ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИКЦИЯ

² Черниловский З. М. Презумпции и фикции в истории права. С. 104.

³ Jhering R. Geist des Romanischen Rechts. S. 212.

НЕДОСТАТОЧНАЯ РАЗРАБОТАННОСТЬ ВОПРОСА О ПРЕЗУМПЦИЯХ И ФИКЦИЯХ ВЫЗЫВАЕТ ЗАТРУДНЕНИЯ НЕ ТОЛЬКО В ОПРЕДЕЛЕНИИ ИХ НАУЧНОЙ ЗНАЧИМОСТИ, НО И В ИСПОЛЬЗОВАНИИ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Несомненно, недостаточная разработанность вопроса о презумпциях и фикциях, их соотношении вызывает затруднения не только в определении их научной значимости, но и в использовании в законотворческой и правоприменительной практике. Тем не менее, нельзя не признать, что как реальные правовые институты они не только вызывают

определенные сомнения, но и выполняют положительную роль в механизме правового регулирования, поскольку на основе законодательного признания научных обоснований значимости определенных правовых допущений они существенно упрощают и облегчают соответствующие юридические процедуры без ущерба для их качественной стороны. Исторически сложившаяся полезность юридических презумпций и фикций особенно очевидна в отношении физических и юридических лиц, поскольку посредством их не только формируются или прекращаются многие субъективные права и обязанности, но и успешно решаются вопросы возникновения и реализации юридической ответственности.

При этом, однако, принципиальное значение имеет необходимость обоснованного разграничения юридических презумпций и фикций, служащих правовому прогрессу, от таких, которые ему препятствовали в прошлом и могут мешать сегодня. Известны, например, фикции, которые использовались в борьбе с ересью во времена инквизиции. При тоталитарных режимах значение юридических фикций приобретали, например, принадлежность к определенной национальности, допущение объективного вменения, признание в качестве основания для уголовного преследования не состава преступления, а воли обвиняемого, «устанавливаемой» судом.

В целях уточнения понятий юридической презумпции и юридической фикции, уяснения различий между ними, определения их роли в законотворчестве и правоприменении попытаемся с учетом современных научных представлений о них выяснить реальное содержание как презумпции, так и фикции, а также соотносимость их со смежными логическими категориями.

Когда речь идет о юридической презумпции, то совершенно естественно предполагается, что это такое явление, которое так или иначе облечено в правовую форму, т. е. предусмотрено правовым предписанием. Вследствие этого оно не требует процессуального подтверждения, как это имеет

место в отношении обычных юридических фактов. Иными словами, такое предположение приобретает императивную значимость, т.е. само по себе обязательно для применения в ходе юрисдикционной деятельности. «Презумпция, выраженная в законе, – справедливо отмечает В. И. Каминская, – не только влечет признание за истину того или иного положения без его доказательств, но и связывает с этим признанием определенные правовые последствия».⁴

Именно такое понимание юридической презумпции сложилось в романо-германской правовой системе, в частности, во французской правовой науке и практике: «Законная презумпция обязательна для суда даже тогда, когда у него сложилось убеждение, что она противоречит истине».⁵ Так, например, в судебной практике действует презумпция: *Res judicata pro veritatae habetier* – судебный приговор следует рассматривать как истину. Будучи закрепленной в законе, эта презумпция предполагает соблюдение следующего правила: обстоятельства, установленные вступившим в силу судебным приговором, если они имеют значение для какого-либо другого судебного дела, признаются за истину и не подлежат более доказыванию.

Именно в таком ее значении правовая презумпция приобретает свою специфическую значимость, обеспечивающую желаемую эффективность юрисдикционной деятельности. И в самом деле, если бы все юридически значимые обстоятельства, уже раз доказанные или признанные юридической практикой в достаточной степени реальными, каждый раз подлежали новому установлению посредством прямых доказательств, вся правоприменительная деятельность превратилась бы в бесконечный процесс разрешения вопросов, достаточно простых и уже неоднократно решенных. Это, по сути дела, означало бы игнорирование достигнутых научных знаний и приобретенного в течение многих веков юридического опыта.

Таким образом, правовой презумпцией является такое предположение, прямо или косвенно предусмотренное в законодательстве, которым какое-либо явление или связь явлений в области, регулируемой правом, признается обычно, естественно существующим и вследствие этого не требующим специальных, процессуально необходимых доказательств.

И то обстоятельство, что презумпции представляют собой обобщающие умозаключения, принимаемые за истину

⁴ Каминская В. И. *Учение о правовых презумпциях...* С. 4.

⁵ Faubrequettes M. P. *La logique Judiciaire.* Pp. 182-183.

ПРАВОВОЙ ПРЕЗУМПЦИЕЙ ЯВЛЯЕТСЯ ТАКОЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ, ПРЯМО ИЛИ КОСВЕННО ПРЕДУСМОТРЕННОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ, КОТОРЫМ КАКОЕ-ЛИБО ЯВЛЕНИЕ ИЛИ СВЯЗЬ ЯВЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ, РЕГУЛИРУЕМОЙ ПРАВОМ, ПРИЗНАЕТСЯ ОБЫЧНО, ЕСТЕСТВЕННО СУЩЕСТВУЮЩИМ И ВСЛЕДСТВИЕ ЭТОГО НЕ ТРЕБУЮЩИМ СПЕЦИАЛЬНЫХ, ПРОЦЕССУАЛЬНО НЕОБХОДИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

без особого доказывания, дает основания для проведения некоторых параллелей между презумпциями и другими сходными с ними умозаключениями, такими, в частности, как гипотезы, аксиомы.

Гипотеза – это научное предположение, выдвигаемое для предварительного объяснения каких-либо явлений, но требующее проверки, подтверждения опытным путем. Юридическая же презумпция не нуждается в подтверждении. Она отражает обычный порядок явлений. Вероятность такого порядка, как показывает жизненный опыт, чрезвычайно высока. И, наоборот, возможность того, что соответствующая связь явлений окажется вне действия презумпции, чрезвычайно мала.

И тем не менее, в теоретических исследованиях нередко допускается смешение таких умозаключений, как презумпция и гипотеза. Так, В. И. Каминская в качестве примера презумпции приводит утверждение: «Лицо, у которого после кражи обнаружено похищенное, предполагается участником преступления».⁶ Но презумпция – это предположение, принимаемое за истину и не требующее доказательств. В данном же случае речь, скорее всего, идет об улике, т. е. косвенном доказательстве, требующем обоснованного подтверждения. Это – гипотетическое суждение, т. е. суждение, основанное на гипотезе, требующее проверки и необходимого обоснования.

Гипотеза относится к инструментарию научного поиска. Нормальный, обычный процесс любого исследования всегда имеет в своей основе гипотезу. Какое бы явление ни подлежало изучению, какие бы цели ни ставил перед собой исследователь, он всегда строит гипотезы, доказывая или опровергая их. В этом заключается суть исследовательской деятельности: на основании уже имеющихся сведений, но недостаточных для однозначных окончательных выводов определяется предположительное, условное решение подлежащей исследованию проблемы, наиболее соответствующее тому уровню знаний, который уже достигнут исследователем. Вся дальнейшая исследовательская деятельность направлена на установление доказательств, подтверждающих истинность (или ошибочность) выдвинутой гипотезы (в юридическом смысле – версии). Гипотеза может соответствующим образом изменяться, отклоняться или заменяться новой.

Само содержание выдвинутой гипотезы позволяет рассматривать ее как промежуточный этап в процессе постижения истины и в то же время как отправной пункт доказывания ее

⁶ Каминская В. И. Учение о правовых презумпциях... С. 21.

**НАУЧНАЯ ЦЕННОСТЬ ГИПОТЕЗЫ
ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ОНА
ПРЕХОДЯЩА, ЧТО ОНА НЕ МО-
ЖЕТ И НЕ ДОЛЖНА НАВЕЧНО ОС-
ТАВАТЬСЯ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕМ**

истинности или ошибочности. Научная ценность гипотезы как раз и заключается в том, что она преходяща, что она не может и не должна навечно оставаться предположением. Ее значимость состоит в том, что она обречена быть опровергнутой или доказанной наукой или практикой и превратиться в объективную истину.

В отличие от гипотезы, презумпция представляет собой установившееся положение, в каждом конкретном случае принимаемое без доказывания. Она не динамична, а статична и обречена оставаться условной истиной. Ее нормальным состоянием является нахождение вне процесса доказывания. Как отмечалось выше, гипотеза, в отличие от презумпции, – это этап или момент бесконечного процесса познания. Для нее не только нормальным, но и необходимым является включение в процесс доказывания. Иными словами, гипотеза подлежит доказыванию или опровержению; презумпция же принимается без доказательств, но может опровергаться применительно к конкретному случаю.

ГИПОТЕЗА ПОДЛЕЖИТ ДОКАЗЫВАНИЮ ИЛИ ОПРОВЕРЖЕНИЮ; ПРЕЗУМПЦИЯ ЖЕ ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, НО МОЖЕТ ОПРОВЕРГАТЬСЯ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К КОНКРЕТНОМУ СЛУЧАЮ

Важное значение для характеристики юридических презумпций имеет специфика той сферы объективной действительности, в которой они формируются. Это – сфера общественных отношений, т. е. отношений между людьми. Содержание юридических презумпций так или иначе определяется типичным поведением людей, их типичным образом мышления. Но даже при этих обстоятельствах невозможно с достаточной точностью предусмотреть все условия, определяющие во всех деталях поведение всех участников общественных отношений, регулируемых правом, или образ их мыслей. В связи с этим и возникают вопросы относительно того, могут ли юридические презумпции обладать той необходимой достоверностью, без которой невозможно их практическое применение, допустимо ли их признание в качестве достаточных оснований для возникновения, изменения или прекращения правоотношений, а тем более – для их реализации.

Но эти вопросы не должны и не могут ставить под сомнение целесообразность и важность использования презумпций в юридической практике. Ведь ценность презумпций заключается отнюдь не во всеобъемлющем и абсолютном значении содержащихся в них положений и не в том, что они служат средством обнаружения истины, как гипотезы, а в том, что их положения отражают наиболее обычную связь явлений, вследствие чего вероятность попадания рассматриваемого

явления (события, деяния) под действие презумпции достаточно велика, и, наоборот, возможность исключения того, что такого рода явление окажется вне презумптивного установления, исключительно мала.

Из такого своеобразия юридических презумпций как положений, с одной стороны, не требующих доказательств и воспринимаемых как данность, а с другой – не представляющих собой абсолютных истин, а выражающих лишь наиболее вероятные ситуации и поэтому не исключающих возможности опровержения, вытекает и то допустимое в научной литературе и юридической практике двойное значение презумпции в логическом процессе отыскания истины: она выступает либо как сама истина, не требующая доказательств, как отправной пункт логического пути (но не возможный его этап, как гипотеза), либо как наиболее вероятное положение, допускающее доказывание его неприменимости к данному конкретному случаю.⁷ Примером может служить презумпция добропорядочности субъекта права, совершающего гражданско-правовую сделку. Эта презумпция не исключает возможности опровержения добропорядочности конкретного субъекта в совершенно определенной ситуации.

Не менее значимы для понимания сути юридической презумпции ее отличия от такой логической категории, как аксиома. Аксиома – суждение, принимаемое без доказательств как исходное положение определенной научной теории. В переносном смысле – это неоспоримое утверждение, которое принимается за истину при проведении последующих исследований в соответствующей сфере. Но аксиома – не сама истина, а суждение о ней. Она может в полной мере отражать истину (Земля вращается вокруг Солнца), приблизительно соответствовать ей, но может быть и ошибочной (как когда-то считалось, что Солнце вращается вокруг Земли).

Как и презумпция, аксиома не требует доказательств, но по совершенно другим основаниям. Аксиома отражает научно доказанную закономерность, добытую истину, хотя далеко не всегда абсолютную. Поскольку выраженная в аксиоме истина научно обоснована, она не нуждается в новом доказывании; сама мысль об этом представляется абсурдной. В то же время аксиома может быть опровергнута новыми научными исследованиями, заменена иной научно подтвержденной аксиомой.

Презумпция воспринимается как истина не потому, что она научно обоснована и ее правильность признается

⁷ Каминская В. И. Учение о правовых презумпциях... С. 17.

АКСИОМА – СУЖДЕНИЕ, ПРИНИМАЕМОЕ БЕЗ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК ИСХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕННОЙ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ

бесспорной, а потому, что отражает наиболее распространенную, обычную связь явлений. В отличие от аксиомы, презумпция принимается за истину условно, поскольку представляет собой в определенном смысле допущение, предположение. Она не оспаривается целиком, не отклоняется как аксиома, но возможно доказывание ее неприменимости к конкретному случаю. Более того, доказывание неприменимости той или иной презумпции в некоторых случаях является не только вполне допустимым, но даже обуславливается действующим законодательством. Например, частью второй ст. 933 ГК Республики Беларусь предусмотрено, что лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (т. е. презюмируется, что лицо, причинившее вред, виновно в его причинении).

В ОТЛИЧИЕ ОТ АКСИОМЫ, ПРЕЗУМПЦИЯ ПРИНИМАЕТСЯ ЗА ИСТИНУ УСЛОВНО, ПОСКОЛЬКУ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ В ОПРЕДЕЛЕННОМ СМЫСЛЕ ДОПУЩЕНИЕ, ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ

Когда идет речь об оспоримости, опровержимости презумпции, то не ставится цель поколебать само ее содержание, т. е. отказаться от соответствующего суждения. Опровергнуть можно лишь применимость общего положения, содержащегося в презумпции, к тому или иному конкретному случаю. Сама же юридическая презумпция как определенное суждение, обобщающее данные человеческого опыта вообще и юридической практики в частности, остается при этом незыблемой. Доказанность неприменимости презумпции к какому-то конкретному случаю не ставит под сомнение ее содержание в целом, она продолжает действовать и в дальнейшем в отношении всех соответствующих обстоятельств, за исключением тех случаев, когда возникает исключительная необходимость оспорить ее применение.

Поэтому, в отличие от аксиомы, которая выражает добытую наукой истину и может быть опровергнута не в отношении единичного случая, а целиком, юридическая презумпция никогда не выступает в форме абсолютно верного суждения, вследствие чего единичные исключения из нее вполне допустимы. Суждения, представляющие собой презумпции, отражают то, что в юриспруденции принято называть «обычным ходом вещей».⁸ Применительно к конкретным обстоятельствам они, как правило, оказываются достоверными, поскольку их истинность является несопоставимо более вероятной, чем их случайная неприменимость. Правовые презумпции, следовательно, не абсолютны сами по себе, а выражают лишь наиболее вероятную ситуацию, которая возможна в юридической практике.

⁸ *Строгович М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. С. 181.*

Таким образом, аксиома, как уже отмечалось выше, неоспорима до тех пор, пока не будет отклонена целиком, а презумпция оспорима применительно к исключительным обстоятельствам.

Рассмотренные выше отличия юридических презумпций от гипотез и аксиом позволяют определить те логические основания, на которых формируются такие презумпции. Большинство правоведов не без серьезных оснований склоняются к тому, что суждение, содержащееся в презумпции, образуется посредством метода неполной индукции, который и обеспечивает ее относительную достоверность. «Вывод об истинности презумпции основывается на жизненной практике, а методом ее образования, – отмечает В. К. Бабаев, – считают неполную индукцию, которая предполагает вероятность презюмированных обобщений».⁹

Совершенно понятно, что неполная (приблизительная) индукция, в отличие от научной, всеобъемлющей индукции, не способна обеспечить абсолютную достоверность какого-либо суждения. Поскольку же суждения, содержащиеся в презумпциях, являются приблизительными обобщениями, допускающими исключения, в советской юридической литературе высказывались сомнения в допустимости презумпций в праве вообще.¹⁰ Напомним, что в связи с критической оценкой презумпции невиновности утверждалось, что презумпции в праве не что иное, как предвзятости, что они якобы ни на чем не основаны и советскому праву не нужны.¹¹ Такая позиция обосновывалась и ссылками на работы некоторых дореволюционных российских правоведов. Я. Б. Левенталь, в частности, ссылался на утверждение В. Д. Спасовича о том, что презумпции – это «костыли правосудия», на которые опирается законоведение, когда не в состоянии решить тот или иной вопрос. Приводилось также мнение С. А. Муромцева, который считал, что презумпции свидетельствуют о недостатках юридического мышления.¹²

Тем не менее, приведенные критические оценки правовых презумпций не смогли поколебать их весьма важную значимость для юриспруденции, а тем более привести к отказу от них. Для практической деятельности презумптивные суждения, основанные на неполной индукции, оказались не просто полезными, но и необходимыми. Причем не в малой степени именно в силу их определенной доказательственной ущербности. Ведь юридическая презумпция допускает оспоримость в отношении конкретных обстоятельств, вследствие

⁹ Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. С. 8-12.

¹⁰ Штутин Я. Л. Предмет доказывания в советском гражданском процессе. С. 83.

¹¹ Тавдевосян В. С. К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе. С. 71-72.

¹² Левенталь Я. Б. К вопросу о презумпциях в советском гражданском процессе. С. 54.

чего она и является правовой. Более того, если бы презумпция не допускала исключений, она бы не являлась таковой. Основной смысл юридической презумпции как раз и заключается в том, что она охватывает собой подавляющее большинство однородных явлений, но никак не все.

В сфере юридических презумпций индуктивный метод обоснования суждений, таким образом, отличается значительным своеобразием. В данном случае имеет место не только признание максимального количества случаев, оправдывающих достоверность презумпции, но и допущение случаев, которые ей не соответствуют. Поскольку подавляющее большинство случаев обосновывает презумпцию, она первоначально получает свою логическую доказанность, а затем и законное признание. Такая особенность метода формирования правовых презумпций обусловлена, прежде всего, тем, что они относятся к той сфере объективной действительности (общественных отношений), в которой логические обобщения имеют более приблизительный характер, чем в тех сферах, где закономерности проявляются с гораздо большей точностью (как законы, открываемые и формулируемые естественными науками).

Презумпции, таким образом, представляют собой всего лишь констатацию фактов, взаимозависимость которых лишена строгой закономерности. Примером может служить законоположение о том, что до достижения определенного в законе возраста дети не подлежат уголовной ответственности в силу презумпции, согласно которой до достижения известного возраста человек не способен в должной мере осознавать значение своих поступков и руководить ими. Но характерно, что такого рода возрастные пределы, установленные в законодательстве различных стран, существенно разнятся между собой. Таким образом, даже в этой области, которая непосредственно соприкасается с природными закономерностями (речь идет о формировании личности), опытная возможность установления возраста, по достижении которого человеческая психика достигает зрелого состояния, является условной, т. е. достигается эмпирически. При этом закон, опираясь на презумпцию, ставит на место естественной закономерности умозаключение, основанное на неполной индукции, но закрепляемое законодательно в целях упорядочения борьбы с преступностью в условиях конкретного государства.

ОСНОВНОЙ СМЫСЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРЕЗУМПЦИИ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ОНА ОХВАТЫВАЕТ СОБОЙ ПОДАВЛЯЮЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО ОДНОРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ, НО НИКАК НЕ ВСЕ

ПРЕЗУМПЦИИ ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ ВСЕГО ЛИШЬ КОНСТАТАЦИЮ ФАКТОВ, ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ КОТОРЫХ ЛИШЕНА СТРОГОЙ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

В правовой литературе издавна велась и не прекращается дискуссия относительно видов юридических презумпций. Иногда их подразделяют на законные и фактические. В числе законных (закрепленных в законодательстве) называют презумпции опровержимые и неопровержимые, материально-правовые и процессуальные, а также отраслевые, межотраслевые и общеправовые. К фактическим презумпциям относят такие доктринальные суждения, которые не получили закрепления в правовых нормах и, следовательно, лишены юридической значимости. Так было, в частности, с презумпцией невиновности в уголовном праве, пока она не была закреплена в конституционном и текущем законодательстве 70-х годов. Но так называемые фактические презумпции носят доктринальный характер и не могут признаваться юридическими в собственном смысле слова, пока не будут закреплены в законодательстве, ибо доктрина как таковая в современном мире, и, прежде всего, в странах романо-германской правовой семьи, источником права не признается. Она может в лучшем случае признаваться научной основой в правотворческом процессе. Следовательно, юридические презумпции могут быть только законными.

Что касается опровержимых и неопровержимых презумпций, то их разграничивают по юридической силе: вторые, якобы, имеют большую юридическую силу, а первые – меньшую. Условность такого разграничения очевидна, в связи с чем наличие неопровержимых презумпций как в советском, так и в современном праве вызывало и вызывает упорные споры. Так, некоторые авторы утверждают, что презумпции принятия наследства по истечении установленного законом срока и непонимания малолетним общественной опасности своего противоправного деяния – неопровержимы, а презумпция невиновности – опровержима.¹³

Подвергая критике утверждения о неопровержимости некоторых презумпций, отдельные авторы отмечают, что такая неопровержимость имеет весьма условные истоки. Так, В. К. Бабаев небезосновательно полагает, что неопровержимость презумпции ответственности малолетних происходит отнюдь не по причине абсолютной истинности этой презумпции, а ввиду недопустимости иного решения вопроса с позиций законодателя.¹⁴

В качестве неопровержимой презумпции нередко называют преюдиционную силу судебного решения. Но и в данном случае нельзя говорить о неопровержимости, ибо при доста-

¹³ Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. *Вопросы теории права*. С. 265;

Ойгензихт В. А. *Презумпции в советском гражданском праве*. С. 17-20.

¹⁴ Бабаев В. К. *Презумпции в советском праве*. С. 47.

точных основаниях не исключается постановка перед соответствующими инстанциями вопроса о пересмотре состоявшегося решения.

Таким образом, презюптивные суждения, как отмечалось выше, базирующиеся на неполных индукциях, не могут претендовать на охват всех случаев, встречающихся на практике. Поэтому любые постановления закона о том, что те или иные однородные факты, в силу обычного хода вещей наиболее часто встречающиеся в определенном сочетании, должны приниматься за истину без доказательств, не могут иметь неопровержимого характера по существу, так как в действительности всегда остается возможность отклонения в сторону от порядка явлений, установленного в законе в качестве обычного. Следовательно, анализируя логические предпосылки формирования юридических презумпций, едва ли возможно выявить достаточные основания для подразделения их на оспоримые и неоспоримые. Попытки такого разграничения носят чисто доктринальный, но не юридический характер. По содержанию выраженных в юридических презумпциях суждений, по характеру их формальной (логической) и материальной обоснованности они всегда и при всех условиях остаются оспоримыми применительно к конкретным обстоятельствам.

**ПРЕЗЮПТИВНЫЕ СУЖДЕНИЯ,
БАЗИРУЮЩИЕСЯ НА НЕПОЛ-
НЫХ ИНДУКЦИЯХ, НЕ МОГУТ
ПРЕТЕНДОВАТЬ НА ОХВАТ ВСЕХ
СЛУЧАЕВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ
НА ПРАКТИКЕ**

Говоря об опровержимости всех юридических презумпций, необходимо учитывать, что при определенных обстоятельствах опровергается не достоверность заложенных в них суждений, не истинность самих презумпций, а лишь их применимость в совершенно конкретных, исключительных случаях. Опровержение юридических презумпций, построенных на обобщении реальных отношений, не исключает высокой степени их вероятности вообще.¹⁵

Заметно сложнее решается вопрос о разграничении презумпций на материально-правовые и процессуально-правовые. К материально-правовым презумпциям относят, например, презумпцию наличия права собственности у лица, обладающего определенным имуществом, а к процессуально-правовым — презумпцию невиновности. Но даже такой последовательный сторонник разграничения презумпций на указанные виды, как В. А. Ойгензихт, признает, что «норм, которые дают основания к признанию наличия одновременно и материально-правовой, и процессуальной презумпции, немало». Однако он тут же добавляет: «... но это не тождественные, а различные

¹⁵ Штутин Я. Л. Предмет доказывания в советском гражданском процессе. С. 104.

¹⁶ *Ойгензихт В. А. Презумпции в советском гражданском праве. С. 28.*

презумпции, это не разные аспекты одной презумпции, а разные стороны одной нормы, вызвавшей к жизни две разные презумпции». ¹⁶ Автор этих строк, видимо, не смущен тем обстоятельством, что допускает наличие норм, относящихся одновременно и к материальному, и к процессуальному праву, а вот презумпций, имеющих как материальное, так и процессуальное значение, – нет.

Между тем по поводу разграничения презумпций на материально-правовые и процессуально-правовые высказываются и иные, не менее серьезные суждения. Так, Я. Л. Штутин, привлекая в качестве примера презумпцию «каждый совершеннолетний дееспособен», справедливо полагает, что она пригодна и для материального, и для процессуального права. Он отмечает, что применительно к материальному праву признание лица совершеннолетним означает также признание его субъектом соответствующего правоотношения, а в отношении процессуального права указанная презумпция предполагает освобождение совершеннолетнего от доказывания им своей дееспособности. ¹⁷

¹⁷ *Штутин Я. Л. Предмет доказывания в советском гражданском процессе. С. 98.*

Таким образом, едва ли будет плодотворным стремление обосновать абсолютное различие между материально-правовыми и процессуально-правовыми презумпциями. Во многих, если не в большинстве случаев, они успешно служат и тем, и другим правоотношениям.

В целях более полного уяснения понятия юридической презумпции весьма важно отграничить его от таких сходных правовых понятий, как юридическая фикция и улика. В современных доктринальных трактовках эти понятия представляются чрезвычайно близкими, а презумпции и фикции нередко даже отождествляются. Так, В. П. Воложанин утверждал, что под юридической презумпцией «понимается предположение о существовании или несуществовании какого-либо факта, освобождающее сторону от его доказывания при доказанности других фактов, поскольку между ними существует причинная связь, проверенная и подтвержденная практикой». ¹⁸ С. В. Курьлев по этому поводу высказывался еще более определенно: «Презумпция обычно понимается как предположение о наличии одних фактов при доказанности других». Он при этом исходил из того, что в основе презумпции лежит вероятность наличия ожидаемого факта, если уже имеется другой уже доказанный факт. ¹⁹ Нетрудно заметить, что при такой трактовке презумпций к ним может быть отнесена любая фикция, в том числе и объявление гражданина судом умершим, если по месту

¹⁸ *Воложанин В. П. К вопросу о юридических предположениях в советском гражданском праве и процессе. С. 168.*

¹⁹ *Курьлев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. С. 94.*

его жительства нет сведений о месте его пребывания в течение трех лет (ст. 41 ГК Республики Беларусь).

Не следует удивляться тому, что при такой трактовке презумпций некоторые авторы рассматривают их как разновидность фикций и, наоборот, характеризуют фикции как разновидность презумпций. Еще в XIX веке в российской правовой литературе считалось, что и презумпции, и фикции представляют собой уклонение от нормального порядка в юридической практике, «при котором определения, рассчитанные на известные факты получают силу, хотя последних мы не усматриваем».²⁰ Совершенно очевидно, что презумпции и фикции здесь уравниваются по признаку уклонения от истины, а точнее от того, что в них условно принимается за истину, и, следовательно, относятся к суждениям одного класса, хотя и называются по-разному.

Но были мнения и отличные от приведенного выше. В частности, С. А. Муромцев решительно возражал против отождествления презумпций и фикций. «Источник презумпций, – писал он, – заключается в невозможности для судьи во всех случаях добираться путем правильного исследования до истины, вследствие чего право и указывает судье руководиться в некоторых случаях предположениями, выведенными на основании вероятности из данных опыта жизни. Необходимость их существования есть только кажущаяся, и логический прием, составляющий их содержание, не естественный, а искусственный; презумпцию создает рассудок, фикцию – воображение».²¹ Тем не менее, и в данном случае четкий критерий, позволяющий различать презумпции и фикции не просматривается.

Как бы то ни было, но в основу разграничения презумпций и фикций кладется всего лишь различие в степени их достоверности. «Первое, что бросается в глаза при сопоставлении фикций и презумпций, – отмечает В. И. Каминская, – это то, что и презумпция, и фикция условно принимаются за истину. Относительно презумпций этот признак не может вызывать никаких сомнений... Но он в равной мере может быть отнесен и к фикции. В этом легко убедиться на любом примере (условно принимаемое положение, что усыновленный действительно происходит от усыновителя)... В приведенном примере условно принимается за истину положение, на самом деле заведомо истинным не являющееся, с целью придать ему такой правовой характер, какой оно должно было иметь, если бы оно было истинным».²²

²⁰ Мейер Д. О юридических вымыслах, предположениях, скрытых и притворных действиях. С. 31.

²¹ Муромцев С. А. О консерватизме римской юриспруденции. С. 100.

²² Каминская В. И. Учение о правовых презумпциях... С. 44.

Каков же вывод? Что же собой представляет суждение о том, что в юридическом смысле «усыновленный действительно происходит от усыновителя» – презумпцию или фикцию? Ответ представляется более чем странным: «Следовательно, признаком, объединяющим понятие презумпции и фикции, является условное принятие тех и других за истину. Однако тот же объединяющий их признак одновременно указывает на различие между ними».²³

²³ Каминская В. И. Учение о правовых презумпциях... С. 44.

«Отличительной чертой презумпции, – поясняет В. И. Каминская, – является то, что высказанное в ней положение основано на высокой степени вероятности и, следовательно, в подавляющем числе случаев оно выразит действительно существующее положение вещей... Для фикции же характерно объявление в качестве истины положения, заведомо никогда не соответствующего истине».²⁴ Однако с таким мнением согласиться особенно трудно. Возьмем, к примеру, уже приводимую выше фикцию о том, что гражданин может быть объявлен судом умершим, если по месту его жительства нет сведений о месте его пребывания в течение трех и более лет. Разве смерть человека в данном случае исключается («заведомо не соответствует истине»)?

²⁴ Там же. С. 45.

Тем не менее, вслед за В. И. Каминской такое же различие между презумпцией и фикцией усматривают и другие авторы. В. А. Ойгензихт полагает, что «фикция заведомо неистинное положение принимает за истинное, тогда как презумпция исходит из высокой степени вероятности истинности, являясь ни чем иным, как предположением истины».²⁵ При этом, однако, указанный автор делает существенно отличающийся от позиции В. И. Каминской вывод: «Нельзя согласиться с мнением, что сходство между фикцией и презумпцией заключается в том, что обе они условно принимаются за истину. Фикция чисто практический прием, просто норма права, устанавливающая определенный порядок отношений».²⁶ Но такой вывод представляется более чем странным, поскольку в виде нормы права выступает именно презумпция (и только при этом условии она применяется). Фикция же допускается правовой нормой, но требует процессуального подтверждения.

²⁵ Ойгензихт В. А. Презумпции в советском гражданском праве. С. 14.

²⁶ Там же. С. 14-15.

Столь подробное цитирование высказываний правоведов относительно различий между юридическими презумпциями и фикциями допущено с той целью, чтобы показать неубедительность мнений о том, что различия эти заключаются во всего лишь разной степени их истинности или нормативной значимости. Различия такого рода столь относительны,

что позволяют даже отождествлять презумпции и фикции. И презумпции, и фикции как умозаключения, в той или иной степени отклоняющиеся от отражаемой ими истины, могут быть оспоримы. И те, и другие предусмотрены правовыми нормами, вследствие чего и признаются юридическими. Но судебная и другая правоприменительная практика позволяет обнаружить между ними действительно принципиальную разницу: правовые презумпции с точки зрения их реализации самодостаточны (будучи закрепленными в правовых нормах они применяются при рассмотрении юридических дел без особого подтверждения, без доказывания), юридические же фикции в каждом конкретном случае нуждаются в особом процессуальном оформлении, в подтверждающих их правоприменительных актах.

ПРАВОВЫЕ ПРЕЗУМПЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ САМОДОСТАТОЧНЫ, ЮРИДИЧЕСКИЕ ЖЕ ФИКЦИИ В КАЖДОМ КОНКРЕТНОМ СЛУЧАЕ НУЖДАЮТСЯ В ОСОБОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ОФОРМЛЕНИИ, В ПОДТВЕРЖДАЮЩИХ ИХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ АКТАХ

В качестве примера приведем следующую возможную ситуацию. Если бы в правовой норме было закреплено положение о том, что каждый, кто отсутствует в месте его постоянного проживания более трех лет и при этом нет сведений о другом месте его пребывания, считается умершим, то это была бы презумпция. Но поскольку в соответствии с законодательством только суд может объявить гражданина умершим при наличии указанных обстоятельств, то именно такое судебное решение является юридической фикцией. Представляя собой надлежащим образом оформленный правоприменительный акт, юридическая фикция приобретает в определенных случаях преюдиционное значение.

Исходя из проведенного анализа таких специфических правовых категорий, способных исполнять роль юридических фактов, как презумпции и фикции, и сопоставления их признаков, попытаемся сформулировать их определения, которые могли бы получить нормативное выражение.

Юридическая презумпция – это обладающее высокой степенью достоверности и обусловленное практикой правового регулирования предусмотренное правовой нормой предположение о наличии или отсутствии определенного юридически значимого явления.

Юридическая фикция – не существующее явно явление, но признанное в соответствии с законодательством в строго установленном порядке (правоприменительном процессе) существующим в силу высокой степени его достоверности и ставшее вследствие этого юридически значимым.

Список использованных источников

1. Черниловский, З. М. Презумпции и фикции в истории права / З. М. Черниловский // Советское государство и право. – 1984. – № 1. – С. 98-105.
2. Jhering, R. Geist des Romanischen Rechts / R. Jhering. – Berlin. 1891. – 212 s.
3. Каминская, В. И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе / В. И. Каминская. – М., 1948. – 132 с.
4. Faubrequettes, M. P. La logique Judiciaire / M. P. Faubrequettes. – Paris, 1926. – 260 p.
5. Строгович, М. С. Учение о материальной истине в уголовном процессе / М. С. Строгович. – М. – Л., 1947. – 276 с.
6. Штутин, Я. Л. Предмет доказывания в советском гражданском процессе / Я. Л. Штутин. – М., 1963. – 186 с.
7. Ойгензихт, В. А. Презумпции в советском гражданском праве / В. А. Ойгензихт. – Душанбе, 1976. – 190 с.
8. Бабаев, В. К. Презумпции в советском праве / В. К. Бабаев. – Горький, 1974. – 185 с.
9. Тавдвоясян, В. С. К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе / В. С. Тавдвоясян // Советское государство и право. – 1948. – № 6. – С. 65-72.
10. Левенталь, Я. Б. К вопросу о презумпциях в советском гражданском процессе / Я. Б. Левенталь // Советское государство и право. – 1948. – № 6. – С. 52-59.
11. Иоффе, О. С., Шаргородский, М. Д. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – М., 1961. – 316 с.
12. Воложанин, В. П. К вопросу о юридических предположениях в советском гражданском праве и процессе / В. П. Воложанин // Вопросы советского гражданского права и процесса. Уч. зап. Свердловского юридического института. – Т. 3. – М.: «Юрид. лит.», 1955. – С. 181-187.
13. Курылев, С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии / С. В. Курылев. – Минск: Изд. БГУ, 1969. – 203 с.
14. Мейер, Д. О юридических вымыслах, предположениях, скрытых и притворных действиях / Д. Мейер. – Казань, 1854. – 172 с.
15. Муромцев, С. А. О консерватизме римской юриспруденции. Опыт по истории римского права / С. А. Муромцев. – М., 1875. – 128 с.

Дата поступления в редакцию 30.01.2009.

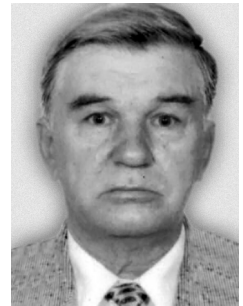
А. М. Сарокін

ПРАВОВЫЯ ПЫТАННІ РАЗВІЦЦЯ ІНСТЫТУТА КААПЕРАЦЫІ Ў САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ (1917-1921 гг.)

(Працяг. Пачатак у 3'2008)

Не на карысць пазітыўным кааператыўным працэсам было таксама выданне дэкрэта аб абмежаванні паўнамоцтваў спецыялізаваных кааператыўных цэнтраў, створаных шматгадовымі намаганнямі ўдзельнікаў кааператыўнага руху. Дэкрэт закрануў дзейнасць такіх цэнтраў сельгаскааперацыі, як Сельскасаюз, Сельскасавет, Саюзбульба, Цэнтральнае таварыства ільнаводаў, Пенькасаюз, Плодагародніна, Каапзбожжа (а Маскоўскі народны банк быў нацыяналізаваны, як вядома, яшчэ ў 1918 г.), а таксама цэнтраў саматужна-прамысловай кааперацыі (Кустарсбыт і Усерасійскі савет прамысловай кааперацыі). Згодна з п. 3 дэкрэта, яны, як і саюзы іншых відаў кааперацыі, падлягалі зліццю з Усерасійскім цэнтральным саюзам спажывецкіх таварыстваў (Цэнтрсаюзам) і яго мясцовымі саюзамі на правах аўтаномных секцый. А «асобны агульнакааператыўны» навуковы і самабытны цэнтр кааперацыі – Савет усерасійскіх кааператыўных з'ездаў (як і губернскія саветы кааператыўных з'ездаў) падлягаў скасаванню на карысць дзяржаўнага органа – Галоўнага камітэта па кааператыўных справах пры Наркомхарчы (Галоўкаап; п. 4 дэкрэта; прэамбула і п. 1 пастановы ад 29 студзеня).

Не трэба забываць і таго, што дэкрэт ад 27 студзеня 1920 г. шмат якія пытанні дзейнасці сельскагаспадарчай кааперацыі пакінуў па-за ўвагай. Так, утрымліваючы ўстаноўку на перадачу забеспячэнска-збытавых аперацый крэдытных кааператываў спажывецкім, дэкрэт нічога не гаварыў пра сельскагаспадарчыя кааператывы і іх саюзы, якія выконвалі толькі функцыі забеспячэння і збыту, агра-тэхнічнага абслугоўвання сельскай гаспадаркі і т. п. Або, праводзячы лінію

Сарокін Анатоль Мікалаевіч – доктар гістарычных навук, прафесар, працуе ў БІП. Аўтар 6 манаграфій і ўдзельнік 6 фундаментальных калектыўных прац па праблемах агульнай і эканамічнай гісторыі Беларусі, прававога рэгулявання грамадскіх адносін. Вядучы даследчык аграрнай гісторыі XX ст., сацыяльна-эканамічнага і палітычнага развіцця беларускай вёскі.

на зліццё пярвічных крэдытных кааператываў са спажывецкімі таварыствамі, дэкрэт ніяк не акрэсліваў лёс членаў крэдытных таварыстваў, іх паявых узносаў і да т. п. Падобныя пытанні належала рашыць Галоўкаапу (п. 4). Менавіта ён стаў вышэйшым дзяржаўным органам па кіраўніцтву ўсімі відамі кааперацыі, інтэрпрэтатарам урадавых нарматыўных прававых актаў аб кааперацыі і ініцыятарам распрацоўкі новых заканадаўчых актаў у гэтай галіне.¹

¹ Кабанов В. В. А. В. Чаянов в кооперативном движении. С. 16.

Новыя падыходы да развіцця кааператываўных працэсаў суправаджаліся змяненнем арганізацыйных форм кааперацыі і органаў кіравання імі, павышэннем увагі да харчовай палітыкі савецкай дзяржавы ў вёсцы. Назіраецца імклівы рост спажывецкіх таварыстваў. Да 1920 г. у Гомельскай губерні спажывецка-кааперацыя абслугоўвала 87%, а рабочая кааперацыя – 9,7% насельніцтва губерні.

Між тым непасрэднай тэарэтычнай асновай для абгрунтавання арганізацыйных прынцыпаў функцыянавання кааперацыі, вызначэння маштабаў і форм дзяржаўна-прававога рэгулявання у гэтай сферы па-ранейшаму з’яўляліся выкладкі У. Леніна. У яго заяве ад 2 лютага 1920 г. найбольш яскрава праявіўся ўтапізм канцэпцыі «адзінага ўсенароднага кааператыву»: «Мы можам сказаць з упэўненасцю, што ўся Савецкая рэспубліка, магчыма, праз некалькі тыдняў, а магчыма, праз невялікую колькасць месяцаў ператворыцца ў адзін вялікі кааператываў працоўных».²

² Ленин В. И. Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома... С. 102-103.

У выніку, як сведчыць уніклівы аналіз, да вясны 1921 г. названыя вышэй цэнтры сельскагаспадарчай і саматужна-прамысловай кааперацыі былі паступова скасаваны. Замест іх былі спехам сфарміраваны непрацаздольныя аморфныя аўтаномныя секцыі – сельскасекцыя і кустпрамсекцыя, арганізацыйна падпарадкаваныя адзінаму каардынуючаму цэнтру – Цэнтрсаюзу. Падобная рэарганізацыя была праведзена і на месцах: ліквідаваныя кааператываўныя саюзы замяняліся губсельгассекцыямі і губкустпрамсекцыямі ў складзе апаратаў губсаюзаў спажывецка-кааперацыі. На працягу 1920 г. на месцах былі распушчаны ўсе крэдытныя і пазыкова-ашчадныя кааператываўныя таварыствы, іх саюзы. Праўда, частка іх, якая займалася таварнымі аперацыямі, змагла ператварыцца ў кааператывы, якія не падлягалі скасаванню. Але такія аб’яднанні (масларобчыя арцелі, бульбацёрачныя і ільнопераробчыя таварыствы і да т. п.) страчвалі самастойнасць, бо ператвараліся ў аддзелы і секцыі адзіных спажывецкіх таварыстваў, або падпарадкоўваліся губсаюзам гэтых таварыстваў праз утвораных ў іх складзе аўтаномных

секцыі.³ Так кааперацыя была пазбаўлена працаздольных, эфектыўна дзеючых цэнтраў і саюзаў. Арганізаваныя пры гэтым секцыі аб'ядноўвалі вакол сябе людзей пераважна з ліку камуністаў і іх прыхільнікаў, якія не мелі навыкаў работы ў кааператыўным апарате, але былі здольнымі да няўхільнага правядзення класавага прынцыпу размеркавання харчоў і тавараў першай неабходнасці ў адпаведнасці з атрыманымі «зверху» крытэрыямі.

Рэалізацыя пазначаных вышэй рэгламентацый, па сутнасці, пазбаўляла кааперацыю эканамічных функцый, ператварала яе ў апарат па выкананні аперацыі забеспячэння, размеркавання і нарыхтовак прадуктаў, які знаходзіўся пад поўным кантролем цэнтральных і мясцовых органаў Наркомхарча, ВСНГ, Наркомзема, Наркомасветы і інш. Наркомхарч і яго мясцовыя органы маглі прыцягваць кааператывы да перапрацоўкі сельгаспрадуктаў, выкарыстоўваць фінансавыя сродкі кааперацыі.⁴ На гэта былі скіраваны і рашэнні Наркомхарча РСФСР па ўтварэнні кааператыўных калегій пры Саўнаргасах і губхарчкомках. Да таго ж 13 снежня 1920 г. СНК РСФСР пастанавіў: кааперацыя фінансуецца дзяржавай і сваёй касы мець не павінна.⁵ Тым самым лінія на адзяржаўленне кааперацыі атрымала сваё лагічнае завяршэнне. Кааперацыя ператварылася ў падсобны размеркавальны апарат Наркомхарча па картачным забеспячэнні насельніцтва, а таксама ў арганізацыі грамадскага харчавання ў шэрагу гарадоў і рабочых пасёлкаў. Месцамі кааперацыя прыцягвалася да збору раскладкі па заданнях харчорганаў або ажыццяўляла нарыхтоўкі ненарміраваных прадуктаў. Адным словам, адбылося, як кажуць, першае ў Краіне Саветаў адзяржаўленне сістэмы кааперацыі, ператварэнне яе ў апарат размеркавальнага механізму.

5. Вынікі

Праведзеная арганізацыйная перабудова кааперацыі на аснове зліцця ў адзінае таварыства ўсіх кааператываў адной мясцовасці (ЕПО) і прыпісцы да яго большасці насельніцтва тэрыторыі ў цэлым рабіла кааператыўную сістэму грувасткай, эканамічна неэфектыўнай і няздольнай рашаць практычныя задачы задавальнення спажывецкага попыту насельніцтва. А гэта, вядома, складае прадмет дзейнасці нармальнай кааперацыі.

Адначасова істотна змяніўся якасны стан кааператыўнага апарату, бо вопытныя працаўнікі ў большасці сваёй пакінулі яго, рассяяліся па іншых установах або засталіся без працы. У асяроддзі новага апарату буялі спажывецкія настроі,

³ Файн Л. Е. *Отечественная кооперация: исторический опыт.* С. 146.

⁴ *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.* С. 48-50, 175-176.

⁵ *Декреты Советской власти.* Т. XII. С. 29-31.

памкненні атрымаць ад таварыства максімальную колькасць прадуктаў без прыкладання намаганняў да пашырэння іх вытворчасці.

Разам з тым такі ход падзей быў тупіковым, што ў хуткім часе стала зразумела. Рэарганізацыя кааператыўнай сістэмы ў 1919-1920 гг. з мэтай перайсці ад кампрамісу з кааперацыяй да поўнага ажыццяўлення ідэі «адзінага ўсенароднага кааператыва» ў надзеі, што рэалізацыя гэтай ідэі – справа зусім недалёкай будучыні, па сваіх выніках і наступствах аказалася вельмі далёкай ад утапічных спадзяванняў, якія на яе ўскладваліся. Нездарма сам У. Ленін адзначаў, што кааперацыя да 1921 г. знаходзілася ў «стане празмернага задурэння».⁶ Спроба стварэння камун на базе кааператыўных арганізацый не ўдалася. Рэфармаваная кааперацыя ператваралася не ў камуну, а пераважна ў размеркавальны механізм. Імкненні ствараць калектыўныя формы гаспадаркі сіламі кааперацыі выйшлі на ўзровень шырокіх пластоў сялянства.

Не лепшым чынам наладжвалася супрацоўніцтва кааператараў з новай уладай і на іншых узроўнях. У разгледжаны перыяд адной з найбольш характэрных форм супрацоўніцтва стала прадстаўніцтва кааператараў у дзяржаўных эканамічных органах і, наадварот, членаў урадавых устаноў у кааператыўных арганізацыях. Шырока вядома функцыянаванне чатырох такіх кааператыўных прадстаўніцтваў: у ВСНГ, Наркомзеце, Наркомфіне і Наркомхарчы. Іх называлі кааператыўнымі камітэтамі. Гэта былі дарадчыя органы, якія слаба ўплывалі на фарміраванне агульнай урадавай палітыкі. Яны займаліся не столькі вырашэннем прынцыповых пытанняў для кааперацыі і яе вытворчасці, колькі самаабаронай, г. зн. пасіўна ўдзельнічалі ў рабоце савецкіх устаноў з мэтай абароны інтарэсаў кааперацыі, даводзілі да ўрадавых органаў практычныя пытанні (аб страхаванні жывёлы, цвёрдых цэнах і інш.). Адсюль паходзіць і ацэнка іх работы як неэфектыўнай.⁷

Кааператары паведамлялі У. Леніну аб разбурэнні сялянскіх гаспадарак і развале кааперацыі. Крытыка аграрнай і харчовай палітыкі савецкай улады хаця і была рэзкай, але не контррэвалюцыйнай: прапанаваная кааператарамі палітыка праводзілася ў межах савецкай сістэмы.

Заклапочанасць кааператараў недасканаласцю эканамічнай палітыкі савецкай дзяржавы, адмоўным уплывам механічна зацверджаных у дзяржаўным камітэце цвёрдых цэн, выпрацаваных у розных глаўках і цэнтрах, рэквізіцый і іншых прыёмаў гаспадарчай палітыкі не знаходзіла адпаведнай падтрымкі

⁶ *Ленін В. І. Доклад аб замене развёрсткі натуральным падаткам 15 сакавіка. С. 198.*

⁷ *Кабанов В. В. Октябрьская революция и кооперация... С. 136-137, 178-183.*

з боку ўлады. Не выпадкова ў дзейнасці кааператыўнага камітэта Наркомзема задума савецкіх работнікаў – прыцягнуць кааперацыю да стварэння абагуленага земляробства – знайшла мінімальнае адлюстраванне. Тут сапраўды выявілася поўнае непаразуменне паміж двума бакамі. Кааператыўныя камітэты і ўрадавыя ўстановы ўсё часцей аказваліся ў невыразным становішчы. Таму натуральнай з’яўляецца наступная паста нова калегіі Наркомзема РСФСР ад 16 ліпеня 1919 г.: «Работу камітэта кааперацыі не пашыраць і не ўзмацняць».⁸

На гэтым фоне дзейнасць кааперацыі, асабліва сельскагаспадарчай, рабілася ўсё больш абмежаванай. Тым больш, што ў канцы 1919 г. у партыйным асяроддзі набывае надзвычайную папулярнасць ідэя інтэграцыі ўсіх відаў кааперацыі, выкладзеная ў той ці іншай форме ў ленінскіх матэрыялах канца 1917 – пачатку 1918 гг. і ў дэкрэце СНК ад 10 красавіка 1918 г., але не рэалізаваная з-за дасягнення кампрамісу. Неўзабаве лінія на паварот ад кампрамісу да «штурмавога» спосабу пераўтварэння кааперацыі была маштабна ўвасоблена ў дэкрэце СНК ад 16 сакавіка 1919 г. «Аб спажывецкіх камунах» (зацверджаны ВЦВК 19 сакавіка).

На тэрыторыі савецкай Беларусі на працягу 1920 – пачатку 1921 гг. кааператыўная сетка была аб’яднана ў адзіным каардынацыйным апарате размеркавальнай дзейнасці – Беларускаім цэнтральным саюзе спажывецкіх таварыстваў (Цэнтрабелсаюз, ЦБС), які абапіраўся на раённыя аддзяленні. Сістэме спажыўкааперацыі былі падпарадкаваны сельскагаспадарчыя і крэдытныя таварыствы, збытавыя і саматужна-прамысловыя кааператывы. Цікава і тое, што ініцыятыва па ўтварэнні ЦБС у жніўні 1920 г., фарміраванні складу яго праўлення зыходзіла ад вышэйшага органа ўлады ў БССР – Ваенрэўкома і Наркомхарча РСФСР. Не варта забываць, што гэтае дзеянне Ваенрэўком не мог ажыццявіць «без папярэдняй санкцыі ЦК КПБ».

Кааператывы, якія існавалі на тэрыторыі рэгіёна, ператвараліся ў адзінае рабоча-сялянскае таварыства (ЕПО) з неабходнай колькасцю размеркавальных пунктаў (лавак або ў сельскай мясцовасці – сельпо). Стварэнне ЕПО, з аднаго боку, прывяло да скарачэння ліку таварыстваў, з другога – да больш поўнага ахопу кааперацыяй насельніцтва. Гэта было вынікам адмены ўступных і паявых узносаў: усё насельніцтва той ці іншай мясцовасці абавязана было стаць членамі кааператыва. Перад кулаком, паводле актаў вышэйшых дзяржаўных

⁸ Кабанов В. В. А. В. Чаянов в кооперативном движении. С. 14-15.

КААПЕРАТЫВЫ, ЯКІЯ ІСНАВАЛІ НА ТЭРЫТОРЫІ РЕГІЁНА, ПЕРАТВАРАЛІСЯ Ў АДЗІНАЕ РАБОЧА-СЯЛЯНСКАЕ ТАВАРЫСТВА (ЕПО) З НЕАБХОДНОЙ КОЛЬКАСЦЮ РАЗМЕРКАВАЛЬНЫХ ПУНКТАЎ

органаў РСФСР, дарога ў кааператывы, у тым ліку ў калгасы, не закрывалася. Але іх уплыў на органы праўлення, як ужо адзначалася, абмяжоўваўся.

Згодна з рашэннем СНК РСФСР ад 16 сакавіка 1919 г., кааперацыя захоўвала выбарныя органы кіравання (Праўленне) і кантролю (Кантрольны Савет), але падпарадкоўвалася органам Наркомхарча і мясцовым Саветам. Мясцовыя харчовыя органы валодалі правам уводу свайго прадстаўніка ў праўленні ЕПО «з правам прыпыняць выкананне пастаноў праўлення і абскарджваць іх у органы Харчовага камітэта». Пры гэтым прадстаўнік Наркомхарча ўваходзіў у склад праўлення саюзаў (п. 14). Склад праўлення Цэнтрсаюза знаходзіўся пад апекай Саўнаркома: апошні меў права кааптаваць туды «неабходную колькасць сваіх прадстаўнікоў» (п. 16).

Не стаяла ў баку ад гэтых пытанняў і мясцовае партыйнае кіраўніцтва. У пісьме Гомельскага губкома РКП(б) да павятовых камітэтаў партыі ўказвалася: «Улічваючы велізарныя задачы, якія ўскладаюцца на кааперацыю ў галіне размеркавання і нарыхтовак, на чале яе павінны стаяць людзі, безумоўна, адданыя Савецкай уладзе...» Акрамя таго, з рэвалюцыйнай непасрэднасцю прадпісвалася: «Былым лавачнікам-спекулянтам, папам і кулакам не павінна быць месца ў кааперацыі». І не знаходзілася...

Але ж, відавочна, такі парадак фарміравання ўсяго складу самадзейнай арганізацыі, яе кіруючых органаў, у прыватнасці, зыходзіў з мэтавай устаноўкі партыі ўлады на ўцягненне насельніцтва ў радыкальныя «сацыялістычныя пераўтварэнні» шляхам нагнятання класавай барацьбы, трансфармацыі сацыяльна-эканамічных адносін на аснове дзяржаўнага манапалізму і аднаўкладнасці. Невыпадкова кааперацыя пры размеркаванні тавараў (і іх нарыхтоўцы) павінна была строга выконваць заканадаўчыя акты, а таксама агульныя палажэнні дзяржаўнай харчовай палітыкі (класавы паёк, цвёрдыя цэны і г. д.) па заданнях і пад кантролем органаў Наркомхарча. Да таго ж, ва ўмовах няўхільнага згортвання таварна-грашовых адносін, каласальнага падзення пакупной здольнасці грошай (на 1 студзеня 1921 г. адносна 1913 г. у 16800 разоў) кааперацыя была пазбаўлена магчымасці выконваць функцыі па крэдытаванні насельніцтва.

Тыповай рысай развіцця спажывецкай кааперацыі ў разгледжаны перыяд з'яўлялася аб'яднанне яе таварыстваў

КААПЕРАЦЫЯ ПРЫ РАЗМЕРКАВАННІ ТАВАРАЎ ПАВІННА БЫЛА СТРОГА ВЫКОНВАЦЬ ЗАКАНАДАЎЧЫЯ АКТЫ, А ТАКСАМА АГУЛЬНЫЯ ПАЛАЖЭННІ ДЗЯРЖАЎНАЙ ХАРЧОВАЙ ПАЛІТЫКІ (КЛАСАВЫ ПАЁК, ЦВЁРДЫЯ ЦЭНЫ І Г. Д.) ПА ЗАДАННЯХ І ПАД КАНТРОЛЕМ ОРГАНАЎ НАРКОМХАРЧА

у саюзы. Гэта пашырала магчымасці кааперацыі, як сведчаць назіранні Л. Міхневіча, шырэй праводзіць закупкі тавараў не толькі ў губерні, але і за яе межамі. На 1 студзеня 1919 г. у саюз кааператыўных таварыстваў Мінскага раёна ўваходзіла 156 спажывецкіх таварыстваў з 56,3 тыс. пайшчыкаў. У Гомельскай губерні ў канцы 1919 г. налічвалася 11 раённых саюзаў спажывецкай кааперацыі, кожны з якіх уключаў у сярэднім 142 таварыствы і 127 тыс. абслугоўваемага насельніцтва. Раённыя і павятовыя саюзы ў сваю чаргу аб'ядноўваліся ў губернскія саюзы (Гомельскі і Віцебскі, Цэнтрабелсаюз).

У пачатку лістапада 1920 г. кожны з 23 раённых саюзаў кааператыўных таварыстваў Беларусі ўключаў у сярэднім 64 спажывецкія таварыствы і 181,5 тыс. членаў супраць прыблізна 113 таварыстваў са 130 тыс. пайшчыкаў на пачатак 1918 г. Кааператыўныя саюзы абслугоўвалі 4179,5 тыс. чалавек. У Віцебскай і Гомельскай губернях на долю сельскага насельніцтва прыпадала 86,4% агульнай колькасці ахопленага кааперацыйнай насельніцтва.⁹

Раённыя (павятовыя), губернскія саюзы, а таксама Цэнтрабелсаюз (уключаў кааперацыю 6 павеатаў Мінскай губерні) мелі самастойныя балансы. На пачатак 1919 г. зводны баланс 6 кааператыўных саюзаў Беларусі складаў 19191 тыс. руб. У абаротныя сродкі было ўкладзена 40,6% усёй сумы. 80,7% абаротных сродкаў складалі тавары. 90% сродкаў, якія знаходзіліся ў абароце кааператыўных саюзаў, былі пазыковымі. Вялікая ўдзельная вага пазыковых сродкаў, а таксама сродкаў, не ўцягнутых у абарот, сведчаць пра няўстойлівасць фінансавага становішча кааператываў і іх саюзаў, пра высокую ступень іх залежнасці ад пастаўшчыкоў тавараў, пераважна ад органаў Наркомхарча.

Выкарыстоўваючы кааператыўны апарат для размеркавання сярод насельніцтва харчоў і тавараў першай неабходнасці, харчовыя камітэты перадавалі выдадзеныя ім фонды тавараў кааператыўным арганізацыям (посуд, шкло, запалкі, мыла, паперу, абутак, соль і інш.). Прычым з 1919 г. у аснову размеркавання быў пакладзены класавы прынцып.

Кааператыўны апарат усё больш актыўна ўцягваўся ў планавыя нарыхтоўкі сельгаспрадуктаў (малака, яек, садавіны, гародніны, ягад, грыбоў, мёду і г. д.). Так, у 1920 г. кааператары Віцебскай губерні нарыхтавалі 10% агульнагубернскай нарыхтоўкі гародніны, 50% – садавіны і ягад, амаль 100% нарыхтовак грыбоў і мёду.¹⁰ Пры гэтым кааперацыя згарнула перапрацоўку і збыт сельскагаспадарчай прадукцыі. Хаця

⁹ *Социалистические преобразования в экономике Белоруссии... С. 148-149;*

Потребительская кооперация Белорусской ССР. С. 6-9.

¹⁰ *Социалистические преобразования в экономике Белоруссии... С. 149-151, 164.*

ў задачу кааперацыі ўваходзіла, нагадаем, выкананне не толькі функцыі харчоваразмеркавальнага механізма па збору, закупцы і пасрэдніцтве ў атрыманні і размеркаванні прадметаў спажывання і тавараў першай неабходнасці, але і арганізацыі сумеснай вытворчасці, наладжвання гаспадарчага жыцця ў сваім рэгіёне.

У выніку гублялі сэнс уласцівыя кааператыўнаму руху прынцыпы і гаспадарчыя перавагі: добраахвотнае членства, гаспадарчая самадзейнасць, свабоднае (самастойнае) прыняцце рашэнняў, у тым ліку па прыбытку і выплаце даходаў. Адзяржаў-

**АДЗЯРЖАЎЛЕНАЯ КААПЕРАЦЫЯ
СТАЛА, ПА СУТНАСЦІ, АДМІНІ-
СТРАЦЫЙНЫМ ОРГАНАМ, ЯКІ
СТРОГА КІРАВАЎСЯ ПРАДПІСА-
НЯМІ ДЗЯРЖАЎНЫХ ОРГАНАЎ**

леная кааперацыя стала, па сутнасці, адміністрацыйным органам, які строга кіраваўся прадпісаннямі дзяржаўных органаў (дзяржавы). Таму ёсць падставы меркаваць, што менавіта ў гэты перыяд быў закладзены падмурак адміністрацыйна-каманднага кіраўніцтва кааперацыяй. Ён быў не на карысць пазітыўнаму развіццю кааператыўных адносінаў.

І тым не менш, у цэлым дзейнасць кааперацыі ў гады Грамадзянскай вайны спрыяла змякчэнню вострага харчовага і таварнага крызісу, які ўзнік яшчэ ў 1915 г. з-за разладу эканомікі царскай Расіі ва ўмовах Першай сусветнай вайны, сродкамі, якія адпавядалі канкрэтным умовам вайны і інтэрвенцыі. Характарызуючы работу кааперацыі ў гады Грамадзянскай вайны, XIII з'езд РКП(б) (май 1924 г.) справядліва адзначыў: «Кааперацыя ў той час выконвала ролю размеркавальніка праз свой апарат прадуктаў харчавання па даручэнні дзяржавы, і яна ў гэтай рабоце аказала каласальную падтрымку ў справе ўмацавання рабочай дзяржавы».¹¹ Ад сябе дададзім – толькі не сказана, што для выканання гэтай задачы дзейнасць кааперацыі наладжвалася пад лозунгам «Усё для харчовага фронту!», кааперацыя выкарыстоўвалася апаратам улады ў якасці сродка размеркавання прадметаў спажывання па прынцыпе «хто не працуе, той не есць». Сістэма кааперацыі, якая складалася ў гады Грамадзянскай вайны, арыентавалася не на рынак (захоўваўся толькі легальны рыначны гандаль неманапольнымі таварамі – гародніна, садавіна, малочныя прадукты, саматужныя вырабы і інш.). Прычым яна развівалася ва ўмовах заахвочвання ўладай размеркавальных ваенна-камуністычных адносін.

Важна адзначыць і тое, што простыя віды кааперацыі (спажывецкая, сельскагаспадарчая, забеспячэнска-збытавая, прамысловая і інш.), якія аб'ядноўвалі дробных таваравытворцаў – пераважную большасць насельніцтва, з пункту погляду партыйна-дзяржаўнага кіраўніцтва з'яўляліся другараднымі

¹¹ *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов...* Т. 3. С. 234.

ў параўнанні з элементамі сапраўды сацыялістычнага ўкладу і павінны былі саступіць яму дарогу. Гэта значыць – рабочым, спажывецкім кааператывам і калгасам. Прычым ва ўмовах адсутнасці сельскагаспадарчай кааперацыі як сістэмы вызначыліся тры формы сельскагаспадарчых кааператыўных гаспадарак. Іх члены аб'ядноўваліся з мэтай арганізацыі і сумеснай вытворчасці, перапрацоўкі і збыту сельгаспрадукцыі. Гэта таварыствы па сумеснай апрацоўцы зямлі (ТСАЗы), сельскагаспадарчыя арцелі і земляробчыя камуны. Але яны развіваліся без сувязі з прасцейшымі відамі кааперацыі. Спробы органаў савецкай улады «штурмам» знішчыць капіталізм, у тым ліку і шляхам адміністрацыйнага насаджэння калектыўных гаспадарак з абагульненнем асноўных сродкаў вытворчасці, не знайшлі, вядома, падтрымкі ў пераважнай часткі земляробаў. У 1920 г. на долю калгаснікаў у Гомельскай і Віцебскай губернях прыходзілася адпаведна 1,9 і 1,5% усіх сялян. Будзем мець на ўвазе і тое, што з цягам часу пад уплывам адміністрацыйнага ўздзеяння і прымусу ў адносінах да сялянства сельскагаспадарчая кааперацыя станавілася ўсё больш уніфікаванай, з аднатыпнымі вытворчымі фарміраваннямі. За імі замацавалася найменне «калгас».

Спецыфіка калгаснага руху ў разгледжаны перыяд заключалася ў тым, што дзяржава, узначаліўшы яго і ажыццяўляючы непасрэднае апэратыўнае ўпраўленне калгасамі праз Наркомзем і мясцовыя земаддзелы, не толькі не вяла іх да пастаўленай мэты (што было немагчыма, бо мэта была міфічнай), але шмат зрабіла для таго, каб адбіць у членаў калектыўных аб'яднанняў натуральнае імкненне да супрацоўніцтва і ўзаемадапамогі, падавіць тыя кааператыўныя пачаткі, якія знаходзіліся ў самой прыродзе такіх калектываў і маглі б задаволіць памкненне асобных сялян да сумеснага гаспадарання.

Будучы па спосабу ўтварэння прадпрыемствамі кааператыўнага тыпу (ствараліся на аснове добраахвотнага аб'яднання, прымалі статут, выбіралі праўленне, старшыню і г. д.), калгасы сваю кааператыўную прыроду маглі рэалізаваць не толькі за кошт уліку крытэрыяў іх складвання, але і прыцыпаў арганізацыі ўпраўлення імі па ўсёй вертыкалі, а таксама гаспадарчай дзейнасці. На справе, аднак, гэтага не адбылося.

Дзякуючы настойлівасці свайго апарату, дзяржава хутка дабілася поўнага адміністрацыйнага і гаспадарчага падпарадкавання калгасаў зямельным органам, на іх былі

ДЗЯРЖАВА, АЖЫЦЦЯЎЛЯЮЧЫ НЕПАСРЭДНАЕ АПЕРАТЫЎНАЕ ЎПРАЎЛЕННЕ КАЛГАСАМІ, ШМАТ ЗРАБІЛА ДЛЯ ТАГО, КАБ АДБІЦЬ У ЧЛЕНАЎ КАЛЕКТЫЎНЫХ АБ'ЯДНАННЯЎ НАТУРАЛЬНАЕ ІМКНЕННЕ ДА СУПРАЦОЎНІЦТВА І ЎЗАЕМАДАПАМОГІ

распаўсюджаны прававыя нормы, уласцівыя дзяржаўным прадпрыемствам. Сярод іх – абавязак камун падпарадкоўвацца кантролю Наркомзема, «што ажыццяўляецца непасрэдна і праз яго мясцовыя органы»; права апошніх распускаць камуны ў выпадку «непадпарадкавання» іх «указанням і распараджэннем». Камуны таксама абавязаны былі кіравацца «арганізацыйным планам сельскай гаспадаркі», зацверджаным зяморганамі адпаведнага раёна, прадстаўляць ім «справаздачу аб гаспадарчай дзейнасці», дакладваць «пра кожнае мяркуемае змяненне плана гаспадаркі». Многія з гэтых устаноў няўхільна распаўсюджвалася і на арцелі.¹²

¹² Файн Л. Е. *Отечественная кооперация: исторический опыт.* С. 159.

Цікава і тое, што вызначаная ў пачатковы перыяд савецкага грамадства пад жорсткім кантролем дзяржавы сістэма органаў кіравання і кантролю ў кааперацыі захавалася ў цэлым амаль да цяперашняга часу. У прыватнасці, вышэйшым органам кіравання з’яўляліся з’езд і савет, выканаўча-распарадчым – праўленне на чале са старшынёй, а органам кантролю – рэвізійная камісія. Упраўленне нізавымі пярвічнымі (мясцовымі) звёнамі ажыццяўлялася, як ужо адзначалася, па тэрытарыяльным прынцыпе раённымі і губернскімі аддзяленнямі саюзаў пад кантролем мясцовых органаў улады і Наркомхарча.

Усе кіруючыя органы кааперацыі былі выбарнымі. Правам выбіраць і быць абранымі ў органы праўлення і кантролю кааперацыі валодалі грамадзяне, якія ў адпаведнасці з Канстытуцыяй РСФСР 1918 г. мелі выбарчае права ў Саветы. Выбары ў органы праўлення і кантролю нізавых арганізацый праводзіліся на сходах абранымі ў размеркавальных пунктах упаўнаважанымі або ўсімі членамі адналавачнага таварыства. Праўленні рай- і губсаюзаў выбіраліся сходамі ўпаўнаважаных ад уваходзячых у іх кааператываў. Праўленне Цэнтрсаюза выбіралася ўпаўнаважанымі губсаюзаў у адпаведнасці з асобай інструкцыяй. Пры гэтым мясцовыя харчовыя органы маглі ўводзіць у праўленні кааператываў свайго прадстаўніка з правам прыпынення выканання пастаноў праўлення і абскарджання іх у органы Харчовага Камітэта. Гупрадком і Наркомхарч таксама валодалі правам увядзення свайго прадстаўніка – адпаведна ў Губсаюз і Цэнтрсаюз. Саўнарком меў права папаўняць склад Праўлення Цэнтрсаюза «неабходнай колькасцю сваіх прадстаўнікоў». Тэрмін перавыбараў органаў упраўлення кааператываў і саюзаў прызначаўся камісарам харчавання па ўзгадненні з мясцовымі Саветамі.

На працягу 1919-1920 гг. была ўтворана сетка саюзаў сельскагаспадарчых калектываў – павятовых, губернскіх, а таксама

ўсерасійскі. З мэтай каардынацыі іх дзеянняў склікаліся адпаведныя з'езды камун і арцелей. На іх абіраліся выканаўчыя органы (праўленне, савет). Як паказаў аналіз, гэтыя органы былі дарадчымі і дапаможнымі пры зямаддзелах, фактычна дубліравалі іх работу. Таму не выпадковым выглядае рашэнне другога Усерасійскага з'езда сельскагаспадарчых калектываў (люты 1921 г.) аб скасаванні саюзных аб'яднанняў усіх узроўняў і зліцці іх выканаўчых органаў з цэнтральным камітэтам, губернскімі і павятовымі праўленнямі прафсаюза працаўнікоў зямлі і леса. Члены камун і арцелей падлягалі залічэнню ў абавязковым парадку ў члены гэтага прафсаюза, прычым члены арцелей – толькі пасля пераходу на вераснёўскі статут 1920 г.

Так было пакончана, паводле справядлівага назірання Л. Файна, са спробай мець для калгаснага руху хоць у пэўнай ступені не супадаючыя з дзяржорганами грамадскія самадзейныя арганізацыі, абіраемыя калгасамі і ім падсправаздачныя; замацоўвалася непасрэднае дзяржаўнае ўпраўленне калгасамі фактычна на ўвесь наступны перыяд іх функцыянавання (за выключэннем спробаў адрадыццёў у 20-я гады калгассаюзы, якія не толькі не вывелі калгасы з-пад прамога падпарадкавання дзяржаве, але і самі апынуліся ў такім падпарадкаванні).¹³ Зразумела, што такі рэгламент функцыянавання выбарных органаў кааперацыі, грамадскіх самадзейных арганізацый у цэлым адпавядаў палажэнням аб «дыктатуры пралетарыяту», але ён сведчыў і пра істотнае абмежаванне дэмакратыі ў кааперацыі. Гэта суправаджалася значнымі маральна-псіхалагічнымі стратамі, негатыўна ўплывала на прынцыпы і аб'ектыўныя законы кааператываўных працэсаў і як вынік – на эканамічны патэнцыял усяго грамадства. Захоўвалася напружанасць у сацыяльным мікраклімаце ў грамадстве: узмацнялася незадаволенасць сялян палітыкай «ваеннага камунізму». Яскравы прыклад таму – патрабаванні сялян-кааператараў Магілёўскага павета на сваім з'ездзе (лістапад 1920 г.) аб неадкладнай адмене харчраскладкі, працоўнай і гужавой павіннасці, дапушчэнні свабоднага гандлю.¹⁴ Пераканаўшыся ў гэтым, «ваюючая партыя» (такое вызначэнне даў У. Ленін) вымушана была пайсці на змену адносінаў да кааперацыі і характару рашаемых ёю задач, яе ролі ў сацыяльна-эканамічным жыцці грамадства. Ціскам абставін быў прадвызначаны наступны перыяд развіцця ў савецкай, у тым ліку і беларускай, кааперацыі, як і ў заканадаўстве аб ёй, што было звязана з новай эканамічнай палітыкай (нэпам). Але гэта ўжо пытанні іншага даследавання.

¹³ Файн Л. Е. *Отечественная кооперация: исторический опыт.* С. 159-160.

¹⁴ *Гісторыя Беларускай ССР. Т. 3. С. 227.*

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Кабанов, В. В. Октябрьская революция и кооперация (1917 – март 1919 г.) / В. В. Кабанов. – М.: Наука, 1973. – 296 с.
2. Ленін, В. І. Творы. Перакл. з 4-га рус. выд. Т. 26. Верасень 1917 – люты 1918 / В. І. Ленін. – Мінск: Дзяржвыд БССР, 1951. – С. 379-380.
3. Ленін В. І. Творы. Т. 27. Люты – ліпень 1918 / В. І. Ленін. – Мінск, 1951. – С. 176-191.
4. Ленін, В. І. Творы. Т. 29. Сакавік – жнівень 1919 / В. І. Ленін. – Мінск, 1951. – С. 77-115.
5. Файн, Л. Е. Отечественная кооперация: исторический опыт / Л. Е. Файн. – Иваново: Ивановский университет, 1994. – 275 с.
6. Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М.: Госполитиздат, 1959. – 686 с.
7. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 37. Июль 1918 – март 1919. [Примечания] / В. И. Ленин. – М.: Политиздат, 1981. – 747 с.
8. Кабанов, В. В. Национализация Московского народного банка / В. В. Кабанов // Вопросы истории. – 1970. – № 4. – С. 207-210.
9. Декреты Советской власти. Т. IV. 10 ноября – 31 марта 1919 г. – М.: Политиздат, 1968. – 731 с.
10. Ленін, В. І. Сход партыйных работнікаў Масквы 27 лістапада 1918 г. / В. І. Ленін. // Творы. – Т. 28. Ліпень 1918 – сакавік 1919. – Мінск, 1951. – 511 с.
11. Фигуровская, Н. К., Глаголев, А. И., Давыдов, Ю. С. Учение А. В. Чайнова о сельскохозяйственной кооперации / Н. К. Фигуровская, А. И. Глаголев, Ю. С. Давыдов // Чайнов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. – М.: Наука, 1991. – С. 21-64.
12. Камуністычная партыя Совецкага Саюза ў рэзалюцыях і рашэннях з’ездаў, канферэнцый і пленумаў ЦК. 1898-1924. Перакл. з 7-га рус. выд.: у 3-х ч. Ч. I. 1898-1924. – Мінск, Дзяржвыд БССР, 1954. – 827 с.
13. Декреты Советской власти. – Т. VII. – 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. – М.: Политиздат, 1974. – 676 с.
14. Кабанов, В. В. А. В. Чайнов в кооперативном движении / В. В. Кабанов // Чайнов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. – М.: Наука, 1991. – С. 3-20.
15. Ленин, В. И. Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г. / В. И. Ленин // ПСС. – Т. 40. Декабрь 1919 – апрель 1920. – М.: Политиздат, 1981. – 506 с.
16. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам / Сб. документов: В 16 т. – М.: Политиздат, 1967-1988. – Т. 1. 1917-1928 годы. – 1967. – 783 с.
17. Декреты Советской власти. – Т. XII. Декабрь 1920 г. – январь 1921 г. – М.: Политиздат, 1986. – 427 с.
18. Ленін, В. І. Доклад аб замене развёрсткі натуральным падаткам 15 сакавіка / В. І. Ленін // Творы. – Т. 32. Снежань 1920 – жнівень 1921. – Мінск: Дзяржвыд БССР, 1951. – 538 с.
19. Социалистические преобразования в экономике Белоруссии в 1917-1920 гг. – Минск: Наука и техника, 1966. – 231 с.
20. Потребительская кооперация Белорусской ССР. – Минск: Ураджай, 1989. – 143 с.

-
21. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). 9-е изд., доп. и испр. – Т. 3. 1922-1925. – М.: Политиздат, 1984. – С. 233-240.
 22. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1970-1975. – Т. 3. Перамога Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі і пабудова сацыялізму ў БССР (1917-1937 гг.). – 1973. – 694 с.

Дата паступлення ў рэдакцыю 10.02.2008.

Павлов В. И.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ РАЗРЕШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ БЕЛАРУСИ (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Паўлаў Вадзім Іванавіч – к. ю. н., дацэнт, намеснік кіраўніка кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь, займаецца праблемамі гісторыі прававых вучэнняў, філасофіі і агульнай тэорыі права, асабліваю цікаваць праяўляе да творчасці рускіх рэлігійных мысліцеляў і правазнаўцаў другой паловы XIX – пачатку XX ст.

За несколько последних десятилетий практически во всех сферах жизнедеятельности общества произошло существенное увеличение количества и темпов социальных изменений. Это связано как с развитием самой структуры современного общества – так называемого общества постмодерна, так и со значительным повышением роли информационных технологий, их чрезмерной социализации, многопланового воздействия на социальные системы. В политике, экономике, культуре процессы интеграции-дифференциации обретают количественно более интенсивный и одновременно качественно менее фиксируемый (для самих субъектов социального взаимодействия) характер. Те закономерности развития социальных систем XX и начала XXI веков, о которых говорили и которые прогнозировали еще М. Вебер, Т. Парсонс, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Р. Дарендорф, Л. Козер, Н. Луман и другие социологи прошлого столетия, сегодня можно наблюдать более очевидно, чем это было, скажем, еще 30-40 лет назад. Так называемые «сложные общества», которые можно отождествить с понятием «современные общества», требуют совершенно особых механизмов контроля и руководства за их функционированием. По словам Н. Лумана, в сложных (современных) обществах социальные системы «непрерывно интегрируются и дезинтегрируются,

связываются лишь на мгновения и тотчас же вновь высвобождаются для самостоятельных операций подключения».¹

В этой связи важное значение приобретает анализ конфликтности процессов, происходящих в современных социальных системах. Если обратиться к исследовательской традиции социального конфликта, то следует отметить, что представители конфликтологического направления в социологии – Г. Зиммель, Р. Дарендорф, Л. Козер, Н. Луман и др. – активно отстаивали мнение о позитивной, функциональной роли конфликтов в современных обществах. Данное направление приобрело популярность только с 70-80-х гг. XX столетия, когда функционирование сложных обществ (прежде всего, обществ Западной Европы и США) фактически не могло быть объяснено функциональным направлением в социологии. Представители последнего (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс) основывались на положении об относительно стабильной и интегрированной природе общественного устройства, в котором конфликт рассматривался как патология в функционировании социальных систем. Положение о патологичности социального конфликта в развитии общества содержало в себе, соответственно, установку на абсолютное устранение данного явления из социальных сред либо, по крайней мере, создание и эффективное функционирование механизмов, способных выполнять такую функцию. В связи с этим огромное значение уделялось выработке рациональных способов разрешения социальных конфликтов. Надо сказать, что и К. Маркс, которого традиционно относят к представителям функциональной школы, несмотря на придание одного из определяющих значений конфликтному классовому антагонизму, тем не менее, свою социальную систему также завершал фактическим нивелированием социального конфликта. Советская социологическая школа полностью основывалась на данной установке.

«Социология равновесия», или социологический функционализм, таким образом, ориентировался на идею бесконфликтности и социального согласия, но, как мы уже сказали, рассмотрение конфликта как отклонения от нормы во второй половине, а точнее, ближе к концу XX столетия перестало соответствовать фактической стороне происходящих в мире процессов. «Отклонения» стали встречаться слишком часто, чтобы рассматривать их как исключение из правила, поэтому альтернативная социологическая школа предложила так называемую теорию социального изменения

¹ Луман Н. Дифференциация. С. 16.

«ОТКЛОНЕНИЯ» СТАЛИ ВСТРЕЧАТЬСЯ СЛИШКОМ ЧАСТО, ЧТОБЫ РАССМАТРИВАТЬ ИХ КАК ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛА

или конфликта, которая является доминирующей по настоящее время. Основная задача теоретиков конфликтного направления – максимально полно исследовать социальный конфликт, а начиная с Л. Козера – обнаружить его позитивные функции с целью выявления его конструктивной роли в функционировании общества.

Юридический конфликт как особая форма социального конфликта стал объектом самостоятельного научного исследования под влиянием функциональной конфликтологической школы также с 80-х гг. XX столетия. Сегодня во многих постсоветских республиках, особенно в России, активно проводятся исследования юридических конфликтов и способов их разрешения. Надо сказать, что междисциплинарное направление – юридическая конфликтология, которое зародилось именно в период распада СССР, является уникальным исследовательским явлением практически в рамках всего

ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНО ОПРЕДЕЛИТЬ ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ В ИССЛЕДОВАНИИ САМИХ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ, РАЗЛИЧНЫХ СПОСОБОВ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ, В ОСОБЕННОСТИ, КОГДА РЕЧЬ ИДЕТ О ПРИЛОЖЕНИИ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ К КОНКРЕТНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

мирового научного сообщества. Можно предположить, что такая крайность, как тотальный отказ советского общества от признания его конфликтным, вызвала ответную, не менее сильную реакцию – «броситься» в изучение юридических конфликтов. В связи с этим чрезвычайно важно определить основные методологические ориентиры в исследовании самих юридических конфликтов, различных способов их разрешения, в особенности, когда речь идет о приложении полученных результатов к конкретной правовой системе. На этом основании мы рассмотрим теоретико-методологические особен-

ности исследования юридических конфликтов, природу альтернативных способов их разрешения, а также возможности и перспективы использования последних в процессе правового регулирования общественных отношений в рамках правовой системы Беларуси.

Во-первых, сразу надо сказать, что изучение альтернативных способов (процедур) разрешения юридических конфликтов для отечественной юридической науки является относительно новым аспектом исследования. На рубеже 80-90-х гг. XX столетия данное направление исследования было заимствовано из западноевропейской социологической мысли. В традиционной советской науке собственно о юридическом конфликте в том виде, как его представляет конфликтологическая школа (Г. Зиммель, Л. Козер), речь вообще не велась. Столкновение интересов субъектов правового общения

рассматривалось в категориях «правомерное / неправомерное поведение». Считалось, что последнее (как правонарушение) никакой положительной функции в правовой либо иной социальной системе не выполняло, поэтому советскими социологами охранительного права (криминологами) в отношении правонарушений использовался термин «борьба», предполагающий их совершенное устранение из социальной системы. Термин «конфликт» использовался в советской науке весьма ограничено (например, криминалистическая методика расследования преступлений, криминальная психология), приоритет отдавался термину «преступление», «правонарушение», «проступок» и т.д. Одним словом, советское общество исходило из установки на бесконфликтность, а сам конфликт считался патологией, как уже упоминалось выше.

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСХОДИЛО ИЗ УСТАНОВКИ НА БЕСКОНФЛИКТНОСТЬ, А САМ КОНФЛИКТ СЧИТАЛСЯ ПАТОЛОГИЕЙ. ОДНАКО ПОСЛЕ РАСПАДА СССР КОНФЛИКТ СТАЛ СЧИТАТЬСЯ УСЛОВНО НОРМАЛЬНЫМ ЯВЛЕНИЕМ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Однако после распада СССР идеологические установки практически всех советских республик изменились на противоположные, что в научной мысли выразилось в принятии конфликтной модели развития общества. Конфликт стал считаться условно нормальным явлением для социальной системы, более того, столкновения интересов на уровне правовой системы стали рассматриваться уже не только как односторонний акт нарушения права, но и как конфликт – определенное социальное взаимодействие, которое может иметь и некоторые позитивные стороны в функционировании правовой системы в целом, так сказать, свой смысл. «Борьба с преступлением», которая предполагает наличие вертикально-властного отношения и самого государственно-властного субъекта, его осуществляющего, и которая направлена на устранение преступности как таковой (конфликтности общества), сменяется «сдерживанием, противодействием преступлению», а по существу – «разрешением юридического конфликта», подразумевая в некотором смысле нормальность его присутствия в социальной системе. Несмотря на неотрефлексированность данного общеметодологического положения многими специалистами, которые занимаются отраслевыми юридическими исследованиями, оно является очевидным и фактически подтверждается современным полем исследования конфликтологической проблематики.

Общеметодологическая переориентация восприятия социальных столкновений с негативной на позитивную дала возможность изыскивать иные способы повышения эффективности функционирования правовой системы.

Действительно, следует сказать, что современное белорусское общество, несмотря на имеющий место разумный консерватизм, по степени своей сложности, интенсивности протекающих в нем социальных процессов и по мере включенности его в европейскую/мировую социальную систему объективно может быть признано сложным обществом, для контролирования и регулирования которого ограничиваться традиционной «парсоновской бесконфликтной установкой» уже недостаточно. Решение задачи эффективного функционирования национальной правовой системы позволило обратить внимание на альтернативные традиционному способу разрешения различных правовых ситуаций процедуры (общепотребительная аббревиатура «ADR» – alternative dispute resolutions), которые были разработаны и уже используются достаточно длительное время во многих западноевропейских и североамериканских правовых системах.

В настоящее время тема альтернативных способов разрешения юридических конфликтов находит все большее отражение в общетеоретических исследованиях, в частности, в общей теории права, юридической конфликтологии, социологии права.² Предметное же рассмотрение альтернативных способов разрешения конфликтов наблюдается в отраслевых дисциплинах – в уголовном, гражданском процессуальном праве и в ряде других отраслевых дисциплин. Несмотря на конфликтолого-позитивную установку, лежащую у истоков исследований альтернативных процедур разрешения юридических конфликтов в национальной правовой системе, по своему существу это принципиально не повлияло на направленность и конечные цели правового регулирования конфликтных общественных отношений – целью правового регулирования осталось их устранение. Юридические исследования альтернативных процедур разрешения конфликтов менее всего касаются выявления позитивных функций последних в функционировании правовой системы: основное внимание направлено на поиск новых эффективных способов получения замеренной, сбалансированной правовой среды посредством эффективного предупреждения и разрешения юридических конфликтов.

Непосредственно обращаясь к проблеме альтернативных способов разрешения юридических конфликтов, следует сказать, что сам термин «альтернативы» (от лат. «alter» – один из двух) в отношении к традиционным процессуальным производствам должен рассматриваться как минимум с двух

² Кузьмина М. Н. *Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов*. С. 97 – 119.

Юридическая конфликтология. С. 210 – 232.

позиций, что не всегда делается в литературе: с одной стороны, альтернативными способами разрешения юридических конфликтов могут выступать различного рода «досудебные», внеправовые процедуры, основанные на использовании переговорных (negotiation), посреднических (mediation) и иных методик, которые по своей природе не являются правовыми. В данной связи представляется справедливым замечание российского цивилиста Е.Н. Носыревой о том, что альтернативное разрешение споров возникло и развивается по двум основным направлениям: в рамках действующей судебной системы и вне ее.³ Именно в последнем, внеправовом значении термин «альтернативы» и находит свое точное определение.

С другой стороны, употребление термина «альтернативы» к традиционным процессуальным производствам весьма условно и демонстрирует лишь отклонение хода процесса от классического порядка разрешения дела. В таком значении под альтернативным разрешением конфликтов понимается совокупность разнообразных процессуальных процедур, не относящихся к так называемому «традиционному» правоприменительному процессу.⁴ Однако не должно быть сомнений в том, что данные альтернативные процедуры развиваются в рамках юридического процесса и являются его неотъемлемой частью. Поскольку часть является принадлежностью целого, то с логической закономерностью должно вытекать, что телеология, принципы и иные общие положения развития той или иной традиционной юридической процедуры (уголовного, гражданского, хозяйственного процессов) неизменно должны распространяться и на альтернативные способы разрешения юридических конфликтов. Этого требует логика развития системы права и иерархии ее элементов. Именно в этом смысле термина «альтернативы» мы будем рассматривать альтернативные способы разрешения юридических конфликтов.

Для более конкретного анализа альтернативных способов разрешения юридических конфликтов в последнем упомянутом нами смысле обратимся к законодательству Республики Беларусь и дадим общую характеристику альтернатив на примере двух наиболее типичных отраслей частного и публичного права – соответственно гражданского и уголовного права.

Частноправовая природа большинства гражданско-правовых конфликтов, разрешаемых в рамках гражданского процесса, изначально предполагает наличие альтернативных способов разрешения споров, что, соответственно, обуславливает большие альтернативные возможности в разрешении

³ Носырева Е. Н. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США. С. 9, 52.

⁴ Там же.

конфликтов по сравнению с уголовным процессом. В последнее время предложения о внедрении в данную сферу регулирования альтернативных элементов разрешения гражданско-правовых конфликтов стали появляться все чаще. Среди ученых-цивилистов дискусируется вопрос о возможности признания доминирующим в гражданском процессе диспозитивного метода гражданско-процессуального регулирования, отмечается и «зажатость» состязательного начала при традиционной гражданской процедуре, указывается на недостаточность сотрудничества сторон конфликта в процессе.⁵ Думается, что призывы к созданию диспозитивного гражданского правосудия как новой этической парадигмы, материализации «идеи гармонично нормализующего правосудия» относятся хотя и к сложно реализуемым, однако, при последовательном реформировании, к вполне возможным преобразованиям.

В гражданском законодательстве Республики Беларусь на сегодняшний день можно выделить ряд альтернативных способов разрешения гражданско-правовых конфликтов. Прежде всего, к ним относятся претензионный порядок урегулирования споров и третейский суд.

Претензионный порядок урегулирования споров предусматривает разрешение конфликта непосредственно сторонами без участия третьих лиц. По сравнению с западными аналогами претензионного порядка разрешения конфликтов, отечественный имеет ряд специфических особенностей. Так, в частности, в американском представлении претензионный порядок рассматривается как предварительный этап переговоров, целью которого является выяснение позиций сторон в конфликте.⁶ Нашему же представлению соответствует понимание претензионного порядка как самостоятельной, завершённой процедуры. В советский период претензионный порядок урегулирования хозяйственных споров между сторонами имел достаточно широкое распространение. Он предшествовал разбирательству в любом органе, разрешающем хозяйственный спор, носил всеобщий и обязательный характер. Не принимая во внимание ряда негативных моментов в советской системе предъявления претензий, следует отметить ее ценные качества, связанные с направленностью на быстрое разрешение конфликтов, в недоведении до суда незначительных и мелких конфликтов. Ранее действовавший Гражданский кодекс (ГК Республики Беларусь от 11.06.1964 г.) в ст.ст. 243, 260, 378, 544, 549 предусматривал правовые основания для претензионного порядка урегулирования споров.

⁵ Мурадьян Э. М. Диспозитивное правосудие как этическая парадигма будущего.

⁶ Носырева Е. Н. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США. С. 54.

В настоящее время отечественное гражданское законодательство не содержит требования об обязательном претензионном порядке урегулирования конфликтов в качестве общего правила (за исключением ст. 751 ГК Республики Беларусь «Претензии и иски по перевозкам грузов»). Вместе с тем Хозяйственно-процессуальный кодекс Республики Беларусь в ч. 3 ст. 6 определил необходимость прохождения претензионного производства в следующих случаях: 1) если законодательными актами для определенной категории споров установлен досудебный (претензионный) порядок урегулирования спора; 2) если договором установлен досудебный (претензионный) порядок урегулирования спора. Для прокурора, государственных органов, органов местного управления и самоуправления, иных органов делается исключение из правила обязательности соблюдения претензионного порядка по вышеуказанным основаниям в случае необходимости защиты государственных и общественных интересов, а также интересов юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, организаций, не являющихся юридическими лицами (в том числе коллективов работников), а также граждан – в случаях, предусмотренных законодательными актами.

Относительно первого основания следует отметить, что применение досудебных процедур, в частности, претензионного порядка, весьма ограничено ввиду небольшого количества актов законодательства, содержащих указание на необходимость применения досудебного порядка. Использование же на практике второго основания относительно претензионного порядка также весьма затруднительно, поскольку всякий раз у сторон возникает необходимость согласования конкретных процедурных вопросов, связанных с обменом и рассмотрением претензий, но ни нормативной регламентации, ни отработанной претензионной практики нет.

В целом следует отметить, что устранение в новом белорусском законодательстве обязательности применения претензионного порядка в виде общего правила явилось значительным шагом на пути совершенствования данного способа разрешения конфликтов. Однако думается, что нет оснований отказываться от самой идеи «легитимизации» претензионного порядка в сложившихся новых экономических условиях, «внедрения» его в правовую ткань на качественно новых условиях. Так, разработка Положения о претензионном (досудебном) порядке

**УСТРАНЕНИЕ В НОВОМ БЕЛО-
РУССКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРИМЕНЕ-
НИЯ ПРЕТЕНЗИОННОГО ПОРЯД-
КА В ВИДЕ ОБЩЕГО ПРАВИЛА
ЯВИЛОСЬ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ ША-
ГОМ НА ПУТИ СОВЕРШЕНСТВО-
ВАНИЯ ДАННОГО СПОСОБА РАЗ-
РЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ**

разрешения гражданско-правовых конфликтов с приданием ему статуса модельного рекомендательного акта поспособствовала бы созданию единой альтернативной процедуры, способной быстро, гибко, с наименьшими материальными и временными затратами конструктивно разрешить юридический конфликт. Вместе с тем, все зависит от гражданско-правовой и хозяйственно-правовой практики, которую во многом определяет государство.

ТРЕТЕЙСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ВЫСТУПАЕТ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК СУГУБО ЧАСТНОПРАВОВОЙ СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

Третейское разбирательство выступает в правовой системе Республики Беларусь как сугубо частноправовой способ разрешения конфликтов. Исключительная важность третейского разбирательства объясняется его тесной связанностью с принципами организации и деятельности государственных судов. В сфере разрешения гражданско-правовых конфликтов третейский суд

выступает классическим образцом «квазиюридического», альтернативного способа урегулирования, являющегося частью правовой системы и, вместе с тем, осуществляющего защиту субъективных юридических прав в общественной форме.⁷

Включенное законодателем в Гражданско-процессуальный Кодекс Республики Беларусь «Положение о третейском суде» представляет собой нормативно-правовую основу создания и функционирования данного альтернативного института. По сути, данный институт был без изменений заимствован из Гражданско-процессуального кодекса Республики Беларусь 1964 года и, к сожалению, не получил дальнейшего развития в других правовых актах.

Несмотря на все положительные моменты, связанные с введением института третейского суда в Республике Беларусь, следует отметить недостаточную регламентированность деятельности третейских судов и определенную пробельность законодательства в данной сфере. Так, ощущается отсутствие нормативно-правового акта, который бы детализировал общие нормы положения о третейском суде. В Российской Федерации, например, действует Федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации» от 24.07.2002 года, который устранил ряд пробелов в сфере функционирования «третейского правосудия». Думается, появление в Республике Беларусь подобного акта существенно бы ускорило процесс внедрения третейского разбирательства в гражданско-правовую практику.

Кроме претензионного порядка и третейского разрешения конфликтов, в цивилистике применяются и т.н. «чистые»

⁷ Тихиня В. Г. *Гражданское процессуальное право Республики Беларусь*. С. 213.

альтернативы традиционному процессу, т.е. «внеправовые» способы разрешения юридических конфликтов – переговоры и посредничество. Однако, как показывает практика, переговоры в качестве квазипроцедуры не находят должной реализации, причиной чему служит неспособность квалифицированного ведения переговоров ввиду отсутствия представлений о данной процедуре как эффективном способе разрешения конфликта и навыков ведения переговоров⁸.

Посредничество же представляет наиболее перспективный «внеправовой» способ разрешения юридических конфликтов. Преимущества посредничества по сравнению с переговорами, претензионным порядком, связаны с участием в разрешении конфликта третьего лица – посредника, что облегчает достижение соглашения между сторонами. В отличие же от третейского разбирательства посредничество исключает властность лиц, его осуществляющих, и принудительность исполнения решения: «...в данной форме минимизируются недостатки других процедур».⁹ В отечественной хозяйственно-правовой практике институт посредничества регламентируется Главой 17 ХПК Республики Беларусь. Разъяснение Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 29.04.2008 №03-30/902 «Об урегулировании споров в порядке посредничества» специально подчеркивает важность посреднической процедуры в качестве альтернативного способа разрешения хозяйственных споров.

В сфере уголовно-правовых отношений, несмотря на значительно меньшие возможности внедрения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в связи с публично-правовой природой права и процесса, тем не менее, также прослеживается тенденция усиления диспозитивных начал.

В отечественной и российской науке активно дискутируется вопрос об эффективности и допустимости внедрения в уголовно-правовую сферу альтернативных способов разрешения конфликтов, имеются как сторонники, так и противники таких преобразований. Одним из первых на концептуальном уровне обосновал необходимость использования альтернативных способов разрешения конфликтов в уголовно-правовой сфере Х. Д. Аликперов. Главным основанием внедрения альтернативных механизмов разрешения юридических конфликтов в уголовно-правовой сфере явилось положение о необходимости имплементации «...в сферу уголовной политики

⁸ Носырева Е. Н. *Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США*. С. 53.

⁹ Там же. С. 56.

В СФЕРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРОСЛЕЖИВАЕТСЯ ТЕНДЕНЦИЯ УСИЛЕНИЯ ДИСПОЗИТИВНЫХ НАЧАЛ

¹⁰ Аликперов Х.Д. Проблема допустимости компромисса в борьбе с преступностью. С. 7.

социологической и социально-психологической теории компромисса как средства решения или смягчения социальных и индивидуальных конфликтов».¹⁰

Уголовный закон Республики Беларусь традиционно закрепляет альтернативные способы разрешения конфликтов посредством регламентации института освобождения от уголовной ответственности – условно его также можно называть альтернативой традиционному завершению уголовного процесса.

Наряду с основаниями «освобождения от уголовной ответственности», отечественный законодатель постепенно расширяет перечень норм, закрепленных в Особенной части нового уголовного закона, причем в качестве условий применения данных норм предлагается позитивное посткриминальное поведение: активное содействие раскрытию преступления, полное возмещение ущерба, явка с повинной, добровольное заявление о содеянном (см. например, п. 5 примечания Главы 24, примечание к ст. 235, ст. 289, 291, 295, 328 и др. статьи УК Республики Беларусь). В научных исследованиях данная проблема зачастую актуализируется в вопросе об уголовно-правовом компромиссе и его значении для эффективного разрешения уголовно-правовых конфликтов, причем перспективность и актуальность данного направления исследования не вызывает сомнений.

Весьма дискуссионным является вопрос о возможности использования такого альтернативного способа разрешения уголовно-правового конфликта, как «соглашение о признании вины» в уголовном процессе.

ВЕСЬМА ДИСКУССИОННЫМ ЯВЛЯЕТСЯ ВОПРОС О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТАКОГО АЛЬТЕРНАТИВНОГО СПОСОБА РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА, КАК «СОГЛАШЕНИЕ О ПРИЗНАНИИ ВИННЫ» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Российский законодатель предусмотрел в Главе 40 УПК России «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением», который многими исследователями сравнивается с американским и континентальным аналогом так называемой «сделки о признании» (plea bargaining). «Сделка о признании», успешно практикуемая в англосаксонской системе права, выступает своего рода альтернативным механизмом

разрешения юридического конфликта, своеобразной внесудебной упрощенной примирительной процедурой разбирательства уголовных дел. В США, например, смысл «сделок о признании» выражается в поощряемом судом заключении между обвинением и защитой особого соглашения, в соответствии с которым обвинитель обязуется переqualифицировать деяние на менее тяжкое, а обвиняемый – признать в нем свою

виновность, причем более 90% уголовных дел разрешается на основе данного института.¹¹ Относительно же российского аналога «особого порядка» в сравнении с его западными прототипами отмечается некоторая ущербность нового института.¹² Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Беларусь, в сущности, закрепил в данном плане менее радикальное положение, предусмотрев в статье 326 УПК РБ сокращенный порядок судебного следствия в случае признания обвиняемым своей вины.

Таким образом, и в частных, и в публичных отраслях права отечественный законодатель пытается постепенно интегрировать западноевропейский опыт по функционированию альтернативных процедур разрешения юридических конфликтов, реагируя тем самым на ускорение различных интеграционных и дезинтеграционных процессов в белорусском обществе. И с позиции эффективности функционирования национальной правовой системы это верно. В то же время очень важно на теоретико-методологическом уровне определить пределы внедрения в национальную правовую систему альтернативных процедур, обозначить их место в системе сложившегося традиционного правоприменительного производства, поскольку идейная основа, на которой фундированы «ADR», представляет собой, в сущности, признание постоянного столкновения и конфликтности общества явлением нормальным, что не соответствует той правовой, а шире – социокультурной традиции, в которой сформировалось мировоззрение белорусского общества и которая на сегодняшний день пока остается актуальной.

Основываясь на данном положении, следует отметить, что среди тенденций развития современных способов разрешения юридических конфликтов небезосновательно выделяются такие, как влияние процессов глобализации и изменение сферы правового регулирования, причем определяющее значение первой тенденции и ее очевидное влияние на вторую не вызывает сомнений.¹³ Глобализационные процессы активно воздействуют на все компоненты правовой системы, в том числе и на процессуальные процедуры, в особенности на ее организационные уровни, что, по мнению ряда ученых, выражается в совершенствовании организации и деятельности самих правоприменительных институтов, в обеспечении их соответствия т.н. «общепризнанным моделям». Вместе с тем, события последнего десятилетия существенно актуализировали проблему исторических судеб

¹¹ Махов В. Сделка о признании вины. С. 17.

¹² Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. С. 396 – 402.

ОЧЕНЬ ВАЖНО ОПРЕДЕЛИТЬ ПРЕДЕЛЫ ВНЕДРЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНУЮ ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР, ОБОЗНАЧИТЬ ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ СЛОЖИВШЕГОСЯ ТРАДИЦИОННОГО ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

¹³ Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. С. 137 – 139.

¹⁴ Яхно В. Н. *Возможные варианты развития белорусского общества в геополитических условиях XXI века.* С. 56.

государств постсоветского пространства, поставили на первое место разрешение тех теоретических и практических проблем, которые являются приоритетными для поступательного и гармоничного развития национальных правовых систем в контексте глобализации.¹⁴ В данной связи нет сомнений в том, что глобальный цивилизационный контекст требует решения вопроса о целесообразности подражательной ориентации в развитии правовой системы Беларуси по западному образцу.

Относительно проблемы использования «ADR» следует отметить, что в силу объективных причин правовая система Беларуси не может не испытывать влияние альтернативных способов разрешения конфликтов как правового института, сформировавшегося в западноевропейских правовых системах и претендуемого на наднациональную рецепцию. Более того, наличие реальных положительных результатов функционирования «ADR» в западноевропейских правовых системах свидетельствует об их перспективности. Представляется, что в данной связи для Республики Беларусь весьма важным является рассмотрение возможностей разумного «внедрения»

СОЗДАНИЕ ОБЩЕМЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ, ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЙ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ОТНОСИТЕЛЬНО АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ, ПОЗВОЛИЛО БЫ ВО МНОГОМ ИЗБЕЖАТЬ ОШИБОК И ПРОСЧЕТОВ В РЕФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ЗАЩИТИТЬ ЕГО ОТ НЕОБДУМАННЫХ И ПОСПЕШНЫХ РЕШЕНИЙ

в правовую ткань тех или иных альтернативных механизмов, поиск соответствующих оснований и предпосылок в действующем праве, исследование ряда иных важных вопросов, связанных с перспективами использования «альтернатив». Такие научные изыскания должны в полной мере иметь место в рамках отдельных отраслей права и правовых институтов (в уголовном праве, гражданском праве и т.д.). Данные вопросы так же должны найти глубокое осмысление и на общетеоретическом уровне, с общефилософских, мировоззренческих позиций. Создание общеметодологической концепции, определяющей направление развития правовой политики относительно альтернативных механизмов, позво-

лило бы во многом избежать ошибок и просчетов в реформировании национального законодательства, защитить его от необдуманных и поспешных решений относительно использования западноевропейского опыта. При разработке такой концепции необходимо акцентировать внимание, прежде всего, на факторах, которые являются определяющими при решении проблемы «приживания» альтернативных способов разрешения конфликтов в национальной правовой системе. Одним из таких факторов является сам процесс появления «альтернативного» движения на Западе, который требует глубокого осмысления.

«Альтернативное движение», как известно, стало популярным в развитых западноевропейских странах в связи с кризисом традиционной системы правосудия.¹⁵ Усложнение структуры «западного общества», его чрезмерная функциональная дифференциация и распад на различные подсистемы постепенно привел к нарушению баланса между индивидуальными и общественными интересами, в восстановлении которого традиционные юридические инструменты уже были не вполне эффективны.¹⁶ Следует иметь в виду, что данный процесс на Западе начался еще в эпоху буржуазных революций XVIII века, когда были деконструированы базовые социальные структуры традиционного западноевропейского общества. В связи с этим «ADR» на Западе во многом выступили в качестве замены традиционному процессу, принеся своего рода новые возможности, а точнее – качественно иные принципы разрешения юридических дел по сравнению с традиционной системой правосудия (это приоритет оперативности, экономической целесообразности в разрешении конфликта над достижением объективной истины в процессе, хронологически и экономически обременяющим процессуальный орган; введение новой теории справедливости – «справедливости в понятии сторон конфликта», «локальной, частной, договорной справедливости» взамен социальной справедливости и т.д.).

Альтернативные способы разрешения юридических конфликтов, таким образом, возникли в иностранном, прежде всего, в западноевропейском праве в условиях так называемого «кризиса» классических способов разрешения юридических конфликтов и кризиса западноевропейского типа рациональности эпохи модерна. Это первый аспект.

Второй аспект обнаруживается в более глубоких, мировоззренческих основаниях и касается цивилизационных отличий Западного и Восточно-христианского мира, что, по мнению ряда ученых, определяет соответствующие различия в концепциях построения и функционирования государства и права.¹⁷ В данном случае, как нам представляется, следует вести речь о необходимости учета особенностей становления и развития белорусской правовой системы и белорусского социума в целом при заимствовании западных эталонов. Отечественная правовая традиция по сравнению с западными правовыми системами сформировалась в качественно иных социокультурных условиях, обусловленных, прежде всего, особым религиозным, политическим, экономическим, культурным укладом жизни. Среди доминирующих ценностных принципов

¹⁵ Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. С. 225 – 226.

Abel R. *A comparative theory of dispute institutions*. P. 217.

¹⁶ Petev V. *A socio-axiological concept of law*. P. 264.

¹⁷ Калинин С. А. Проблемы социальной эффективности права в Республике Беларусь. С. 95.

Яхно В. Н. Возможные варианты развития белорусского общества в геополитических условиях XXI века. С. 56 – 57.

белорусского общества можно назвать приоритет духовного над материальным, коллективного над индивидуальным, государственного над частным, справедливого над целесообразным, созидательного над разрушительным, толерантного над нетерпимым и т.д., причем эти принципы обязательно должны подвергаться исторической и социокультурной трансляции, прежде всего, через государство и правовую систему. Их утрата грозит утрадой идентичности и деконструкцией отечественной традиции в целом и правовой традиции в частности. Вообще социокультурная идентичность восточно-христианских цивилизаций должна основываться на сохранении «духовных основ социального порядка и духовных целей общественного развития», на утверждении национальных традиций при сохранении «ценностного содержания жизни».

Исходя из вышесказанного, следует сказать, что вопрос о рецепции альтернативных процедур в их чисто западном варианте в правовую систему Беларуси неоднозначен, поскольку они, импортированные из иного контекста, могут вступить в противоречие с нашей социокультурной традицией. Более того, сегодня среди самих западных ученых все более преобладает мнение о том, что «мода» на альтернативные способы разрешения конфликтов глубоко «конъюнктурна».¹⁸ Так же справедливо подчеркивается, что одной из основных проблем альтернативных способов разрешения юридических конфликтов является отсутствие общей теории альтернативных методов и их общей классификации: «речь идет о практике, которая находится в поисках теории», в чем заключается едва ли не основная сложность функционирования подобных институтов, а тем более их наднациональная институционализация.¹⁹ Уровень правового порядка в странах Западной Европы, США в последнее десятилетие, как показывает практика, также оставляет желать лучшего.

В данной связи представляется необходимым отметить, что базовыми и доминирующими способами разрешения юридических конфликтов в национальной правовой системе должны оставаться традиционные правовые способы, в частности, процессуальные правоприменительные производства. Сосредоточение внимания на совершенствовании традиционных способов разрешения юридических конфликтов исключительно на собственной традиционной почве, не касаясь альтернативных элементов в национальной правовой системе, будет способствовать последовательному и гармоничному подходу в совершенствовании белорусского права. Не должен подлежать сомнению тот факт, что в национальной правовой

¹⁸ Головки Л. В. *Альтернативы уголовному преследованию в современном праве*. С. 227 – 228.

¹⁹ Там же. С. 205

системе классический юридический процесс должен оставаться приоритетным, фундаментальным и в определенном значении конечным механизмом разрешения конфликтов.

Вместе с тем, отмеченное положение отнюдь не означает, что законодатель должен игнорировать позитивный опыт других государств в сфере разрешения юридических конфликтов. Нахождение новых эффективных средств разрешения юридических конфликтов, в том числе посредством институционализации альтернативных способов разрешения конфликтов с учетом особенностей белорусской правовой системы, безусловно, должно осуществляться, причем не без учета отмеченных выше факторов. Альтернативные способы разрешения конфликтов должны внедряться последовательно, с учетом сложившихся правовых традиций и специфики национального права, и главное в этом случае – это определение «точки баланса», точных и правильно рассчитанных пределов, в рамках которых должны существовать альтернативы. В отечественной правовой системе определение данных «пределов» должно осуществляться не только с учетом правовых, но и духовных, нравственных, политических, экономических, культурных и иных особенностей белорусской социокультурной традиции. Этому вполне будет способствовать общеметодологическая концепция отношения к альтернативам. Думается, что для современной Беларуси альтернативные способы регулирования должны выступать своего рода разумным «локальным дополнением» к традиционному правоприменительному воздействию на юридические конфликты.

**АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СПОСОБЫ
РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ
ДОЛЖНЫ ВНЕДРЯТЬСЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО, С УЧЕТОМ
СЛОЖИВШИХСЯ ПРАВОВЫХ
ТРАДИЦИЙ И СПЕЦИФИКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА**

Список использованных источников

1. Аликперов, Х. Д. Преступность и компромисс / Азерб. НИИ пробл. судеб. экспертизы, криминалистики и криминологии / Х. Д. Аликперов. – Баку: ЭЛМ, 1992. – 195 с.
2. Аликперов, Х. Д. Проблема допустимости компромисса в борьбе с преступностью : Дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. / Х. Д. Аликперов. – М., 1992. – 300 с.
3. Головкин, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л. В. Головкин. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 544 с.

4. Калинин, С. А. Проблемы социальной эффективности права в Республике Беларусь / С. А. Калинин // Jurisprudencija. – 2004. – Т. 54 (46). – С. 94–107.
5. Кирилл (Гундяев), митр. Смоленский и Калининградский. Восточно-христианская традиция и созидание будущего Европы : лекция митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата в Университете Перуджи (Италия, Перуджа, 2.10.2002) // Украина Православная [Электрон. ресурс]. – 2009. – Режим доступа : http://www.pravoslavnye.org.ua/index.php?r_type=&action=fullinfo&id=6216.
6. Кузьмина, М. Н. Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов : Учеб. пособие / М. Н. Кузьмина. – Ставрополь : Ставрополь сервис-школа, 2001. – 272 с.
7. Лукьянова, Е. Г. Теория процессуального права / Е. Г. Лукьянова. – М.: НОРМА, 2003. – 240 с.
8. Луман, Н. Дифференциация. Пер с нем. / Б. Скуратов / Н. Луман. – М.: Изд-во «Логос», 2006. – 320 с.
9. Махов, В. Сделка о признании вины / В. Махов, М. Пешков // Рос. юстиция. – 1998. – № 7. – С. 17 – 19.
10. Мурадян, Э. М. Диспозитивное правосудие как этическая парадигма будущего / Э. М. Мурадян // Современ. право. – 2000. – № 4. – С. 43 – 47.
11. Носырева, Е. Н. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США : Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Е. Н. Носырева / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2001. – 65 с.
12. Об урегулировании споров в порядке посредничества : Разъяснение Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 29 апр. 2008 г., №03-30/902 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009
13. Поленина, С. В. Воздействие глобализации на правовую систему России / С. В. Поленина, О. А. Гаврилов, Н. П. Колдаева, Е. Г. Лукьянова, Е. В. Скурко // Государство и право. – 2004. – № 3. – С. 5 – 15.
14. Тихиня, В. Г. Гражданское процессуальное право Республики Беларусь. Особенная часть / В. Г. Тихиня. – Минск: Молодежн. науч. о-во, 2002. – 231 с.
15. Юридическая конфликтология: В 3 ч. / Рос. акад. наук. Центр конфликтол. исслед.; О. В. Бойков, Н. Н. Варламова, А. В. Дмитриев и др. ; Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М., 1995. – 316 с.
16. Яхно, В. Н. Возможные варианты развития белорусского общества в геополитических условиях XXI века / В. Н. Яхно // Беларуская грамадства ў геапалітычных умовах пачатку XXI стагоддзя : прававыя, эканамічныя і сацыякультурныя праблемы: Матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф. праф.-выкладчыц. саставу, аспірантаў, магістрантаў і спецыялістаў-практыкаў (Мінск, 10 снеж. 2004 г.) / Пад рэд. С. Ф. Сокала. – Мінск: БІП-С Плюс, 2004. – С. 56 – 57.
17. Abel, R. A comparative theory of dispute institutions / R. Abel // Law a. Soc. Rev. – 1974. – Vol. 8, N. 2. – P. 217 – 347.
18. Alternative Rechtsformen und Alternativen zum Recht / Hrsg. : E. Blankenburg, E. Klaus, H. Rottleuthner. – Opladen: West-dt. Verl., 1980. – 501 S.
19. Petev, V. A socio-axiological concept of law / V. Petev // Ratio Juris. – 1999. – Vol. 12, No. 3. – P. 263 – 273.

Дата наступлення ў рэдакцыю 13.01.2009.

Г. М. Лыч

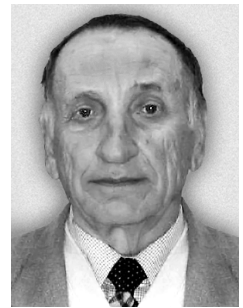
ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И РЫНОК

(Працяг. Пачатак у № 2'2009)

Конкурентный рынок как первооснова инновационной экономики

Из всех качественных признаков инновационности экономики ключевым является восприимчивость производства к достижениям науки и техники. Её отсутствие либо, наоборот, наличие самым радикальным образом сказывается на всех остальных сторонах инновационного развития экономики. Дело в том, что именно от восприимчивости производства к инновациям зависит спрос на них, а спрос, как известно, рождает предложение. Следовательно, как только в стране будет преодолена, наконец, невосприимчивость производства к достижениям науки и техники и всё большее количество субъектов хозяйствования и физических лиц будет выявлять желание самым активным образом заняться инновационной деятельностью, порождая тем самым всё больший спрос на различного рода инновации, сразу же по нарастающей начнут создаваться все необходимые предпосылки для соответствующего увеличения предложений инноваций: ускоренными темпами будет наращиваться научно-интеллектуальный и технологический потенциал, а ныне существующая пропасть, разделяющая науку и производство, – решительно устраняться; станет формироваться целостная и действенная система институтов, ориентированных на инновационное развитие национально-хозяйственного комплекса, способных обеспечить эффективное взаимодействие всех участников инновационной деятельности.

Исходя из этого, переход национальной экономики на инновационный путь развития должен начинаться с преодоления

Лыч Геннадзь Міхайлавіч – акадэмік НАН Беларусі, доктар эканамічных навук, прафесар. Даследуе праблемы эканамічнага суверэнітэту, міждзяржаўнай эканамічнай інтэграцыі, пераходнай эканомікі, а таксама сацыяльна-эканамічныя праблемы экалагічнай бяспекі і ўстойлівасці чалавечага развіцця. Многія вынікі навуковых даследаванняў маюць практычнае прымяненне. Аўтар больш чым 290 навуковых работ, у т. л. 16 манаграфій.

невосприимчивости производства к достижениям науки и техники. В основу его, судя по многолетнему отечественному и зарубежному опыту, должно быть положено дальнейшее рыночное реформирование белорусской экономики. Ведь, надо думать, не случайно даже Советский Союз с его всеильной административно-командной системой так и не смог решить эту проблему, в то время как страны с рыночной экономикой достигли замечательных успехов в инновационном развитии. Да и наши сегодняшние трудности с переходом экономики

РУКОВОДИТЕЛЮ ПРЕДПРИЯТИЯ ТРУДНО РЕШИТЬСЯ НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ КРУПНОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРОЕКТА, ОСОБЕННО ЕСЛИ ПРОЕКТ СВЯЗАН С ВРЕМЕННОЙ ОСТАНОВКОЙ ПРОИЗВОДСТВА, ПРИВОДЯЩЕЙ К СОКРАЩЕНИЮ ОБЪЁМОВ ВЫПУСКА ПРОДУКЦИИ

на инновационный путь развития также обусловлены именно пережитками прежней централизованной экономики. Так, когда задания по приросту объёмов производства спускаются «сверху», а за их невыполнение возможно суровое наказание, руководителю предприятия очень трудно решиться на осуществление крупного инновационного проекта. Особенно если проект связан с временной остановкой производства, приводящей к сокращению объёмов выпуска продукции. Гораздо спокойнее для него продолжать производить продукцию

по-старому, избегая всяких новшеств, таящих в себе хоть какой-то риск. Но, как нетрудно себе представить, при подобной психологии поведения руководителя об инновационной активности в деятельности его предприятия можно забыть.

Основными целями рыночного реформирования экономики – с точки зрения её перехода на инновационный путь развития – должны стать, во-первых, создание таких условий, при которых занятие инновационной деятельностью станет для хозяйствующих субъектов настоящей, жизненной необходимостью, и, во-вторых, обеспечение для него наиболее благоприятных внешних условий. Иначе говоря, каждый хозяйствующий субъект должен быть поставлен в такие условия, чтобы, с одной стороны, он не мог обеспечить своё выживание и дальнейшее устойчивое развитие иначе как на основе самой активной инновационной деятельности, а с другой – располагал всеми необходимыми для этого предпосылками.

Особо хотелось бы подчеркнуть незаменимую роль рынка в создании для каждого субъекта хозяйствования жизненной необходимости самого активного занятия инновационной деятельностью. На мой взгляд, такая необходимость лежит в основе мотивации. Без такой необходимости, при сохранении у предприятий хоть малейшей возможности для решения своих экономических и иных проблем за счет помощи государства,

нельзя ожидать никакого развёртывания инновационной деятельности, сопряженной со всевозможными рисками.

Обусловливая жизненную необходимость всемерной активизации инновационной деятельности, конкурентный рынок с его неумолимой процедурой банкротства убыточных и низкорентабельных предприятий одновременно приучает хозяйствующих субъектов работать в условиях жесткой конкуренции, постоянно занимаясь усовершенствованием своей материально-технической и технологической базы, производства, менеджмента и маркетинга, используя для этого как собственный опыт, так и достижения наиболее преуспевающих конкурентов. Для белорусских предприятий последнее имеет ключевое значение, особенно с учётом того, как за многие предшествующие годы они успели привыкнуть к государственной опеке и в значительной мере отучились от проявления собственной инициативы. С таким «багажом» нашим предприятиям очень опасно с ходу включаться в мирохозяйственные связи. Хотя, с другой стороны, и не подключаться к мирохозяйственным связям белорусским предприятиям также нельзя. Оставаясь в стороне от глобализационных процессов, происходящих в мировой экономике, они рискуют навсегда остаться на задворках мирового научно-технологического прогресса. Выходом из этого затруднительного положения как раз и является создание в стране полноценного конкурентного рынка, позволяющего белорусским предприятиям вначале пройти выучку жёсткой конкурентной борьбой у себя дома и лишь затем включиться в ещё более жесткую конкуренцию на мировой арене.

Важно и то, что создание конкурентного рынка формирует экономическую среду, благоприятствующую успешному решению многих других вопросов, связанных с обеспечением перехода национальной экономики на инновационный путь развития. В частности, оно будет побуждать научно-исследовательские организации к получению такой научной продукции, которая в наибольшей мере удовлетворяет запросам производства. В результате, вместо нынешнего обособления научных и производственных организаций и предприятий, начнётся их стремительное сближение. Последнее, в свою очередь, вызывает настоятельную необходимость в скорейшем создании институциональной системы и организационно-экономических механизмов, способных обеспечить тесное и эффективное взаимодействие всех участников инновационной деятельности. В итоге в стране начнётся последовательное формирование целостной национальной инновационной системы.

**ПОЯВЛЕНИЕ У ПРЕДПРИЯТИЙ
НАСТОЯТЕЛЬНОЙ НЕОБХОДИ-
МОСТИ ВО ВСЕМЕРНОЙ АКТИ-
ВИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕ-
ЯТЕЛЬНОСТИ ПОЗВОЛИТ ТАКЖЕ
ПРИСТУПИТЬ К РАДИКАЛЬНОЙ
ОПТИМИЗАЦИИ ОРГАНИЗАЦИ-
ОННОЙ СТРУКТУРЫ НАУЧНОЙ
И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ
СФЕРЫ**

Появление у предприятий настоятельной необходимости во всемерной активизации инновационной деятельности позволит также приступить к более радикальной оптимизации организационной структуры научной и научно-технической сферы. В частности, можно будет начать проведение полномасштабных мер по ускоренному развитию корпоративной и фирменной науки, имея в виду – помимо всего прочего – создание на каждом ведущем предприятии либо в их объединении, представляющих ту или иную перспективную отрасль национальной экономики, достаточно мощной научно-исследовательской организации, способной обеспечить их полноценное научное обслуживание по соответствующему направлению научно-технологического прогресса, не опасаясь при этом, что во время очередного кризиса предприятия опять посадят свои научно-исследовательские структуры на голодный паёк, как это было в начале 90-х годов прошлого столетия. Этот процесс должен включать в себя масштабную передачу указанным предприятиям и их объединениям некоторых научно-исследовательских организаций НАН Беларуси и высшей школы либо их структурных подразделений, специализирующихся на выполнении преимущественно научно-технических разработок. Это позволит не только устранить сложившийся перекос в распределении научно-интеллектуального потенциала по министерствам и ведомствам в пользу академии и высшей школы и обеспечить более тесную организационную связь между наукой и производством, но и существенно упростить нынешнюю чрезвычайно громоздкую и трудно управляемую организационную структуру НАН Беларуси, приведя её в соответствие с её главным предназначением (проведение комплексных научных исследований по решению общенациональных проблем и создание эксклюзивных, наиболее благоприятных условий для работы особо одарённых учёных, способных своими исследованиями осуществить подлинный прорыв по тому или иному перспективному направлению научно-технологического прогресса).

Формирование конкурентного рынка, порождая у предприятий жизненную необходимость в ускоренном и масштабном внедрении различного рода нововведений, создаст важную предпосылку и для решения второй проблемы, связанной с эффективностью работы научной и научно-технической сферы, – проблемы оптимизации технологических планов

научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в направлении их максимального соответствия запросам практики. Пока все попытки, предпринимавшиеся в данном направлении правительством, в большинстве случаев оказывались безрезультатными. Если и достигался какой-то эффект, то, как правило, он был несущественным и кратковременным.

Главной виной тому, на мой взгляд, были организационная разобщенность и отсутствие взаимной заинтересованности в работе друг друга производственных и научных предприятий и организаций. Чтобы облегчить свои задачи, научно-исследовательские организации и отдельные научные сотрудники старались во что бы то ни стало сохранить прежние направления своих научных исследований, а производственные предприятия, не ощущая настоятельной потребности в нововведениях, не видели особой необходимости препятствовать указанным эгоистическим устремлениям учёных. При таких условиях чиновникам, ответственным за развитие и эффективность функционирования научной и научно-технической сферы, практически было очень трудно самим что-то кардинальное сделать для того, чтобы обеспечить надлежащую концентрацию научных сил и средств на важнейших направлениях научно-технологического прогресса, преодолев хроническое распыление их по множеству мелких направлений, порой не представляющих особого значения для развития национальной экономики. При индифферентном отношении к решению данной проблемы производственников учёные всегда могли найти способ, как обойти требования не всегда компетентных в вопросах науки чиновников.

С созданием конкурентного рынка и появлением у производственных предприятий жизненной необходимости во всемерной активизации инновационной деятельности положение изменится коренным образом. Тогда производственники просто не смогут позволить себе оставаться индифферентными к тому, проведением каких исследований и разработок занимаются отечественные учёные. Они непременно постараются принять самое непосредственное участие в определении научными организациями подлинно приоритетных направлений научных исследований и разработок, в наибольшей мере отвечающих нынешним запросам производства. В новых условиях и научные организации также не будут против непосредственного участия предпринимателей в определении их тематических планов. Наоборот, они этому будут только

рады, поскольку участие предпринимателей в решении данных вопросов даёт научным организациям дополнительную гарантию того, что их усилия и средства, затраченные на проведение планируемых исследований и разработок, позволяет получить результаты, которые будут востребованы на рынке инноваций и, следовательно, окупятся сторицей. При таких условиях чиновникам остаётся только разработать нормативно-правовые правила, регламентирующие экономические взаимоотношения между производителями и потребителями новаций.

Наконец, нельзя не отметить незаменимую роль рынка в решении такой ключевой на сегодняшний день проблемы развития отечественной научной и научно-технической сферы, как проблема острого хронического дефицита инновационно-инвестиционных ресурсов. Во-первых, развитие рынка будет содействовать максимальной мобилизации собственных средств предпринимательского сектора для финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, притом выполняемых не только соответствующими собственными организационными структурами, но и организационно независимыми от него научно-исследовательскими институтами, малыми и средними предприятиями, специализирующимися на научном обслуживании производства. К такому поведению предпринимателей будет подталкивать их экономическая заинтересованность в скорейшем получении от отечественной науки новшеств, необходимых для модернизации

ПЕРЕВОД НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ НА ПОДЛИННО РЫНОЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОМОЖЕТ БЕЛОРУССКИМ ПРЕДПРИЯТИЯМ ОТКРЫТЬ ДВЕРИ В СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АЛЬЯНСЫ, СОЗДАВАЕМЫЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМИ КОРПОРАЦИЯМИ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ОСОБО КРУПНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

их технико-технологической базы на качественно новой основе, радикального совершенствования организации и управления производством.

Во-вторых, перевод национальной экономики на подлинно рыночные отношения поможет белорусским предприятиям открыть двери в стратегические альянсы, создаваемые транснациональными корпорациями для реализации особо крупных инновационных проектов, и глобальные инновационные сети и таким образом получить доступ к их колоссальным финансовым и научно-интеллектуальным ресурсам. Ведь ни для кого не секрет: транснациональные корпорации и ведущие зарубежные национальные компании, занимающие главенствующее положение в указанных альянсах и сетях, предпочитают иметь дело не с государственными чиновниками, а с такими же, как они сами, частными фирмами и компаниями. Поэтому без проведения рыночного реформирования национальной

экономики, при сохранении её нынешнего состояния и применении преимущественно административных методов управления, реальные шансы белорусских предприятий на подключение к глобальным производственно-сбытовым и инновационным сетям ничтожны. Особенно если учесть их недостаточную привлекательность с точки зрения необходимого уровня развития научно-технического потенциала, неспособности оказать реальную действенную помощь транснациональным корпорациям в разработке и последующей реализации инновационного проекта. Если и удастся какому-либо отечественному предприятию войти в состав стратегического альянса, то рассчитывать на равноправные взаимоотношения с другими ведущими его участниками при таких условиях оно не может. Скорее всего, оно станет объектом эксплуатации со стороны реальных хозяев альянса. Желаемых результатов от вхождения в стратегические альянсы и создаваемые ими глобальные инновационные сети смогут достигнуть лишь такие предприятия, которые располагают надлежащей рыночной и инновационной силой. А для этого как раз и необходимо проведение подлинного рыночного реформирования экономики, имеющего своей целью создание полноценного конкурентного рынка, и обеспечение ускоренного развития отечественной корпоративной и фирменной науки, о чем речь шла выше.

Роль государства в формировании и развитии инновационной экономики

Отмечая большую незаменимую роль рынка в обеспечении успешного перехода экономики на инновационный путь развития, было бы неправильно, однако, рассматривать его как панацею от всех зол. Рынок не может решить всех проблем. И главный его недостаток заключается как раз в том, что он ориентирован, прежде всего, на получение сиюминутной экономической выгоды, между тем как формирование инновационной экономики и обеспечение её последующего развития предполагает применение стратегических подходов к управлению социально-экономическим развитием. В силу этого при чрезмерном превалировании рыночных механизмов отрасли, которые имеют исключительно важное значение для поступательного развития экономики и социальной сферы на основе инноваций, но при этом в ближайшее время не способны приносить желаемую для предпринимателей отдачу на вложенный капитал, могут оказаться в сложном

положении. В особенности это относится к фундаментальной науке, образованию, здравоохранению.

Кроме того, коммерческие структуры, являющиеся основными субъектами конкурентного рынка, в своей деятельности руководствуются главным образом частнособственническими интересами, которые далеко не всегда соответствуют, а порой даже вступают в открытое противоречие с национально-государственными интересами. Во имя достижения максимальной прибыли они готовы буквально на всё, в том числе на применение различного рода внеэкономических методов для разорения конкурентов, причинение непоправимого ущерба окружающей природной среде, полное закабаление своих рабочих и т. п. Особенно усердствуют в этом отношении транснациональные корпорации. Распространяя свою деятельность на другие, экономически менее развитые страны, стремясь к полному захвату их рынков в целях обеспечения возможно более полной реализации своих эгоистичных корпоративных интересов, они могут – если им не противодействовать – подорвать самые основы и целостность национальных экономик указанных стран, развалив их наиболее перспективные отрасли и производства, которые могли бы составить им серьёзную конкуренцию, а другие превратив в своеобразные автономные анклав, работающие не столько на свои страны, сколько на транснациональные корпорации.

Предотвратить эти и иные недостатки рынка можно только с помощью сильного государства, способного при необходимости взять на себя инициативу в осуществлении жизненно

ПРЕДОТВРАТИТЬ НЕДОСТАТКИ РЫНКА МОЖНО ТОЛЬКО С ПОМОЩЬЮ СИЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА, СПОСОБНОГО ПРИ НЕОБХОДИМОСТИ ВЗЯТЬ НА СЕБЯ ИНИЦИАТИВУ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЖИЗНЕННО ВАЖНЫХ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ МЕРОПРИЯТИЙ

важных для социально-экономического развития страны кардинальных мероприятий, а если понадобится, то и противостоять экспансионистским устремлениям как отечественного, так и зарубежного бизнеса. Роль государства в обеспечении успешного перехода экономики на инновационный путь развития особенно возрастает при наложении на него других сложных проблем социально-экономического развития, требующих для своего решения народнохозяйственного подхода, что как раз и характерно для нынешнего этапа развития нашей страны. Как уже можно было видеть из сказанного ранее, Беларусь сегодня поставлена перед необходимостью осуществлять перевод своей национальной экономики на инновационные рельсы параллельно, а точнее на основе подлинного рыночного реформирования. Одновременно с этим

нам предстоит без промедления приступить к проведению полномасштабных мер по адаптации белорусской экономики к глобализации мирохозяйственных связей. И всё это, замечу, надо делать в условиях острейшего дефицита времени и весьма существенного отставания от промышленно развитого центра мировой экономики в области техники, технологии, организации и управления производством. Развязать все эти проблемы, которые переплелись в один тугий узел, с помощью одних только рыночных механизмов самоуправления никак нельзя. Участие государства, притом самое активное, здесь жизненно необходимо.

Именно государство должно взять на себя, прежде всего, разработку долгосрочной стратегии научно-технологического и социально-экономического развития, нацеленной на обеспечение тесного и эффективного взаимодействия всех хозяйствующих субъектов и физических лиц, базирующегося на учёте как национально-государственных, так и корпоративных, а также личных интересов отдельных граждан. В основу практической реализации указанной стратегии должен быть положен программно-целевой метод, позволяющий обеспечить надлежащую взаимоувязку долгосрочных стратегических целей с текущими, тактическими задачами, а это опять-таки является прерогативой государства, поскольку частный бизнес способен обеспечить успешную разработку и проведение в жизнь стратегии и тактики экономического развития только в рамках создаваемых им организационных структур.

ГОСУДАРСТВО ДОЛЖНО ВЗЯТЬ НА СЕБЯ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, РАЗРАБОТКУ ДОЛГОСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ, НАЦЕЛЕННОЙ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТЕСНОГО И ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВСЕХ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

С учётом экстремального характера сложившихся условий, в частности, острейшего дефицита времени, отведенного историей Республике Беларусь для решения стоящих перед ней судьбоносных задач, для обеспечения безусловного проведения в жизнь долгосрочной стратегии научно-технологического и социально-экономического развития на основе инноваций белорусскому правительству скорее всего придётся заняться также целенаправленным формированием «сверху» эффективных производственных структур индустриального общества, а в ряде случаев и организацией процесса производства в приоритетных отраслях и подотраслях промышленности, сельского хозяйства и строительства; осуществлением жесткого государственного контроля за расходованием финансовых ассигнований, выделяемых из бюджета на реализацию инновационных программ и отдельных проектов; усилением

экспортной ориентации отечественного производства в разумном сочетании с импортозамещением и протекционизмом, базирующимся на международных нормах и правилах. Конечной целью всех этих долговременных мер, предпринимаемых правительством, должно стать формирование эффективного ядра национальной экономики, конкурентоспособной на мировом рынке.

Не менее важной задачей белорусского правительства в сложившихся условиях является придание максимального ускорения инновационному развитию экономики. Для этого необходимо обеспечить опережающее развитие образования

ВАЖНОЙ ЗАДАЧЕЙ БЕЛУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СЛОЖИВШИХСЯ УСЛОВИЯХ ЯВЛЯЕТСЯ ПРИДАНИЕ МАКСИМАЛЬНОГО УСКОРЕНИЯ ИННОВАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ ЭКОНОМИКИ

и науки и всемерное укрепление их связей с производством на основе повышения восприимчивости хозяйствующих субъектов к новейшим достижениям научно-технологического прогресса, а также более широкое привлечение в белорусскую экономику иностранного капитала и прогрессивных зарубежных технологий. Кроме того, нужно в предельно сжатые сроки сформировать широко разветвленную, дешёвую и в то же время оперативную и максимально доступную систему информации хозяйствующих субъектов о рыночной конъюнктуре, складывающейся как на внутреннем, так и на внешнем рынках, о всех происходящих во Всемирной торговой организации изменениях принципов, норм и правил, регулирующих мировую торговлю, и соблюдении их другими странами, в том числе членами названной организации. Для радикального улучшения делового климата как одного из важнейших факторов ускоренного развития инновационной деятельности правительству надлежит своевременно и самым решительным образом пресекать любые проявления нестандартной этики в деловых отношениях между экономическими партнерами и конкурентами, в первую очередь крайне вредны попытки получения больших экономических выгод за счет преднамеренного ущемления экономических интересов своих контрагентов путём их обмана либо жесткого неэкономического давления. Не менее важное значение для этого будет иметь обеспечение надлежащей транспарентности во внешнеэкономической деятельности, а также использование эффективного механизма управления экспорто-импортными операциями, позволяющего освободить эту важнейшую сферу белорусской экономики от всевозможных открытых злоупотреблений и прямого криминала, в частности предотвратить как возможное занижение экспортных

цен, по которым государственные предприятия поставляют свою продукцию за рубеж, так и завышение импортных цен на импортируемые ими из-за рубежа продукцию и услуги.

Особо следует сказать о необходимости всемерной поддержки государством малого и среднего бизнеса инновационной направленности, который по ряду известных причин никак не может занять подобающее ему место в формирующейся национальной инновационной системе. Для его успешного развития правительству нужно, прежде всего, обеспечить кардинальное упрощение и удешевление административно-юридических процедур, связанных с открытием и ведением бизнеса, а также обезопасить предпринимателей от изнуряющих, чрезмерно частых и длительных проверок и завышенной суровости санкций за непреднамеренные ошибки и мелкие нарушения действующих нормативно-законодательных актов, допущенные в процессе открытия и ведения бизнеса. Необходимо также осуществить радикальное упрощения действующей системы налогообложения предпринимателей, обеспечив при этом надлежащую стабильность налогового законодательства и существенное снижение общего уровня налогового бремени с тем, чтобы оно не превышало уровень, установленный в соседних странах, с которыми Беларусь поддерживает тесные торгово-экономические отношения. Снижение должно коснуться, прежде всего, оборотных налогов и налогов на заработную плату, в наибольшей мере искажающих оценку конкурентных преимуществ различных отраслей и субъектов хозяйствования. В дополнение к этому следует предусмотреть отмену скрытых налогов в форме содержания за счёт производственных предприятий социальных объектов, перекрестного субсидирования тарифов на коммунальные услуги, участия в финансировании различного рода общереспубликанских либо региональных мероприятий, осуществляемых по инициативе центральных либо местных органов власти, и др.

Помимо этого, для кардинального улучшения экономической среды открытия и ведения бизнеса представляется целесообразным предпринять соответствующие меры по реформированию отечественных монополий и банковской системы в направлении подчинения их деятельности интересам реального сектора экономики и предоставления мелкому и среднему бизнесу равного с крупным государственными предприятиями доступа к имеющимся в распоряжении правительства финансовым и материальным ресурсам. Короче

говоря, речь идёт о создании для отечественного малого и среднего бизнеса условий, ни в чем не уступающих условиям открытия и ведения бизнеса, сложившимся в России, Украине и в других странах, с которыми у нас установились наиболее тесные производственные связи и экономические отношения. Иначе нам не избежать «бегства» из страны отечественного предпринимательского капитала и других мобильных факторов производства, которые и без того у нас сегодня находятся в большом дефиците.

Судя по опыту новых индустриальных и других наиболее продвинутых развивающихся стран, для ускорения инновационного развития экономики создание благоприятных условий для ведения малого и среднего бизнеса целесообразно дополнять прямым участием государства в инновационной

для ускорения инновационного развития экономики создание благоприятных условий для ведения малого и среднего бизнеса целесообразно дополнять прямым участием государства в инновационной деятельности на основе делового партнерства с предпринимательскими структурами

деятельности на основе делового партнерства с предпринимательскими структурами. В частности, весьма полезным для нас представляется опыт использования средств, выделяемых из государственного бюджета на выполнение научных исследований и разработок, в качестве катализатора инновационных процессов, то есть своего рода заверения в сравнительно более высокой эффективности инновационной модели экономического роста и приглашения предпринимателей для более активного сотрудничества в области инновационной деятельности. Одной из наиболее распространённых и эффективных форм такого

делового сотрудничества государства и частного бизнеса является софинансирование инновационных проектов. Причем доля государства в общем объёме финансирования порой достигает 40-50%, и при этом управление разработкой и реализацией инновационных проектов чаще всего полностью остаётся в руках частного бизнеса. Нередко для управления инновационными проектами, прежде всего наиболее крупными и сложными с точки зрения организации их разработки и использования, создаются специализированные негосударственные посреднические организации. Тем самым государство не только высказывает доверие частному бизнесу как своему экономическому партнёру, но и признаёт за ним бесспорное превосходство в отношении налаживания эффективного инновационного производства.¹

Для того, чтобы участие государства в софинансировании инновационных проектов в полной мере сослужило роль

¹ Варнавский В. Г. Партнерство государства и частного бизнеса...

катализатора инновационных процессов, необходимо с особой тщательностью подходить к выбору первых проектов, реализуемых на основе совместного финансирования, и избегать излишней регламентации инновационной деятельности государственными органами управления. Это крайне важно для того, чтобы убедить руководителей частного бизнеса в том, что, во-первых, деловое партнерство государства в области развития инновационной деятельности для них экономически выгодно, и, во-вторых, посредством его государство не преследует никаких иных целей, кроме оказания всемерной помощи частному бизнесу в деле ускорения его развития на основе инноваций.

В условиях неразвитости рыночных отношений, наличия чрезмерных инновационных рисков и отсутствия у товаропроизводителей надлежащего практического опыта конкурентной борьбы на мировом рынке, что является характерным для нашей страны, весьма эффективным рычагом государственного воздействия на развитие инновационной деятельности может явиться принятие правительством на свой счёт части инновационных рисков и прямых издержек, связанных с реализацией экспортно-ориентированных бизнес-проектов. Естественно, эта мера должна проводиться в разумных пределах и при строгом соблюдении органами государственного управления, взаимодействующих с частным бизнесом, требований открытости и транспарентности. Это нужно для того, чтобы, с одной стороны, не вызвать более широкого распространения коррупции и других проявлений злоупотребления властью в государственных управленческих структурах, а с другой – не породить психологию иждивенчества у некоторых руководителей отечественного инновационного бизнеса.

АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВА В ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕ ТОЛЬКО СОЗДАЁТ БЛАГОПРИЯТНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ЕЁ УСКОРЕННОГО РАЗВЁРТЫВАНИЯ, НО И ТАИТ В СЕБЕ НЕМАЛЫЕ УГРОЗЫ

Следует подчеркнуть, что такое активное участие государства в инновационной деятельности не только создаёт благоприятные предпосылки для её ускоренного развёртывания, но и таит в себе немалые угрозы. В частности, оно содействует появлению в инновационной сфере «бесплатных денег», в рациональном использовании которых ни один хозяйствующий субъект по-настоящему не заинтересован. Это порождает угрозу снижения реальной эффективности финансовой поддержки государством научных исследований и разработок вследствие попадания части государственных средств в карманы недобросовестных чиновников, а также присвоения прибыли от реализации инновационного проекта

кучкой заинтересованных лиц в ущерб национальной экономике, обществу и государству.

Для предотвращения или хотя бы существенного уменьшения этого недостатка обычно предпринимаются меры по усилению контроля за расходованием государственных средств, выделяемых на проведение научных исследований, разработку и реализацию инновационных проектов. В дополнение к ним в последнее время всё более широко применяются различного рода косвенные меры. Среди них, прежде всего, отметим децентрализацию государственной поддержки инноваций и формирование разветвленной сети институтов инновационного развития. С их помощью новые индустриальные и наиболее продвинутые развивающиеся страны одновременно решают две взаимосвязанные задачи – уменьшения риска от «провалов» государства вследствие неэффективной деятельности того или иного конкретного института и последовательной оптимизации их общей системы путём исключения из неё наименее эффективных институтов. При этом они строго придерживаются правила: не разрушать «до основания» старые инновационные институты, не создавая параллельно новые, способные более эффективно исполнять аналогичные функции. Оптимальным считается вариант, когда старые инновационные институты – после их соответствующей модернизации – встраиваются в новую институциональную систему государственной поддержки инновационной активности частного бизнеса. Для повышения доверия к новым институтам со стороны бизнеса и общества государство постоянно держит под своим контролем репутацию их управляющих и всеми доступными мерами содействует её повышению. Кроме того, для предотвращения нецелевого использования государственных средств широко практикуется предоставление предпринимательским структурам вместо денег различного рода услуг инновационной направленности: обучение инновационному менеджменту и маркетингу персонала, содействие в сертификации инновационной продукции, обеспечение научно-технической информацией и т. п.

Большую, поистине незаменимую роль в предотвращении коррупции и преступного сговора отдельных государственных чиновников с представителями частного бизнеса, имеющего своей целью присвоение государственных средств либо части прибыли, полученной от реализации инновационного проекта, может и должно сыграть гражданское общество. Правда, для этого государство в лице его высшего политического

руководства должно адекватно воспринимать такую роль гражданского общества в социально-политическом развитии страны и всемерно поддерживать его в соответствующих начинаниях, а гражданское общество, со своей стороны, должно иметь в своей структуре такие институты и организации, которые не только пользовались бы большим авторитетом у широких слоёв населения, но и были бы готовы активно сотрудничать с государственными властными структурами при решении самых разных вопросов создания в стране здорового делового климата. По данным ряда зарубежных авторов, при таких условиях полномасштабное участие институтов и организаций гражданского общества в управлении социально-экономическим развитием страны позволяет на десятки процентных пунктов повысить отдачу от использования производственных ресурсов. Именно поэтому, замечают указанные авторы, правительство ни в коем случае не должно тормозить формирование и развитие институтов и организаций гражданского общества.²

Вторым возможным негативным последствием активного участия государства в инновационном развитии отечественной экономики является подавление свободы экономической деятельности. Оно особенно вероятно на постсоветском пространстве, где ещё не полностью преодолены пережитки административно-командной системы управления экономикой и сохраняется немало приверженцев административных методов управления. При определённых условиях это может накрепко связать руки предпринимателей и руководителей государственных предприятий, вызвав полный паралич всякой подлинной инновационной деятельности, подменив её малоэффективной имитацией.

Для предотвращения подобного пагубного развития событий необходимо, прежде всего, добиться на всех иерархических уровнях государственной власти правильного понимания жизненной необходимости свободы творчества и предпринимательства для становления и развития инновационной экономики – осознания того неперемennого факта, что без максимального высвобождения творческой энергии человека, занятого общественно полезным трудом, мы никогда не сможем в полной мере задействовать свои внутренние возможности и резервы и воспользоваться благами глобализации для скорейшего преодоления своего технико-технологического и социально-экономического отставания от постиндустриального центра.

² Аузан А., Тамбовцев В. *Экономическое значение гражданского общества.*

ВОЗМОЖНЫМ НЕГАТИВНЫМ ПОСЛЕДСТВИЕМ АКТИВНОГО УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВА В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ ЯВЛЯЕТСЯ ПОДАВЛЕНИЕ СВОБОДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Конечно, речь не идёт об утверждении в экономической сфере абсолютной свободы деятельности хозяйствующих субъектов. Ибо, как известно, без четких правовых рамок и соответствующих разумных ограничений свобода ведёт к вседозволенности и хаосу, ничего общего не имеющих ни с подлинной демократией, ни с эффективным рыночным хозяйствованием, которые предполагают определенный строгий порядок, покоящийся на целостной системе сдержек и противовесов. Создание такого порядка должно стать одной из важнейших задач государства на современном этапе общественного развития. В её основу должна быть положена законодательная и правоохранительная защита свободы личности и частной собственности, без чего практически не может быть свободы ни творчества, ни предпринимательства. Особое внимание надлежит уделить предельно чёткому регламентированию вмешательства государственных чиновников в производ-

**ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ НАДЛЕЖИТ
УДЕЛИТЬ ПРЕДЕЛЬНО ЧЁТКОМУ
РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЮ ВМЕША-
ТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ЧИНОВНИКОВ В ПРОИЗВОД-
СТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХО-
ЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ**

ственную деятельность хозяйствующих субъектов на основе безусловного соблюдения принципа: материальную ответственность за результаты реализации решения несёт, прежде всего, тот, кто его принимает, а не тот, кто обязан его выполнять. Правительству необходимо будет позаботиться и о непрерывном поддержании интенсивной рыночной конкуренции, имея в виду – помимо всего прочего – предотвращение удушающего воздействия моно-

полий на своих экономических конкурентов и партнёров, а также обеспечение строгого соблюдения контрактов, регламентирующих производственные связи и имущественные отношения между хозяйствующими субъектами. Что касается сдержек и противовесов по отношению к государственным органам управления как субъектам инновационной деятельности, то в качестве их опять-таки может выступить гражданское общество. Разумеется, при условии достаточно высокой степени развитости, предопределяющей переговорную силу институтов и организаций гражданского общества.

Помимо отмеченных выше, государство должно взять на себя решение ряда других задач, связанных с формированием инновационной экономики и обеспечением её дальнейшего поступательного развития. Среди них следует особо отметить разработку, введение в действие и последовательное совершенствование – в соответствии с постоянно меняющимися внутренними и внешними условиями – законодательной и нормативно-правовой базы, регламентирующей «правила

игры» на рынке, включая банкротство неконкурентоспособных предприятий. Главными целями всей этой законотворческой деятельности должны стать: обеспечение всемерного расширения зоны деятельности эффективных собственников; максимальное усиление инновационной ориентации и активности всех без исключения хозяйствующих субъектов; радикальная модернизация финансовых посреднических структур, осуществляющих перераспределение капиталов между отраслями, производствами и отдельными предприятиями, в направлении ускорения этого процесса и усиления его ориентации на обеспечение эффективного развития реальной экономики; создание наиболее благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса инновационной направленности, а также для обеспечения возможно более широкого и эффективного включения в инновационную деятельность на территории нашей страны подлинных лидеров мирового научно-технического прогресса, с одной стороны, и, возможно, более широкого и активного подключения отечественных субъектов инновационной деятельности к глобальным инновационным сетям и стратегическим альянсам, создаваемым ведущими транснациональными корпорациями, – с другой. Чтобы избежать пагубных ошибок и в то же время максимально облегчить адаптацию отечественных субъектов хозяйствования к глобализации мирохозяйственных связей, при совершенствовании действующей нормативно-законодательной базы и правоприменительной практики целесообразно исходить из принятых на международном уровне стандартов, норм и правил, а также максимально учитывать опыт, накопленный в этой области другими странами, наиболее преуспевшими в формировании и развитии инновационной экономики.

К числу других направлений деятельности правительства по осуществлению перехода национальной экономики на инновационный путь развития следует назвать, в частности, такие, как создание развитой и эффективно-действующей системы трансфера технологий от государственного научно-технического сектора в предпринимательской и их коммерциализации; всемерное содействие диффузии технологий с целью скорейшего массового технологического перевооружения отечественного материального производства; последовательное

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПЕРЕХОДА НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ НА ИННОВАЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО И ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ, В ТОМ, ЧТОБЫ НА ОСНОВЕ ВСЕМЕРНОГО РАЗВИТИЯ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ СОЗДАТЬ ДЛЯ КАЖДОГО ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА ВСЕ НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ САМОГО АКТИВНОГО ЗАНЯТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

совершенствование подготовки кадров для инновационного менеджмента и маркетинга.

Суммируя сказанное выше, можно заключить, что роль государства в обеспечении перехода национальной экономики на инновационный путь развития, заключается, прежде всего и главным образом, в том, чтобы на основе всемерного развития рыночных отношений создать для каждого хозяйствующего субъекта все необходимые условия для самого активного занятия инновационной деятельностью. И только в тех случаях, когда рынок оказывается бессильным, государство должно брать инициативу на себя и обеспечивать последовательное и целеустремленное проведение действенных мероприятий по ускорению развития экономики и социальной сферы на основе максимального использования инноваций. Ибо успешно решить такую сверхсложную проблему, как формирование динамичной инновационной экономики и обеспечение её последующего поступательного развития, можно лишь на основе полной мобилизации всех внутренних резервов, а это, в свою очередь, становится возможным только при условии самого тесного взаимодополняющего и активного взаимодействия государства, рынка, гражданского общества и каждого отдельного человека, занятого общественно полезным трудом.

Список использованных источников

1. Байнёв, В.Ф. Рынок или инновации? / В.Ф. Байнёв // Наука и инновации. – 2007. – №4.
2. Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования. Часть II. – Минск, 2007.
3. Балацкий, Е., Раптовский, А. Инновационные и инвестиционные факторы эффективности производства / Е. Балацкий, А. Раптовский // Общество и экономика. – 2007. – №1.
4. Балацкий Е., Раптовский А. Инновационно-технологическая матрица российских регионов / Е. Балацкий, А. Раптовский // Общество и экономика. – 2007. – №2-3.
5. Апокин, И. Перспективы XXI века / И. Апокин // Экономика XXI века. – 2007. – №8.
6. Варнавский, В.Г. Партнерство государства и частного бизнеса: формы, проекты, риски / В.Г. Варнавский. – М.: Наука, 2005.
7. Аузан, А., Тамбовцев, В. Экономическое значение гражданского общества / А. Аузан, В. Тамбовцев // Вопросы экономики. – 2005. – №5.

Дата поступления в редакцию 10.03.2009.

**И. В. Котляров
С. А. Таранова**

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Распад Советского Союза поставил перед вновь созданными на его просторах странами серьезные проблемы, в том числе и такие, как организация государственной жизни, выбор государственного устройства и внешней политики. Особенно сложной для новых государств оказалась проблема политического устройства.

Наша страна в конце прошлого столетия вступила в полосу серьезных политических инноваций. Их необходимость была обусловлена логикой дальнейшего развития на региональном и мировом уровнях. События последних десятилетий позволяют выделить комплекс общемировых тенденций модернизации политических систем, которые происходят и в нашей стране.

Конституционные изменения обычно наблюдаются в периоды радикальных перемен существующих экономических, политических и социальных институтов. В таких случаях констатируют не отдельные реформы, а новое качество происходящих процессов, носящих, как правило, революционный характер. Для Республики Беларусь таким периодом стал 1994 год, год избрания первого белорусского президента. Это важнейшее политическое событие и заложило фундамент современной белорусской государственности, основу национального развития.

Для более глубокого анализа процессов политических инноваций в мире и Республике Беларусь подробнее рассмотрим сущность понятия «политическая модернизация».

Катляроў Ігар Васільевіч – дырэктар Інстытута сацыялогіі НАН, доктар сацыялагічных навук, прафесар, акадэмік Расійскай акадэміі сацыяльных навук. Аўтар больш чым пяцісот навуковых публікацый.

Таранова Святлана Анатольеўна – суіскальнік Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь. Сфера навуковых інтарэсаў – фарміраванне і мадэрнізацыя палітычных сістэм сучаснасці. Аўтар 15 навуковых артыкулаў.

Существуют различные интерпретации понятия модернизации. Известный польский исследователь Петр Штомпка в работе «Социология социальных изменений» выделял несколько значений данной дефиниции. По его мнению, модернизация – это, прежде всего, синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперед. Во втором смысле термин «модернизация» относится к отсталым или слаборазвитым обществам и описывает их усилия, направленные на то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны, которые сосуществуют с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального общества. Другими словами, в таком случае понятие «модернизация» описывает движение от периферии к центру современного общества. В самом общем виде модернизация характеризуется как общественно-исторический процесс, в ходе которого традиционные общества становятся индустриально развитыми.¹

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений.

Вместе с тем в современной политической науке все чаще можно встретить мнение о неточности использования дефиниции «модернизация» применительно к анализу современных социально-политических изменений в различных государствах мира. Например, американские футуристы Д. Нэсбит и П. Эбурдин в известной работе «Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000» указывали на то, что политическое, социальное и технологическое развитие в странах Востока существенно отличается от «модернизации» социально-политических и экономических систем Запада. Они предлагали называть эти процессы более общим термином «трансформация».² С другой стороны, известный американский социолог и политолог Самуэль Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций» отмечал, что в обществах Востока мы сплошь и рядом имеем дело с таким явлением, как «модернизация без вестернизации», т. е. с развитием технологических, экономических и социальных моделей наряду с сохранением основных черт религиозного, политического и культурного уклада, свойственного «традиционному обществу».³

² Нэсбит Д. Что нас ждет в 90-е годы.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций.

В данной работе модернизацию мы понимаем как общий вектор движения под целенаправленным воздействием социальных и политических субъектов от традиционного общества, взятого в его парадигмальном измерении, к обществу современному.

Политическую модернизацию можно рассматривать как целенаправленное формирование и развитие современных политических структур и институтов, политической системы в целом.

Теории политической модернизации в политической науке начали формироваться в 50-60-х годах прошлого столетия. Их создатели опирались на труды известных исследователей XIX – начала XX веков. Например, на работы Макса Вебера, выдвинувшего идею развития европейской цивилизации в направлении от традиционного общества к современному на основе рационализации поведения; Эмиля Дюркгейма, предложившего концепцию эволюции от обществ с «механической солидарностью» к обществам с «органической солидарностью» на основе разделения труда. К идейным основам теории модернизации можно отнести концепции Огюста Конта, Герберта Спенсера, марксистскую теорию преобразования общества и т. д.

Особый вклад в разработку теории модернизации внесли работы Габриэля Алмонда и Джона Пауэлла «Сравнительная политология. Подход с позиций «концепции развития», Дэвида Аптера «Политика модернизации», Сеймура Липсета «Политический человек», Алена Турена «Возвращение человека действующего», Люсьена Пая «Незападный политический процесс», Роберта Инглхарта «Модернизация и постмодернизация», Шмуэля Эйзенштадта «Модернизация: протест и изменение», Самуэля Хантингтона «Политический порядок в меняющихся обществах», Дэнкварта А. Растоу «Переходы к демократии: Попытка динамической модели» и другие. В своем развитии теория модернизации прошла три важнейших этапа: 50-60-е годы, 60-70-е годы и 80-90-е годы прошлого столетия.

Теория модернизации конца 50-х – начала 60-х годов сформировалась и получила развитие в американской политической науке. Поиски американских ученых в то время были направлены на разработку программы помощи пострадавшим во второй мировой войне государствам. План Маршалла, который специально был разработан для восстановления Европы, – важная часть теории модернизации. Данная концепция была предназначена и для стран «третьего мира», прежде всего, для тех, кто активно боролся против колониальной зависимости. Основной идеей классической теории модернизации была идея неизбежного перехода от «аграрного» общества к обществу «индустриальному». К тому времени сложилось реальное разделение человеческого общества на три «мира». Первый – это развитые индустриальные страны, включая Западную Европу и США, к которым вскоре

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ КОНЦА 50-х – НАЧАЛА 60-х ГОДОВ СФОРМИРОВАЛАСЬ И ПОЛУЧИЛА РАЗВИТИЕ В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

присоединились Япония и «индустриализировавшиеся страны» Юго-Восточной Азии; второй – социалистические государства во главе с Советским Союзом, целенаправленно продвигающиеся вперед по пути технического и социального прогресса, третий – постколониальные общества Юга и Востока. Модернистские идеи в страны «третьего мира» несли государства «первого мира». Постоянно возникал вопрос: как теоретически обосновать политические инновации в совершенно различных государствах, принимая во внимание растущее взаимовлияние и взаимозависимость стран «первого», «второго» и «третьего» миров? Это и попытались сделать теории модернизации первого этапа.

Большинство авторов того времени считали, что в основе общественного развития лежит прогресс в экономике и технологиях, ведущий к значительному повышению жизненного

**БОЛЬШИНСТВО АВТОРОВ ТОГО
ВРЕМЕНИ СЧИТАЛИ, ЧТО В ОС-
НОВЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИ-
ТИЯ ЛЕЖИТ ПРОГРЕСС В ЭКО-
НОМИКЕ И ТЕХНОЛОГИЯХ,
ВЕДУЩИЙ К ЗНАЧИТЕЛЬНО-
МУ ПОВЫШЕНИЮ ЖИЗНЕННО-
ГО УРОВНЯ И РЕШЕНИЮ МНО-
ГОЧИСЛЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ
ПРОБЛЕМ**

уровня и решению многочисленных социальных проблем. В этот период создавались теории индустриального общества, основанные на сходных понятиях. Они развивались в трудах У. Ростоу, Р. Арона, Д. Белла и оказали существенное влияние на формирование новых концепций модернизации.

В начале 70-х годов прошлого столетия первая модель теории модернизации оказалась несостоятельной. Страны Юго-Восточной Азии осуществили экономический прорыв, широко используя исторические традиции, причем в условиях военных диктатур или авторитарного правления.

Как результат, постоянно нарастала критика ранних концепций модернизации, которая постепенно подорвала большинство основополагающих ее положений. В рамках этой критики можно выделить несколько позиций:

- неспособность теорий модернизации объяснить разнообразие переходных обществ, показать возможности самостоятельного развития различных политических и экономических комплексов;
- по мнению представителей развивающихся стран, которые выступали против западной экспансии, против модернизации по западному образцу, теория модернизации оправдывала колониализм;
- сторонники теории зависимости, которая была создана в Латинской Америке такими учеными, как Фернандо Кардоза, ставшим впоследствии президентом Бразилии, считали, что, хотя все развивающиеся страны являются политически

и экономически независимыми, каждая из них зависит от основных мировых держав, прежде всего, от США, а также от многих глобальных институтов.⁴

Второй этап развития теории модернизации характеризовался появлением более взвешенных концепций, основанных на разнообразных факторах политического, социального и экономического характера. Под сомнением оказался тезис о демократизации стран «третьего мира» с точки зрения обеспечения эффективного политического и экономического развития, социально-экономического прогресса в целом. Многие авторы модели модернизации того времени основное внимание уделяли решению вопросов «стабильности» политического развития как предпосылки для социально-экономического прорыва.

Однако практически все идеи теории модернизации второго этапа не прошли испытание временем и подверглись серьезной критике. Как показала практика, модернизация общества по новым рецептам не привела к ожидаемым результатам. Нищету в отсталых странах победить не удалось. Более того, ее масштабы резко возросли. Не только не исчезли, но и широко распространились авторитарные и диктаторские режимы, увеличилось количество войн и народных потрясений, возникли новые формы религиозного фундаментализма, национализма и регионализма. Грубой ошибкой теории модернизации стало прямое противопоставление современности традициям и обычаям.

Многими исследователями и политиками была поставлена под сомнение и строгая последовательность стадий модернизации: «Те, что пришли позднее, – утверждал С. Хантингтон, – могут (и это вполне доказуемо) быстро модернизироваться благодаря революционным средствам, а также опыту и технологиям, которые они заимствуют у своих предшественников. Таким образом, весь процесс может быть сокращен. Предположение о строгой последовательности фаз (предварительное состояние, начальная фаза, переход к зрелости и т. п.), которые должны пройти все общества, похоже, ошибочно».⁵

Не оправдалась и ориентированная на Запад концепция целей модернизации. Как показала жизнь, многие новые страны успешно развивались не по западным рецептам. Как результат, теории модернизации были отодвинуты на долгое время.

⁴ Володин А. Г. *Современные теории модернизации: кризис парадигмы;*

Котляров И. В., Таранова С. А. *Политическая система Беларуси...;*

Мельвиль А. Ю. *Демократические транзиты...;*

Пройсс У. *Модели конституционного развития и перемены в Центральной Европе.*

ВТОРОЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ ХАРАКТЕРИЗОВАЛСЯ ПОЯВЛЕНИЕМ БОЛЕЕ ВЗВЕШЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ, ОСНОВАННЫХ НА РАЗНООБРАЗНЫХ ФАКТОРАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО, СОЦИАЛЬНОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА. ПОД СОМНЕНИЕМ ОКАЗАЛСЯ ТЕЗИС О ДЕМОКРАТИЗАЦИИ СТРАН «ТРЕТЬЕГО МИРА» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В ЦЕЛОМ

⁵ Huntington S. P. *The change to change: modernization, development and politics*. P. 38.

В 80-е годы прошлого столетия интерес к теории модернизации резко возрос. Основная причина этого – распад социалистического содружества и переход многих государств к капитализму. В ответ на призыв возродить теорию модернизации были выдвинуты концепции «неомодернизации» (Э. Тирикьян), «постмодернизации» (Д. Александер), «экологической модернизации» (Э. Гидденс, У. Бек).⁶

⁶ Гидденс Э. *Последствия модернити; Его же. Социология; Котляров И. В. Политическая система Беларуси...*

В конце XX века широкое распространение получило новое теоретическое направление модернизации – «демократический транзит», положившее начало формированию отдельного направления современной политической науки – транзитологии (Р. Даль, Ф. Шмиттер, Х. Линц, А. Степан, А. Пшеворский и др.). Транзитология выступила в качестве обновленной концепции модернизации применительно к новым экономическим, социальным и политическим условиям.⁷

⁷ Володин А. Г. *Современные теории модернизации: кризис парадигмы;*

Котляров И. В., Таранова С. А. Политическая система Беларуси...;

Пшеворский А. Демократия и рынок...; Rustow D. Transitions to Democracy.

Основоположником теории демократического транзита является американский политолог Дэнкварт А. Растоу, опубликовавший в 1970 году статью «Переходы к демократии: Попытка динамической модели». В ней исследователь попытался ответить на следующий вопрос: «Каким образом страны совершают переход от одного строя к другому, и в связи с чем одни либеральные демократии переживают крушение, а другие остаются стабильными и продолжают устойчиво развиваться?»⁸

⁸ *Rustow D. Transitions to Democracy. P. 15.*

В этой работе Д. Растоу показал необходимость проведения различий между процессами генезиса и функционирования демократии, функционированием стабильных политических систем и их становлением и развитием. В данном исследовании он развивал следующие методологические положения:

- факторы, обеспечивающие устойчивость демократии, не обязательно равнозначны тем, которые породили данную форму устройства политической системы; при анализе демократии необходимо проводить различия между ее функционированием и генезисом;
- корреляция – это не то же самое, что причинная связь: теория генезиса должна сконцентрировать внимание на выявлении последней;
- вектор причинной обусловленности не всегда направлен от социальных и экономических факторов к политическим;
- вектор причинной обусловленности не всегда идет от убеждений к действиям;
- процесс зарождения демократии не обязательно должен быть единообразным во всех точках земного шара: к демократии может вести множество дорог;

- процесс зарождения демократии не обязательно должен быть единообразным по временной протяженности: на длительность каждой из последовательно сменяющихся его фаз решающее воздействие могут оказать разные факторы;
- процесс зарождения демократии не обязательно должен быть единообразным в социальном плане: даже когда речь идет об одном и том же месте и одном и том же отрезке времени, стимулирующие его позиции политиков и простых граждан могут отличаться друг от друга.⁹

Именно работа «Переходы от авторитаризма: перспективы демократии» стала основой микросоциологических теорий (теорий акторов). Ее авторы считают главными факторами модернизации субъективные действия политических акторов, прежде всего, политических элит, их коалиции, решения и стратегии. Среди основных моделей в рамках данной группы подходов можно выделить модели Г. О’Доннелл, Ф. Шмиттера, С. Хантингтона, А. Пшеворского.

Политические трансформации 70-80-х годов прошлого столетия стали основой еще одной концепции демократического транзита – так называемой теории «третьей волны» демократизации. Этот термин ввел в политическую науку директор Института стратегических исследований Гарвардского университета Самюэль Хантингтон. По его мнению, «первая волна» демократизации пришлась на период между 1828-1926 годами и была медленной. «Вторая волна» – это временной период с 1943 по 1964 годы. «Третья волна» началась в 1974 году демократизацией Португалии. В указанные периоды демократическое развитие во всем мире было заметно сильнее, чем противоположное направление развития.¹⁰ Посткоммунистическая демократизация стран Восточной Европы значительно усилила «третью волну». С. Хантингтон утверждал, что в 1974 году из всех государств мира на демократии приходилось менее 30 процентов, а во второй половине 90-х годов – их уже стало более 60 процентов.¹¹

Весьма специфический механизм модернизации предлагает теория конвергенции. Эта теория разрабатывалась в различных вариантах представителями институционализма П. Сорокиным, У. Ростом, Д. К. Гэлбрейтом (США), Р. Ароном (Франция), представителями эконометрики – Я. Тинбергеном (Нидерланды), Д. Шельским и О. Флехтхаймом (ФРГ). Согласно концепции конвергенции «единое индустриальное общество» не будет ни капиталистическим, ни социалистическим. Оно соединит преимущества обеих систем, при этом не будет

⁹ Rustow D. *Transitions to Democracy*. P. 5.

¹⁰ Хантингтон С. *Третья волна. Демократизация в конце XX века*. С. 62.

¹¹ Там же.

иметь их недостатков. Как показала политическая реальность, переход от капиталистического общества к постиндустриальному и смешанной экономике происходил под влиянием как положительного, так и отрицательного опыта социалистических государств. Однако глубокий кризис этой системы привел к тому, что уже в 80-х годах прошлого столетия теория конвергенции утратила популярность.

Новые идеи политической модернизации, концепции насильственного демократического транзита имеют огромное количество проблем и недостатков. Основные параметры моделей политической модернизации убедительно указывают на нелинейность данного вида политических инноваций и подтверждают положение о существовании целого ряда условий, детерминирующих волнообразность возникновения политических изменений.

ВО ВСЕМ МИРЕ НАБЛЮДАЮТСЯ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ НЕГАТИВНЫЕ ПОБОЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Во всем мире наблюдаются многочисленные негативные побочные эффекты модернизации. Уничтожение традиционных институтов и жизненных укладов повлекло за собой социальную дезорганизацию и хаос, рост девиантного поведения и преступности. Дисгармония в экономике и социальной сфере привела к значительным моральным и материальным издержкам. Неприемлемыми оказались и теоретические основания теории модернизации. Многие исследователи подчеркивают возможность многолинейного развития, когда модернизация осуществляется разными путями в зависимости от стартовых позиций тех или иных обществ и проблем, с которыми они сталкиваются.¹²

¹² Капустин Б. Г. Конец «транзитологии»?

Пройсс У. Модели конституционного развития и перемен в Центральной Европе;

Растоу Д. А. Переходы к демократии: попытка динамической модели.

Доминирующей чертой современных обществ является не их сходство, а существенное различие. Таким образом, модернизация не может предлагать единственные и окончательные варианты эволюции всех современных обществ. Необходимы совершенно новые подходы, эффективные механизмы и модели политических преобразований в современных обществах.

Современные подходы к теории и практике политической модернизации.

В современных условиях постоянно проявляются новые проблемы, неизбежно обретающие политическую значимость. Многие инновационные процессы в постсоветских государствах остаются незавершенными и сопровождаются существенным ростом проблем политического и экономического

характера и дезинтеграцией моральных устоев общества. Все эти процессы связаны со значительным ростом политической активности и напряженности. Политические системы многих постсоциалистических государств находятся в постоянном напряжении, так как их экономический и социальный потенциал постоянно истощается. Все это требует принципиально новых подходов к политическим инновационным процессам.

При создании новой модели политических изменений крайне важно провести критическое осмысление прошлого опыта, анализ экономических и политических процессов начала третьего тысячелетия, строго научное исследование социальных, демографических, этнических, конфессиональных, культурных и других перемен.

Существует несколько научных концепций, объясняющих модернизацию в целом или отдельные ее параметры. В концепции политической модернизации Д. Растоу определены три основные цели политических инноваций: национальное единство, стабильная власть и равенство. Исследователь отмечал несколько фаз политической модернизации: подготовительную фазу, в которой реализуется расширение демократических свобод; фазу принятия решений, определяющую курс на демократические преобразования; фазу привыкания, в которой закрепляются ценности демократии, политические институты и процедуры.¹³ Более разработанной является модель политической модернизации С. Хантингтона, где данное понятие рассматривается как процесс, включающий в себя три базовые линии политического развития: рационализацию власти; дифференциацию социальных, государственных и гражданских структур; повышение уровня политического участия.¹⁴

Польский исследователь А. Пшеворский предложил концепцию модернизации политической системы с использованием теории игр. Фазы процесса демократизации представляются им в форме игры четырех политических групп: твердые консерваторы, реформаторы, умеренные, радикальная оппозиция.¹⁵

Все эти концепции имеют скорее теоретический характер, оторваны от реальности, не могут четко определить основные категориальные характеристики важнейших политических процессов.

Учитывая огромное количество проблем и недостатков, неспособность прежних моделей политической модернизации

¹³ Растоу Д. А. *Переходы к демократии: попытка динамической модели.*

¹⁴ Хантингтон С. *Политический порядок в меняющихся обществах.* С. 109.

¹⁵ Пшеворский А. *Демократия и рынок...* С. 295-297.

ответить на вызовы современности, мы предлагаем синтетическую инновационную парадигму политических изменений. В ее основе лежит убеждение, что политическая система под влиянием комплекса целенаправленных воздействий субъектов политики движется от одного качественного состояния к другому через переходное общество. Важнейшие категории данной парадигмы приведены ниже:

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
ПОД ВЛИЯНИЕМ КОМПЛЕКСА
ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННЫХ ВОЗ-
ДЕЙСТВИЙ СУБЪЕКТОВ ПОЛИ-
ТИКИ ДВИЖЕТСЯ ОТ ОДНОГО
КАЧЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ
К ДРУГОМУ ЧЕРЕЗ ПЕРЕХОДНОЕ
ОБЩЕСТВО**

- «точка отсчета» как некая стартовая позиция, исходный пункт политических инноваций;
- переходное общество;
- факторы, влияющие на процесс политических изменений, среди которых следует выделить глобализацию, «цветные» революции, субъективные и институциональные факторы;
- конечный результат;
- движущая сила или формы целенаправленного воздействия на процесс политических изменений.

В политической литературе всегда много споров о «точке отсчета». От того, что принимается за точку отсчета, в решающей мере зависят социетальные оценки успехов или неудач политических изменений.

С точки зрения достаточно большого количества исследователей, изучающих данную проблему, сутью модернизации как особой формы развития является переход от традиционного общества к современному.

Традиционные общества возникли в глубокой древности. Они отличаются от современных рядом особенностей: доминированием традиции над новацией; зависимостью в организации социальной жизни от религиозных или мифологических представлений; цикличностью развития; коллективистским характером общества; авторитарным характером власти; отсутствием отложенного спроса, то есть способностью создавать материальные ценности не ради насущных потребностей, а ради будущего; предэкономическим, преиндустриальным характером; отсутствием массового образования; преобладанием локального над универсальным. Главной чертой традиционного общества является доминирование традиции над инновациями. Но, как показывает практика, общество с такими характеристиками сегодня не существует, и говорить о них как о точке отсчета политических инноваций, по крайней мере, не корректно.

Отдельные исследователи склонны считать «отправным пунктом» транзита «коммунизм». Однако коммунизм

как политическая реальность потерпел поражение полтора десятка лет назад и поэтому не может рассматриваться как «точка отсчета» современных политических инноваций.

По нашему мнению, в качестве отправного пункта политических преобразований необходимо выбрать определенный переломный момент в жизни государства, временной промежуток, который является переломным для страны, во время которого принимаются важнейшие для государства решения; начало радикальных изменений существующих экономических, политических и социальных институтов.

Для Республики Беларусь таким временным промежутком являются президентские выборы 1994 г., после которых страна существенно изменила вектор своего движения, ушла от пропасти и постепенно перешла в число сильных мировых государств.

Важной категорией для синтетической инновационной парадигмы политических изменений является дефиниция «переходное общество». Это особая, неустойчивая политическая система, которая имеет ряд специфических особенностей. При помощи переходных категорий она соединяет старое и новое состояние. Именно здесь, в сложных, противоречивых, абсурдных ситуациях, происходят наиболее глубокие общественные преобразования в государстве, обществе и внутреннем мире человека. В переходном обществе из динамического хаоса под целенаправленным воздействием социальных субъектов рождаются и формируются новые политические структуры. Самые глубокие и сложные процессы – политические кризисы, модернизация политических структур, политические и духовные изменения, политические конфликты и т. д. – происходят, как правило, в рамках переходных обществ.

Однако сущность переходного общества, его основные параметры, временные и пространственные границы до сих пор не изучены. Нет даже четкого определения. Профессор А. Н. Данилов в работе «Переходное общество. Проблемы системной трансформации» так и не дал авторского определения переходного общества,¹⁶ как, впрочем, и не проанализировал определения других авторов. Целый ряд исследователей, рассматривая переход от традиционного общества к современному, тщательно избегает дефиниции «переходное общество».

В КАЧЕСТВЕ ОТПРАВНОГО ПУНКТА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НЕОБХОДИМО ВЫБРАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЙ ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ В ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА

ВАЖНОЙ КАТЕГОРИЕЙ ДЛЯ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ЯВЛЯЕТСЯ ДЕФИНИЦИЯ «ПЕРЕХОДНОЕ ОБЩЕСТВО»

¹⁶ Данилов А. Н. *Переходное общество...*

По нашему мнению, переходными обществами являются общества, в которых происходит противоборство различных социальных групп и политических сил, выражающих их интересы; в течение достаточно короткого промежутка времени радикально и с высокой скоростью изменяются общественные институты, их функции и задачи, что ведет к качественному изменению общественных отношений и иерархии политических идеалов и ценностей, ликвидации многих социальных норм, существенному изменению общественного сознания. Такие общества в условиях резкого изменения общественных отношений в определенные временные интервалы могут терять политическую и социальную стабильность, устойчивость и управляемость. В них снижается жизненный уровень людей; падает рождаемость и растет смертность, безработица, преступность; наблюдается нестабильность и неопределенность движения; социальное расслоение на бедных и богатых; отход все большего числа людей от основ нравственности. Этот перечень можно продолжить, но ясно, что общество в таких случаях при непринятии срочных конкретных целенаправленных мер неуклонно скатывается в пропасть.

ВО МНОГИХ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ, СТРАНАХ, ОБРАЗОВАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ, ПОЯВИЛСЯ НОВЫЙ ТИП ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ – ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Во многих постсоветских государствах, образованных на территории бывшей Югославии, в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, появился новый тип политической системы – политическая система переходного периода. Это система, в которой тесно связаны подсистемы и элементы двух качественно отличающихся друг от друга политических систем; структура, которая базируется на синтезе частной и общественной форм собственности на средства производства, где только формируется классическая демократия и гражданское общество, разделение властей, парламентская или президентская система управления обществом.

Для правильного, научного понимания процессов политических изменений важно выделить факторы, влияющие на ход развития политических систем.

Особое влияние на современные политические процессы оказывает глобализация. Теория глобализации – это новая версия теории модернизации. Эта теория возникла в середине XX века в США, когда группа ученых пыталась найти универсальный рецепт развития, который был бы применим к государствам в любом состоянии и с любым культурным наследием.

Глобализация – это процесс, детерминируемый экономическими причинами, но имеющий ярко выраженный политический контекст. При этом важными являются вопросы о сущности и направлении политической глобализации, в том числе о государственном суверенитете и национальных моделях модернизации.

Глобализация не оправдала возложенных на нее надежд. Противостояние Запада и исламского мира становится все острее день ото дня. Все больше стран и регионов совершенно выпадают из всемирной системы развития и процветания. Необходимы совершенно новые политические подходы и решения.

Существенно влияют на ход и направленность политических процессов различные «разноцветные» революции. Это ненасильственное свержение существующего политического режима при помощи нелегитимных методов. Первой удачной попыткой «цветной революции», но еще не получившей такого названия, была ликвидация в 1986 году власти филиппинского президента-диктатора Ф. Маркоса, который уже был объявлен победителем избирательной комиссией. Вторая – обеспечение в 2000 году победы кандидата от оппозиции В. Коштуницы над президентом Югославии С. Милошевичем; третья – частичная отмена результатов парламентских выборов и отставка президента Грузии Э. Шеварднадзе в 2003 году, четвертая – повторное голосование на президентских выборах в 2004 году в Украине и победа оппозиционного кандидата В. Ющенко. То же самое произошло и в Киргизии.

«РАЗНОЦВЕТНЫЕ» РЕВОЛЮЦИИ – ЭТО НЕНАСИЛЬСТВЕННОЕ СВЕРЖЕНИЕ СУЩЕСТВУЮЩЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА ПРИ ПОМОЩИ НЕЛЕГИТИМНЫХ МЕТОДОВ. ПЕРВОЙ УДАЧНОЙ ПОПЫТКОЙ «ЦВЕТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ», НО ЕЩЕ НЕ ПОЛУЧИВШЕЙ ТАКОГО НАЗВАНИЯ, БЫЛА ЛИКВИДАЦИЯ В 1986 ГОДУ ВЛАСТИ ФИЛИППИНСКОГО ПРЕЗИДЕНТА-ДИКТАТОРА Ф. МАРКОСА

Анализ причин возникновения «цветных революций» в Грузии, Украине, Киргизии позволяет выделить ряд общих особенностей. Одна из них – внедрение чуждой местным условиям западной экономической модели.

Важный фактор цветной революции – прямая поддержка оппозиции со стороны зарубежных политических структур. Это выражается в поведении официальных ведомств, неправительственных организаций, средств массовой коммуникации, получении оппозицией иностранной помощи в форме тренингов активистов и грантов оппозиционным общественным организациям. Моральная и материальная поддержка придает оппозиционным движениям новые силы.

Решающую роль в революционных «цветных» событиях играет американский фактор. В американской «Стратегии

национальной безопасности» подчеркивалось: «Политика Соединенных Штатов состоит в том, чтобы помогать и поддерживать демократические движения в любой стране и культуре, с тем, чтобы покончить с тиранией в нашем мире. В сегодняшнем мире фундаментальный характер режимов значит не меньше, чем соотношение сил между ними. Целью нашей политики является помощь в сотворении мира демократических, хорошо управляемых государств, которые смогут удовлетворить потребности своих граждан и вести себя ответственно на международной арене. Это – лучший способ обеспечить прочную безопасность американского народа».¹⁷

¹⁷ *The National Security Strategy*. P. 16.

Соединенные Штаты Америки подвели под «цветные революции» теоретическую и законодательную базу. Четыре американских конгрессмена – сенаторы Джон Маккейн и Джозеф Либерман и два члена Палаты Представителей Том Лантос и Фред Вулф 3 марта 2005 года внесли в Конгресс США законопроект «О распространении демократии и демократических ценностей в недемократических странах».¹⁸

¹⁸ *Palmer M. Breaking the Real Axis of Evil...*

Наконец, США играют важную роль в легитимации новых режимов. Наиболее отчетливо это проявилось в украинских событиях, где назначение «третьего тура» стало результатом западного посредничества.

ЕЩЕ ОДНИМ ФАКТОРОМ, В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ОБЕСПЕЧИВШИМ УСПЕХ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ», СТАЛА ЯВНАЯ И МАСШТАБНАЯ КОРРУМПИРОВАННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

Еще одним фактором, в значительной степени обеспечившим успех «цветных революций», стала явная и масштабная коррумпированность государственного аппарата. Проведение приватизации государственной собственности наряду с внедрением модели неоллиберализма без учета местных реалий привели к резкой коррумпированности власти, что дало повод оппозиции вывести массы против властвующей элиты.

Существует и субъективный фактор, когда некоторые политики и известные актеры, писатели и деятели культуры, так называемые «моральные авторитеты нации», подталкивали маргинальных субъектов к активным политическим и социальным действиям.

В последнее время одним из объектов ненасильственного демократического транзита стала Республика Беларусь. Западные политические субъекты провели ряд акций, направленных на активизацию деятельности оппозиции внутри страны. При этом были активно задействованы государства, пережившие «цветные революции». В Беларуси наблюдались и другие признаки подготовки «цветной революции».

Тем не менее, в отношении Беларуси указанная схема не срабатывает. Прежде всего, из-за отсутствия исходных условий для возникновения «цветной революции». Против сторонников «революций» работает и экономический фактор. Уровень жизни людей несколько выше, чем в Грузии, Киргизии, Украине, да и других постсоветских странах.

В Беларуси нет сильной политической оппозиции, опирающейся на широкие народные массы. Те политические силы в стране, которые называют себя оппозиционными, не пользуются поддержкой белорусского народа.

Наконец, в Республике Беларусь сложились сильная структура власти, системная законодательная база, сильные законы. Эти важнейшие компоненты политической системы белорусского общества препятствуют созданию реальных предпосылок для дестабилизации ситуации в стране. Кроме того, политическая и организационная слабость внутренних противников существующего в Беларуси строя, отсутствие дееспособной стратегии действий также подтверждают прогноз о том, что белорусская политическая оппозиция не в состоянии оказать решающее влияние на политическую ситуацию в стране.

Необходимо четко представлять конечный результат политических инноваций. Многие исследователи считают, что это так называемое «современное общество». Современное общество по большинству ведущих признаков противоположно традиционному. Данный тип общества можно представить как систему следующих параметров: преобладание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; преимущественная ориентация на инструментальные ценности; демократическая система власти; наличие отложенного спроса, т. е. способности производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; индустриальный характер; массовое образование; активный деятельный психологический склад; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (техногенная цивилизация); преобладание универсального над локальным.

Однако сегодня многие ученые утверждают, что подобный подход более правилен для середины прошлого века, для ранних теорий модернизации. В настоящее время он явно устарел и не имеет никакой перспективы.

В качестве конечного пункта политических изменений ученые предлагали такие известные модели общественного

устройства, как «рынок», «демократия», «правовое государство» и т. д. Например, профессор А. Н. Данилов под основными целями трансформационных системных изменений понимал «отказ от монополии одной партии, создание парламентской республики западного типа, общую демократизацию общественных отношений, отход от так называемой «централизованно планируемой экономики» с ее распределительными функциями; отказ от социалистической «всеобщности труда»; ликвидацию системы «социального иждивенчества с одновременным провозглашением стандартных либерально-демократических свобод, перемену духовно-культурных ориентиров общественного развития».¹⁹ Однако его идеи не нашли поддержки со стороны других ученых.

¹⁹ Данилов А. Н. *Переходное общество...* С. 11.

МНОГИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ СЧИТАЮТ, ЧТО КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ МОДЕРНИЗАЦИИ – ЭТО ДЕМОКРАТИЯ

Многие исследователи считают, что конечный пункт модернизации – это демократия. Причем, начиная со статьи Д. Растоу «Переходы к демократии: попытка динамической модели», демократия стала самостоятельным направлением политической науки и конечным результатом теории политической модернизации.

Современное общество очень многомерно. На это обстоятельство справедливо обращал внимание известный американский ученый Майкл Макфол. Анализ современных концепций политических инноваций позволяет утверждать, что модернизация, в том числе и политическая, не является движением к какому-либо образцу. У каждого государства может быть свой путь развития.

Особая роль в современных политических процессах уделяется различного рода факторам социальной инженерии или социального проектирования, таким, как моделирование политических институтов, формирование определенного типа культуры на базе конкретного набора ценностей и приоритетов, переосмысление истории и традиций народа и т. д. Эти и многие другие факторы призваны конструировать наиболее оптимальные условия для функционирования новых политических институтов и формирования среды, в которой происходит адаптация структурных и институциональных нововведений.

Главным условием эффективного продвижения к намеченной цели может стать институционализация, т. е. создание политических, экономических, социальных государственных институтов, опирающихся на принципиально новые механизмы политического действия. Именно эти институты будут формировать новые социальные реалии, новую законодательную базу,

создавать новую идеологию и управленческие кадры, воспитывать человека с определенными нравственными качествами. Эти институты способны противостоять насильственному транзиту чужих взглядов и ценностей.

Особое место в процессе политической модернизации занимает государство. Политическая реальность требует эффективного правового государства, дееспособного и ответственного перед народом, другими странами и миром в целом. Такое государство обеспечивает взаимодействие различных социальных слоев и групп, характерных для переходных обществ, ищет компромисс между противоборствующими политическими силами для обеспечения стабильности социума, но, если необходимо, применяет силовые методы решения существующих проблем. Кроме того, специфические задачи современной политической модернизации ставят перед государством необходимость выбора стратегии развития общества, поиска новых институциональных подходов, создания новых органов власти и институтов управления.

Республика Беларусь в значительной мере соответствует указанным выше требованиям. Здесь создано сильное, самодостаточное, правовое, социальное государство, новые политические структуры – Администрация Президента страны, двухпалатный парламент, Конституционный суд, которые формируют идеологию белорусского государства, новую гражданскую культуру и политическое сознание.²⁰

Такой подход – залог дальнейших успехов, новых побед белорусского государства и белорусского народа.

ОСОБОЕ МЕСТО В ПРОЦЕССЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАНИМАЕТ ГОСУДАРСТВО. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ТРЕБУЕТ ЭФФЕКТИВНОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА, ДЕСПОСОБНОГО И ОТВЕТСТВЕННОГО ПЕРЕД НАРОДОМ

²⁰ Котляров И. В., Таранова С. А. Политическая система Беларуси ...

Они же. Совершенствование политической системы белорусского общества;

Котляров И. В. Политическая социология...

Список использованных источников

1. Володин, А. Г. Современные теории модернизации: кризис парадигмы / А. Г. Володин // Политическая наука. – 2003. – №2. – С. 8-29.
2. Гидденс, Э. Последствия модернити / Э. Гидденс. // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999. – С. 101-122.
3. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. – М.: Эдиториал УРСС, 2005. – 632 с.
4. Данилов, А. Н. Переходное общество. Проблемы системной трансформации / А. Н. Данилов. – Минск: Универсітэцкае, 1997. – 413 с.
5. Капустин, Б. Г. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) / Б. Г. Капустин // Полис. – 2001. – №4. – С. 6-26.
6. Котляров, И. В., Таранова, С. А. Политическая система Беларуси: теоретическое осмысление и нормативное регулирование / И. В. Котляров, С. А. Таранова // Проблемы управления. – 2007. – №4. – С. 205-213.
7. Котляров, И. В. Политическая социология: теория, история, методология, методика: в 2 т. / И. В. Котляров. – Минск: МИУ, 2004.
8. Котляров, И. В., Таранова, С. А. Совершенствование политической системы белорусского общества: политико-правовое исследование / И. В. Котляров, С. А. Таранова // Гуманітарна-эканамічны веснік. – 2008. – №3. – С. 105-116.
9. Мельвиль, А. Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты) / А. Ю. Мельвиль. – М.: Московский общественный научный фонд, 1999. – 106 с.
10. Нэсбит, Д. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000 / Д. Нэсбит, П. Эбурдин. – М.: Республика, 1992. – 415 с.
11. Пройсс, У. Модели конституционного развития и перемены в Центральной Европе / У. Пройсс // Полис. – 1996. – №4. – С. 125-137.
12. Пшеворский, А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / А. Пшеворский. – М.: РОССПЭН, 1999. – 320 с.
13. Растоу, Д. А. Переходы к демократии: попытка динамической модели / Д. А. Растоу // Полис. – 1996. – №5. – С. 5-15.
14. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М.: Прогресс – Традиция, 2004. – 480 с.
15. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
16. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.
17. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
18. Huntington, S. P. The change to change: modernization, development and politics? / S. P. Huntington // Black. – 1976. – P. 25-61.
19. Palmer, M. Breaking the Real Axis of Evil: How to Oust the World's Last Dictators by 2025 / M. Palmer. – Rowman & Littlefield Publishers, 2003.
20. Rustow, D. Transitions to Democracy / D. Rustow // Comparative Politics. – 1970. – №2.
21. The National Security Strategy, 2006.

Дата поступления в редакцию 30.01.2009.

К. И. Петрович

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЮСТИЦИЯ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Формирование демократического правового государства требует создания сильной, независимой и доступной для населения судебной власти, способной обеспечить эффективную защиту провозглашенных Конституцией прав и свобод человека. Вместе с тем существующая ныне в Республике Беларусь судебная система и, в особенности, действующие судебные процедуры, с нашей точки зрения, не всегда позволяют человеку в полной мере использовать предоставленное ему Конституцией право на судебную защиту своих прав и свобод.

В целях более эффективной защиты прав и свобод граждан в западных странах наметилась четкая тенденция к «полисистемности» судебной власти, к специализации судебных структур, наиболее ярко проявившаяся в странах континентального права. Как следствие, в этих государствах, наряду с системой общих судов, появился ряд специализированных судебных подсистем, таких как: конституционная, финансовая, социальная, трудовая, административная юстиция.¹ И, хотя в результате формирования специализированных судебных подсистем возникают определенные сложности в осуществлении правосудия (порой возрастает длительность судебных процессов, затрудняется ориентация заявителя в структурах судебной власти и т. п.), все же общепризнано, что специализированные суды предоставляют заинтересованному лицу больше возможностей для реализации его права на судебную защиту своих прав и свобод, чем обычные. Преимущество подобных судебных структур заключается в том, что они позволяют обеспечить более глубокий юридический анализ конкретных правоотношений в условиях усложняющихся в современном обществе

*Пятровіч Карней
Ізідоравіч – юрыс-
консульт. Працуе
ў г. Баранавічы.*

¹ Судебные системы западных государств. С. 7.

связей и отношений, дают возможность применить (в случае необходимости) особые процессуальные правила. И в первую очередь это касается сферы публично-правовых отношений.

Появление в структуре судебной власти западных государств специализированных судебных подсистем обусловлено рядом причин. Важнейшей из них является все возрастающая роль управленческого аппарата, его активное вмешательство в экономическую, социальную, духовную сферы общественной жизни, все увеличивающееся количество его актов. Следствием возрастающей роли государства в жизни общества явилось резкое увеличение количества конфликтов граждан с данными органами и их должностными лицами. Все это выдвинуло на первый план проблему контроля за деятельностью публичной власти. И первостепенное значение в механизме такого контроля было отведено судебным структурам в их традиционной и специализированной формах.²

² Судебные системы западных государств. С. 50.

Республика Беларусь, с нашей точки зрения, также восприняла данную тенденцию, когда в ст. 109 Конституции было закреплено, что национальная судебная система строится на принципах территориальности и специализации. Данный конституционный принцип организации судебной власти получил свое дальнейшее развитие в ст. 2 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей, в которой предусмотрено, что правосудие осуществляется посредством конституционного, гражданского, уголовного, хозяйственного и административного судопроизводства. При этом следует отметить, что в ст. 4 данного Кодекса также предусмотрен механизм, позволяющий обеспечить принцип единства прав-

**ИНСТИТУТ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ
ЗА ПРАВОМЕРНОСТЬЮ АКТОВ
ПУБЛИЧНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ –
НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРА-
ВОВОГО ГОСУДАРСТВА**

восудия в условиях существования самостоятельных специализированных судебных подсистем. Важнейшими элементами данного механизма является единство статуса всех судей, соблюдение установленного процессуальным законом порядка судопроизводства, обязательность вступивших в законную силу судебных постановлений.

Институт судебного контроля за правомерностью актов публичной администрации – необходимый элемент правового государства. В демократических странах, имеющих давние правовые традиции, данный правовой институт реализуется через такую форму осуществления правосудия, как административное судопроизводство (административную юстицию). Несмотря на различия в организации и деятельности этого института в отдельных странах, общим для всех их является

целевое предназначение административной юстиции – судебный контроль за законностью актов публичной власти, принятых в отношении не подчиненных ей субъектов правоотношений. Это позволяет, с одной стороны, повысить эффективность защиты прав и свобод граждан от злоупотреблений со стороны органов управления, а с другой – улучшить деятельность публичной администрации в интересах всего общества.

Следует отметить, что некоторые авторы видят в административной юстиции всего лишь составную часть административно-юрисдикционной деятельности, осуществляемую уполномоченными на то органами и их должностными лицами при рассмотрении дел об административных правонарушениях и принятии по ним решений.³ Полагаем, что отождествление административной юстиции с производством по делам об административных правонарушениях недостаточно обосновано, т. к. сам предмет разбирательства в обоих случаях совершенно разный – либо это административное правонарушение, либо спор гражданина с органами (должностными лицами) публичной власти. Поэтому мы не можем согласиться с мнением, согласно которому действующий Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях как раз и олицетворяет собой административное судопроизводство. Хотя бы потому, что согласно ст. 3.1 Кодекса рассмотрение дел об административных правонарушениях осуществляется не только судебными органами. Коль же мы ведем речь об одном из видов судопроизводства, то и осуществляться оно должно, по нашему мнению, исключительно судами. А потому наличие указанного выше Кодекса никак не может заменить собой Кодекс об административном судопроизводстве, о котором речь пойдет ниже.

На невозможность отождествления административного судопроизводства с производством по делам об административных правонарушениях было обращено внимание России при ее вступлении в Совет Европы. При этом было указано, что такое понимание административного судопроизводства не соответствует пониманию, сложившемуся в других странах, что надо различать защиту прав граждан в сфере административных правоотношений от осуждения мелких правонарушителей и взыскания штрафов в судебном порядке.⁴

Учреждение административной юстиции как специализированного звена судебной системы обусловлено необходимостью глубокого изучения и правильного применения огромного массива законодательства, используемого в сфере

³ Ржевский В. А., Чепурнова Н. М. Судебная власть в Российской Федерации. С. 119.

⁴ Совершенствование правосудия в России. С. 16.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЮСТИЦИЯ ИМЕЕТ ТО НЕСОМНЕННОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО, ЧТО ОНА ВЫСТУПАЕТ КАК НЕЗАВИСИМЫЙ АРБИТР, НЕ СВЯЗАННЫЙ ВЕДОМСТВЕННЫМИ ИНТЕРЕСАМИ

государственного управления. Кроме того, данная форма судопроизводства предоставляет лицу, интересы которого нарушены, больше гарантий на своевременное и справедливое разрешение дела. Так, в сравнении с системой рассмотрения административных споров в порядке ведомственной подчиненности, административная юстиция имеет то несомненное преимущество, что она выступает как независимый арбитр, не связанный ведомственными интересами. В сравнении с вариантом, когда разрешением административных споров занимаются общие суды, преимущество административной юстиции состоит в ее большем профессионализме, что весьма существенно, так как производство по делам административно-правовых отношений значительно отличается от того, чем преимущественно занимается система общих судов.

Вместе с тем необходимо признать, что до настоящего времени в научной литературе так и не сформировалось единого понимания данного правового института, до сих пор остаётся спорным само понятие «административная юстиция». Одни авторы подразумевают под ним собственно правосудие по административным делам.⁵ Другие в административной юстиции видят систему юрисдикционных органов, призванных рассматривать споры, возникающие в процессе управления.⁶ Иногда административную юстицию рассматривают как юридическую форму разрешения конфликтов, возникающих в связи с правовой оценкой законности актов и действий того или иного органа публичной власти.⁷ Нам же представляется, что указанные выше подходы к толкованию понятия «административная юстиция» позволяют говорить лишь об отдельных сторонах целостного правового института: материальной, организационной и формальной соответственно. Материальная сторона позволяет раскрыть природу спора, определить сферу действия административной юстиции, ее цели и назначение. Организационная и формальная стороны административной юстиции тесно взаимосвязаны и, соответственно, подразумевают наличие в системе государственного аппарата органов, созданных для разрешения споров в сфере управления и действующих в рамках специальных процессуальных правил, установленных для рассмотрения данных споров. Мы полагаем, что именно так понимал административную юстицию профессор Д. М. Чечот, давший в своё время классическое определение данному правовому институту и видевший в нем

⁵ Бельский К. С. *О системе административного права.* С. 7.

⁶ Стариков Ю. Н. *О новом понимании административной юстиции.* С. 113.

⁷ Салищева Н. Г., Хананева Н. Ю. *Административная юстиция, административное судопроизводство.* С. 5.

«порядок рассмотрения и разрешения в судебной процессуальной форме споров, возникающих в сфере государственного управления между гражданами и юридическими лицами, с одной стороны, и административными органами – с другой, осуществляемый юрисдикционными органами, специально созданными для разрешения правовых споров».⁸

В последние годы по вопросам административной юстиции как форме разрешения конфликтов, возникающих в связи с правовой оценкой актов и действий органов (должностных лиц) публичной власти, опубликовано множество монографий, статей, защищен ряд диссертаций. Однако необходимо признать, что до сих пор в научном сообществе так и не сформировался единый концептуальный подход к законодательному оформлению данного правового института.

Некоторые ученые отрицают процессуальную самостоятельность дел, возникающих по поводу административно-правовых отношений, и полагают, что никаких существенных различий между судопроизводством по данным делам и исковым производством нет. В качестве общих, объединяющих признаков дел искового производства и дел, возникающих из административно-правовых отношений, ими называется наличие спора о праве и сторон с противоположными интересами, в силу чего общие правила гражданского судопроизводства вполне подходят также и для разрешения дел публично-правового характера.⁹ На первый взгляд, все так и обстоит. Однако практика рассмотрения и разрешения гражданско-правовых споров и споров, возникающих из публично-правовых отношений, показывает, что различий и процессуальных особенностей больше, чем сходства. Совершенно правильным в этой связи представляется мнение заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Жуйкова о том, что наиболее крупной проблемой гражданского процесса является «... проблема особенностей производства по делам, возникающим из публично-правовых отношений».¹⁰

Действительно, исковое производство предназначено и гарантирует справедливое разрешение гражданско-правовых исков, суть которых в том, что предмет судебного разбирательства является спор о праве между равноправными и независимыми субъектами гражданско-правовых отношений, что и предопределяет важнейшие принципы гражданского процесса – состязательность и диспозитивность. В производстве же по делам об административно-правовых

⁸ Чечот Д. М. *Административная юстиция*. С. 31.

⁹ Масленников М. Я. *Административная юстиция и административное судопроизводство*. С. 17; *Гражданское процессуальное право России*. С. 223.

¹⁰ Жуйков В. М. *Некоторые проблемы гражданского процессуального права и судебная практика*. С. 204.

отношениях предметом судебного разбирательства являются споры о праве между неравноправными субъектами правоотношений, одним из которых всегда является орган (должностное лицо) публичной власти. Как следствие этого, в рамках данного производства суд, разрешая публично-правовой спор, одновременно осуществляет судебный контроль за законностью действий властных структур по отношению к человеку. А потому, как справедливо отмечено в литературе, притязания человека к должностному лицу, т. е. спор о правах и обязанностях, не должен разрешаться в традиционных формах искового судопроизводства, рассчитанных на защиту прав участников регулируемого гражданским законодательством товарно-денежного оборота.¹¹ Данное обстоятельство дало основание отдельным авторам утверждать, что такие споры, в силу особенностей материально-правовых отношений, имеют специфический характер, особое положение его субъектов, специфические средства и способы защиты, что, в свою очередь, обуславливает необходимость специального нормативно-правового регулирования процедуры их рассмотрения.¹²

Вопрос о принятии специального акта, который бы регулировал производство по делам об административно-правовых отношениях, ставился учеными давно. При этом точки зрения о месте и содержании норм, регламентирующих данное производство, представлены в юридической науке весьма неоднозначно.

Так, Г. Л. Осокина еще в 1990 году предлагала по мере становления административно-процессуальной отрасли права исключить из ГПК главу, регулиующую производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений, и на ее базе создать Административно-процессуальный кодекс.¹³ Другие авторы идут еще дальше и предлагают курс на формирование полноценной административной юстиции, которая и будет осуществлять производство из административно-правовых отношений. В этих целях, с их точки зрения, необходимо разработать и принять закон о системе органов административной юстиции и кодекс административного судопроизводства.¹⁴ Высказываются, правда, и другие, менее радикальные, взгляды на место административного судопроизводства в судебной системе. Так, В. А. Туманов, не отрицая специфического характера производства из административно-правовых отношений, предлагает административное судопроизводство развивать не путем формирования самостоятельной

¹¹ Кивель В. *Защита конституционных прав личности при осуществлении административного судопроизводства.* С. 25.

¹² Салищева Н. Г., Хаманева Н. Ю. *Административная юстиция, административное судопроизводство.* С. 5.

¹³ Попова Ю. А. *Административное судопроизводство...* С. 15.

¹⁴ Тихомиров Ю. А. *Административное судопроизводство в России.* С. 37;

Хаманева Н. Ю. *Теоретические проблемы административно-правового спора.* С. 35;

Князев С. Д. *Принципы административного права Российской Федерации.* С. 45.

системы административных судов, а путем создания в областных, а так же в Верховном Суде специализированных административных палат.¹⁵

Справедливости ради необходимо отметить, что отдельные авторы считают целесообразным сохранение в ГПК главы, регламентирующей производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений, чего, по их мнению, вполне достаточно для справедливого разрешения публично-правовых споров.¹⁶

Таким образом, по мнению большинства авторов, естественным направлением реализации законодательного положения о формировании сильной судебной власти как гаранта прав и свобод человека и гражданина было бы учреждение в ее структуре действующей по специальным процессуальным правилам самостоятельной системы административных судов. Претворение в жизнь данного предложения в Республике Беларусь полностью соответствовало бы конституционному принципу построения судебной системы, закрепленному ч. 2 ст. 109 Конституции нашего государства – принципу специализации, явилось бы практической реализацией законодательного положения об осуществлении правосудия посредством административного судопроизводства (ч. 3 ст. 4 Кодекса о судостроительстве и статусе судей).

Положительное решение сформулированного выше предложения неизбежно поставит вопрос о модели построения административной юстиции. В литературе на этот счет высказаны различные точки зрения, которые, однако, могут быть сведены к следующим вариантам формирования системы административных судов. Первый из них предполагает выделение в системе судов общей юрисдикции всех уровней специализированных коллегий (палат) для рассмотрения административных споров (в рамках районного суда, где затруднительно формирование коллегий по административным спорам, возможна специализация судей по административным делам).¹⁷ Второй подход предусматривает формирование таких коллегий (палат) на уровне районных (городских) судов и создание самостоятельных административных судов на уровне областей, а также учреждение Высшего Административного Суда, наделенных функцией рассматривать кассационные жалобы и правом разрешать некоторые категории дел по первой инстанции.¹⁸ По мнению В. И. Радченко, административную юстицию следует учреждать путем формирования на районном уровне специализированных

¹⁵ *Совершенствование правосудия в России. С. 16.*

¹⁶ *Чечина Н. А. Рассмотрение судами дел, возникающих из административно-правовых отношений. С. 117;*

Масленников М. Я. Административная юстиция и административное судопроизводство. С. 17.

¹⁷ *Бахрах Д. Н. Нужна специализация судей, а не судов. С. 10-11.*

¹⁸ *Хаманева Н. Ю. Защита прав и свобод граждан в сфере исполнительной власти в Российской Федерации. С. 37.*

¹⁹ Радченко В. И. Судебная реформа в Российской Федерации. С. 59.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЮСТИЦИЯ КАК СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ ЗВЕНО СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ДОЛЖНА УЧРЕЖДАТЬСЯ ПУТЕМ СОЗДАНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ДВУХУРОВНЕВОЙ СУДЕБНОЙ СТРУКТУРЫ, НЕЗАВИСИМОЙ КАК ОТ ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ, ТАК И ОТ ИНЫХ СУДЕБНЫХ СТРУКТУР

административных судов с выделением судебных коллегий по административным делам в судах общей юрисдикции на областном уровне, а так же в составе Верховного Суда.¹⁹ Безусловно, учреждение административной юстиции в любом из указанных вариантов будет означать качественный шаг вперед по пути реформирования судебной системы. Но, если мы действительно желаем формирования самостоятельной и независимой судебной власти как гаранта прав и свобод человека, этого недостаточно. С нашей точки зрения, административная юстиция как специализированное звено судебной системы должна учреждаться путем создания самостоятельной двухуровневой судебной структуры, независимой как от органов законодательной и исполнительной власти, так и от иных судебных структур. При этом считаем принци-

пиально важным обеспечить несовпадение территории административно-территориальных образований с территориальной подсудностью окружных (межрайонных) административных судов как первого звена административной юстиции. И хотя реализация данного положения имеет свои негативные последствия, проявляющиеся, например, в отдалении правосудия от населения, обеспечение независимости судебной власти заставляет пойти на подобные издержки. В литературе не единожды указывалось на зависимость судов низшего звена от местных органов публичной администрации.

И если при разрешении гражданско-правовых споров это не является серьезной проблемой, то в делах публично-правового характера данное обстоятельство приобретает существенное значение. Вторым звеном административной юстиции должен стать Высший Административный Суд, который будет действовать и как суд второй инстанции, и как суд, рассматривающий отдельные категории дел по существу.

Формирование полноценного института административной юстиции невозможно без законодательного оформления процедуры административного судопроизводства. По мнению большинства авторов, такой формой должен стать Кодекс об административном судопроизводстве (Административный процессуальный кодекс), в котором и следует закрепить процессуальные правила деятельности органов административной юстиции. При этом следует отметить, что среди специалистов нет единства во взглядах на концепцию такого

законодательного акта. Так, одни авторы полагают, что закон об административном судопроизводстве должен отличаться от традиционной модели процессуального кодекса, так как во многом правила административного производства будут совпадать с гражданским процессом, и поэтому в данном законе следует закрепить лишь «специфику» административного процесса, отличающую его от других форм правосудия. Общие же с гражданским процессом процедуры должны быть изложены лишь в самом общем виде с ссылкой к ГПК.²⁰ С точки зрения других авторов, в законе следует выделить Общую часть, в которой должны быть закреплены основные понятия и принципы административного судопроизводства, предметная и территориальная подсудность дел, система судебных инстанций, правовой статус участников производства и тому подобные общие вопросы, и Особенную часть, где следует изложить особенности рассмотрения отдельных категорий дел – избирательные, налоговые, таможенные и т. п. споры, дел об оспаривании законности актов органов (должностных лиц) публичной власти и т. д.²¹ Вторая точка зрения нам представляется более убедительной, поскольку лишь при таком подходе можно оформить специфический характер административного судопроизводства. Принятие такого законодательного акта позволит закрепить специальную процедуру разрешения публично-правовых споров, обусловленную их материально-правовой природой, среди особенностей которой в литературе называется следующее:²²

- а) облегченный доступ гражданина к правосудию путем установления специальных сроков обращения в суд, порядка подготовки дела к рассмотрению и самого рассмотрения дела;
- б) оказание помощи гражданину в составлении обращения в суд;
- в) «следственную» роль суда, имея в виду возможность истребования необходимых доказательств и документов, которые недоступны гражданину, осуществление судом иных мер по собственной инициативе;
- г) возложение бремени доказывания на орган администрации, поскольку процессуальное положение сторон в публично-правовом споре должно компенсировать определенное неравенство в положении субъектов публичного права;
- д) обеспечение справедливого разрешения возникшего публично-правового спора и оперативного исполнения судебного решения.

²⁰ Диков Г. В. *Проблемы создания системы административной юстиции в России.* С. 33.

²¹ Салищева Н. Г., Хаманева Н. Ю. *Административная юстиция, административное судопроизводство.* С. 8;

Демин А. А. *Понятие административного процесса и кодификация административно-процессуального законодательства.* С. 11.

²² *Судебная власть.* С. 712.

В данной статье нами никоим образом не ставилась задача выработки некой концепции административного судопроизводства. За рамками данной работы остались многие сложные проблемы (например, вопрос о том, как «впишутся» административные суды в существующую судебную систему, вопрос о предмете обжалования, вопрос о том, кто может возбудить процедуру административного производства, вопрос о порядке пересмотра вынесенных решений), являющиеся предметом специального юридического исследования. Мы постарались лишь поднять проблему, осветить некоторые вопросы создания административной юстиции, обратить внимание заинтересованных лиц на назревшую необходимость формирования нормативной базы для осуществления данной формы судопроизводства, что, с нашей точки зрения, стало бы еще одним шагом на пути к окончательному построению демократического правового государства.

Список использованных источников

1. Судебные системы западных государств / Отв. ред. В. А. Туманов. – М., 1991.
2. Ржевский, В. А., Чепурнова, Н. М. Судебная власть в Российской Федерации / В. А. Ржевский, Н. М. Чепурнова. – М., 1998.
3. Совершенствование правосудия в России. Интервью главного редактора журнала с В. А. Тумановым // Государство и право. – 1998. – № 12.
4. Бельский, К. С. О системе административного права / К. С. Бельский // Государство и право. – 1998. – № 3.
5. Стариков, Ю. Н. О новом понимании административной юстиции / Ю. Н. Стариков // Правоведение. – 2000. – № 2.
6. Салищева, Н. Г., Хаманева, Н. Ю. Административная юстиция, административное судопроизводство / Н. Г. Салищева, Н. Ю. Хаманева // Государство и право. – 2002. – № 1.
7. Чечот, Д. М. Административная юстиция (теоретические проблемы) / Д. М. Чечот. – Л., 1973.
8. Масленников, М. Я. Административная юстиция и административное судопроизводство: соотношение с административным процессом, процессуально-правовая регламентация, перспективы развития / М. Я. Масленников // Государство и право. – 2002. – № 9.
9. Гражданское процессуальное право России: Учебник / Под ред. М. С. Шакарян. – М., 1996.
10. Жуйков, В. М. Некоторые проблемы гражданского процессуального права и судебная практика / В. М. Жуйков // Государство и право на рубеже веков. – М., 2001.
11. Кивель, В. Защита конституционных прав личности при осуществлении административного судопроизводства / В. Кивель // Судовы веснік. – 2006. – № 4.

-
12. Попова, Ю. А. Административное судопроизводство в системе судов общей юрисдикции / Ю. А. Попова // Государство и право. – 2002. – № 5.
 13. Тихомиров, Ю. А. Административное судопроизводство в России: перспективы развития / Ю. А. Тихомиров // Российская юстиция. – 1998. – № 8.
 14. Хаманева, Н. Ю. Теоретические проблемы административно-правового спора / Н. Ю. Хаманева // Государство и право. – 1998. – № 12.
 15. Князев, С. Д. Принципы административного права Российской Федерации: отраслевой формат и юридическое значение / С. Д. Князев // Государство и право. – 2003. – № 10.
 16. Чечина, Н. А. Рассмотрение судами дел, возникающих из административно-правовых отношений (К проекту ГПК РФ) / Н. А. Чечина // Правоведение. – 1994. – № 5.
 17. Бахрах, Д. Н. Нужна специализация судей, а не судов / Д. Н. Бахрах // Российская юстиция. – 2003. – № 2.
 18. Хаманева, Н. Ю. Защита прав и свобод граждан в сфере исполнительной власти в Российской Федерации: автореф. дисс.... докт. юрид. наук / Н. Ю. Хаманева. – М., 1997.
 19. Радченко, В. И. Судебная реформа в Российской Федерации: некоторые теоретические и практические проблемы. Дисс.... канд. юрид. наук (в форме научного доклада) / В. И. Радченко. – М., 1999.
 20. Диков, Г. В. Проблемы создания системы административной юстиции в России (в свете зарубежного опыта) / Г. В. Диков // Государство и право. – 2001. – № 5.
 21. Демин, А. А. Понятие административного процесса и кодификация административно-процессуального законодательства / А. А. Демин // Государство и право. – 2000. – № 11.
 22. Судебная власть / Под ред. И. Л. Петрухина. – М., 2003.

Дата поступления в редакцию 18.05.2009.

Т. А. Сигаева

ЗАЩИТА ПРАВ В ДЕЛАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ДОГОВОРОВ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ

Сигаева Тацяна Адамаўна – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт кафедры міжнароднага эканамічнага права факультэта права УА «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт». Сфера навуковых інтарэсаў – гаспадарчае права і гаспадарчае працэсуальнае права. Мае шэраг публікацый па дадзенай тэматыцы.

Защита прав является одним из основных межотраслевых институтов права. Его проблемы исследовались в трудах В. П. Вершинина «Выбор способа защиты гражданских прав», В. П. Грибанова «Осуществление и защита гражданских прав», В. М. Жуйкова «Судебная защита прав граждан и юридических лиц», В. С. Каменкова «Защита интересов юридических лиц и граждан в хозяйственном (арбитражном) процессе», А. Н. Кожухаря «Право на судебную защиту в исковом производстве» и других. Между тем данные работы имеют общий теоретико-прикладной характер. Вопросы защиты прав в делах, возникающих из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом, в них не рассматриваются. Только отдельные аспекты нашли отражение в трудах М. К. Александрова-Дольника, М. И. Брагинского, Н. П. Бурсы, В. Б. Ляндреса, В. А. Егиазарова, В. П. Мороза, А. М. Нехороших и некоторых других. Однако большинство данных работ было написано в эпоху СССР, поэтому многие их положения сегодня утратили свою актуальность. Отсюда цель данной статьи – исследовать общие положения защиты прав, возникающих из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом, а также рассмотреть проблему применения надлежащего способа защиты.

В условиях формирования социально ориентированной рыночной экономики все большую значимость приобретает защита прав и охраняемых законом интересов граждан в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической)

деятельности. Транспортная деятельность является её важнейшим видом. Особое значение она имеет для Республики Беларусь, расположенной на пересечении важнейших транспортных путей. Высокое экономическое значение данной деятельности обуславливает необходимость проведения мероприятий, направленных на её совершенствование, в том числе в сфере защиты прав и охраняемых законом интересов участников перевозок.

В юридической литературе встречаются различные мнения о том, что следует понимать под термином «защита».¹ Наиболее убедительной представляется идея о том, что защитой является деятельность уполномоченных лиц и органов по реализации субъективных прав и охраняемых законом интересов в случаях их нарушения или оспаривания.² В качестве предмета защиты могут выступать права и охраняемые законом интересы.

Права представляют собой юридическую форму общественных интересов. В том случае, когда право подлежит защите, одновременно с ним подвергается защите и воплощенный в нем интерес. В ситуации, когда интересы не выражены в праве, но имеют государственную и (или) общественную важность, они приобретают качество юридически значимых интересов. В отличие от интересов, опосредствованных правом, они могут выступать в качестве самостоятельного предмета защиты.

В делах, возникающих из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом, предметом защиты являются права.

Правовое регулирование отношений, возникающих в связи с нарушением или оспариванием прав или охраняемых законом интересов, выражается, в первую очередь, в декларировании права на их защиту. В научной среде нет единства в отношении его правовой квалификации. Одни ученые-правоведы – В. П. Вершинин, А. П. Сергеев, Г. А. Свердлык и Э. Л. Страунинг³ – полагают, что данное право является самостоятельным правом, появляющимся в момент нарушения или оспаривания материальных субъективных прав или законных интересов. Другие (В. В. Витрянский, В. П. Грибанов)⁴ рассматривают его как один из элементов этих прав (наряду с правомочием действовать по своему усмотрению и правомочием требовать от другой стороны соответствующего поведения). Мы исходим из самостоятельности этой правовой категории. Выбор данной позиции обусловлен тем,

¹ Кожухарь А. Н. *Право на судебную защиту в исковом производстве*. С. 6-12.

² Осипов Ю. К. *Подведомственность юридических дел*. С. 91.

³ Вершинин В. П. *Выбор способа защиты гражданских прав...* С. 44;

Гражданское право... С. 336;

Свердлык Г. А. *Защита и самозащита гражданских прав...* С. 4.

⁴ Брагинский М. И. *Договорное право*. С. 773;

Грибанов В. П. *Осуществление и защита гражданских прав*. С. 106.

что законодательство предоставляет защиту не только прав, но и охраняемых законом интересов (не опосредствованных правом). Поэтому первая точка зрения представляется более убедительной.

Право на защиту реализуется через формы, способы и средства защиты.

Под формой защиты прав и охраняемых законом интересов традиционно понимается порядок, в котором осуществляется деятельность по защите. В зависимости от природы органа (лица), осуществляющего защиту, традиционно выделяют три основных формы: судебную, административную и самозащиту.

ПРАВА, ВОЗНИКАЮЩИЕ ИЗ ДОГОВОРОВ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ, МОГУТ ЗАЩИЩАТЬСЯ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ, А ТАКЖЕ В ФОРМЕ САМОЗАЩИТЫ

Права, возникающие из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом, могут защищаться в судебном порядке, а также в форме самозащиты.

Судебная форма является универсальной. Право на судебную защиту закреплено ст. 60 Конституции Республики Беларусь. В соответствии с ней, каждому гарантируется защита его прав и свобод

компетентным, независимым и беспристрастным судом. Любое требование о защите права или охраняемого законом интереса, предъявленное в установленном порядке, подлежит рассмотрению и разрешению в органах правосудия.

Самозащита представляет собой порядок, в котором действия направленные на защиту прав и охраняемых законом интересов, осуществляются участниками правовых отношений самостоятельно. Распространенной разновидностью самозащиты является претензионный порядок урегулирования споров, обязательность соблюдения которого может вытекать из законодательства или договора. Исходя из ст. 751 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК); ст. 46 Закона Республики Беларусь от 6 января 1999 года «О железнодорожном транспорте»; пп. 136-143 Устава железнодорожного транспорта общего пользования, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь 2 августа 1999 года № 1196 (далее – УЖТ), дела, возникающие из перевозок грузов, предварительно (до суда) должны рассматриваться в претензионном порядке урегулирования споров.

Административная форма не характерна для защиты прав, возникающих из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом. Это обусловлено тем обстоятельством, что, исходя из п. 2 ст. 10 ГК, защита гражданских прав в данном

порядке может осуществляться лишь в случаях, специально предусмотренных законодательством.

Право на защиту конкретизируется в законодательстве посредством регламентации прав на осуществление способов защиты. В юридической литературе встречаются различные термины определения способов защиты прав.⁵ В данном вопросе мы солидарны с утверждением В. П. Вершинина, сделавшим вывод о том, что способы защиты – это действия, «... которые непосредственно направлены на устранение препятствий на пути осуществления прав субъектами».⁶ Это определение соответствует этимологическому толкованию слова «способ», под которым понимается действие или система действий, применяемых при исполнении какой-либо работы, при осуществлении чего-нибудь,⁷ а также правовому (чтобы защитить нарушенное право, управомоченному лицу действительно необходимо осуществить действия или систему действий по его защите).

Юридическая сущность договора обуславливает, по общему правилу, широкое усмотрение участниками выбора действий по защите права, основанное на принципах диспозитивности договора, а также эффективности защиты; избрание конкретного способа защиты формируется по общему критерию соответствия способа защиты правовой сущности нарушенного права, а также характеру и степени нарушения. Особенностью выбора способа защиты прав, возникающих из договора перевозки груза железнодорожным транспортом, является то, что действие принципов здесь сведено до минимума. В основном учитывается вышеуказанный критерий, причем огромная роль отводится соответствию действия, направленного на защиту права, характеру нарушения. Последствия нарушения прав, возникающих из договора перевозки груза железнодорожным транспортом, таковы, что применительно к судебной форме защиты требуют использования в основном компенсационных способов, являющихся по своей правовой природе, за редким исключением, мерами ответственности. Исходя из п. 109 УЖТ, осуществление таких действий по защите допустимо только на основании и в пределах, предусмотренных законодательством. Если нормативными правовыми актами не предусмотрены меры ответственности, то для защиты нарушенных прав используются любые иные способы, по своей

⁵ Брагинский М. И. *Договорное право*. С. 776;

Вершинин В. П. *Выбор способа защиты гражданских прав...* С. 32.

⁶ Вершинин В. П. *Выбор способа защиты гражданских прав...* С. 32.

⁷ Ожегов С. И. *Словарь русского языка...* С. 755.

ПОСЛЕДСТВИЯ НАРУШЕНИЯ ПРАВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ДОГОВОРА ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ, ТАКОВЫ, ЧТО ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СУДЕБНОЙ ФОРМЕ ЗАЩИТЫ ТРЕБУЮТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ОСНОВНОМ КОМПЕНСАЦИОННЫХ СПОСОБОВ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ПО СВОЕЙ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ, ЗА РЕДКИМ ИСКЛЮЧЕНИЕМ, МЕРАМИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

⁸ Брагинский М. И.
Договорное право.
С. 472.

правовой природе не являющиеся мерами ответственности. Это обусловлено тем, что установленная п. 116 УЖТ ограниченная ответственность в виде возмещения реального ущерба за неисполнение перевозчиком обязанности по обеспечению сохранности перевозимого груза распространяется не только на данное нарушение, а, исходя из ст. 371 ГК, в целом на все нарушения, которые могут следовать из договора перевозки груза железнодорожным транспортом.⁸ Выбор способа защиты права в таких случаях формируется по общему критерию соответствия способа защиты правовой сущности нарушенного права, а также характеру и степени нарушения.

На основании вышеизложенного можно выделить следующие действия по защите прав, входящих в содержание договора перевозки груза железнодорожным транспортом, применительно к судебной форме.

Правовая природа права на доставку (транспортировку) груза в случае его нарушения обуславливает необходимость использования способа защиты в виде присуждения к исполнению обязанности в натуре. Правовые конфликты, основанием возникновения которых явилось бы неосуществление доставки, требующее применения рассматриваемого способа защиты, теоретически возможны, но не имеют места в судебной практике. Во-первых, образованию споров препятствует реальный характер договора: в случае возникновения обстоятельств, препятствующих перевозке, об этом становится известно на стадиях подачи транспортных средств и предъявления груза к перевозке, погрузки. Во-вторых, исполнив организационные обязательства, перевозчику становится невыгоден непроизводительный простой вагонов, нежелательны технические затруднения на железнодорожной станции или на подъездных путях, которые он может повлечь, а грузоотправителю – реальное восстановление нарушенного права таким способом защиты только через несколько месяцев после обращения в суд.

Не влечет правовых конфликтов невыполнение требований грузоотправителя о переадресации груза, поскольку их удовлетворение в соответствии с п. 53 УЖТ является правом, а не обязанностью перевозчика.

За нарушение права по доставке груза в предусмотренные законодательством или соглашением сторон сроки п. 118 УЖТ предусмотрено взыскание неустойки.

Большинство ученых-правоведов, анализируя неустойку, установленную за просрочку доставки груза, не раз отмечали в своих трудах, что она носит исключительный характер.

Между тем Т. Е. Абова пришла к противоположному выводу. Так, она пишет: «Установленная... неустойка не является исключительной. Она не освобождает железную дорогу... от вызванных просрочкой убытков в размере, установленном ст. 796 ГК РФ».⁹ На наш взгляд, эта точка зрения не выдерживает критических доводов, приведенных В. В. Витрянским. Статья 796 ГК РФ регулирует ответственность перевозчика за несохранную перевозку груза. Здесь «... речь идет о двух различных нарушениях разных условий договора перевозки груза: несоблюдении установленного срока доставки груза и необеспечении сохранности перевозимого груза, – за нарушение которых... применяются... различные меры ответственности... Данное обстоятельство никак не влияет на исключительный характер неустойки...» – пишет ученый. Также В. В. Витрянский указывает следующее: «Подтверждением... могут служить любые другие случаи, когда просрочка в доставке груза не повлекла его повреждения (порчи). При таких условиях грузополучателю придется ограничиться лишь взысканием... пени... даже в том случае, если он понес убытки, вызванные его несвоевременной доставкой, например, по причине изменения цен на соответствующие материальные ценности».¹⁰

В связи с нарушением права на доставку груза в срок, предусмотренный законодательством или соглашением сторон, споры возникают редко. Это обусловлено в большинстве случаев незначительной суммой неустойки и нежеланием грузовладельцев портить отношения с перевозчиком-монополистом.

Достаточно просто решается вопрос о выборе способа защиты права на обеспечение сохранности перевозимого груза. В соответствии с п. 116 УЖТ им является возмещение убытков в виде реального ущерба. Споры, возникающие вследствие нарушения данного права, являются самыми распространенными в судебной практике в рамках рассматриваемой категории дел.

Аналогично, как и в случае выбора действий по защите права на доставку груза, решается вопрос о выборе способа защиты в случае неисполнения (ненадлежащего исполнения) перевозчиком договорной обязанности по выдаче груза. Этот этап перевозки включает в себя два обязательных действия: раскредитование перевозочных документов и его выгрузку (подачу вагонов

⁹ Комментарий к Транспортному уставу железных дорог Российской Федерации (постатейный). С. 222.

¹⁰ Брагинский М. И. Договорное право. С. 475.

В СВЯЗИ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВА НА ДОСТАВКУ ГРУЗА В СРОК, ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ИЛИ СОГЛАШЕНИЕМ СТОРОН, СПОРЫ ВОЗНИКАЮТ РЕДКО. ЭТО ОБУСЛОВЛЕНО В БОЛЬШИНСТВЕ СЛУЧАЕВ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СУММОЙ НЕУСТОЙКИ И НЕЖЕЛАНИЕМ ГРУЗОВЛАДЕЛЬЦЕВ ПОРТИТЬ ОТНОШЕНИЯ С ПЕРЕВОЗЧИКОМ-МОНОПОЛИСТОМ

под выгрузку). Однако правовая природа нарушенного права, как и в предыдущем случае, вызывает необходимость использования способа защиты в виде присуждения к исполнению обязанности в натуре. Тем не менее подобные правовые конфликты в судебной практике не актуальны. Это объясняется отсутствием интереса перевозчика, поскольку он заинтересован в производстве окончательного расчета и своевременной выгрузке (подаче вагонов под выгрузку), ибо в противном случае он несет бремя неблагоприятных правовых, экономических, технических и технологических последствий.

Правовая сущность права на оплату перевозки в зависимости от степени нарушения (полная неоплата, частичная неоплата, оплата с просрочкой) вызывает необходимость использования способов защиты в виде присуждения к исполнению обязанности в натуре и (или) взимания процентов за пользование чужими денежными средствами. Исходя из принципа эффективности защиты, оптимальным вариантом является сочетание одновременно двух способов. Но, поскольку участники договора самостоятельны и свободны в выборе, они вправе использовать как один из них, так и несколько способов. Говоря о правовых конфликтах, возникших вследствие неоплаты грузоотправителем перевозки груза, следует отметить, что их разрешение в судебной форме не распространено на практике. Дело в том, что исполнение грузоотправителем обязанности по внесению оплаты осуществляется в предварительной форме и обеспечивается правом перевозчика прекратить прием груза. По своей правовой природе указанное право является оперативным способом защиты. Его осуществление позволяет эффективно разрешать правовые споры в форме самозащиты. Исключения составляют случаи, когда соглашением сторон установлен иной порядок расчетов, а также ситуации, когда перевозка груза осуществлена перевозчиком, несмотря на отсутствие оплаты со стороны грузоотправителя.

Рассмотренные выше способы защиты могут использоваться в случае нарушения соответствующих прав, возникающих из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом, и в претензионном порядке.

Для достижения и реализации действий, направленных на защиту права, законодательство предусматривает определенные средства защиты. В строгом смысле средство защиты – это соответствующее притязание (требование, право требования) или конкретное действие посредством волеизъявления (заявления) заинтересованного лица о необходимости

осуществления мер защиты.¹¹ Традиционно к ним относятся иск, жалоба и заявление. Поскольку дела, возникающие из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом, в сущности, являются спорами о праве (гражданском), то средствами их защиты в претензионной форме является заявление (претензия), в судебной – иск.

Выводы. Защита прав в делах, возникающих из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом, может осуществляться в судебной форме и форме самозащиты. Способы защиты в судебном порядке являются права на транспортировку груза – понуждение к исполнению обязанности в натуре; права на обеспечение сохранности груза – возмещение убытков; права на соблюдение сроков доставки – взыскание неустойки; права на выдачу груза – присуждение к исполнению обязанности в натуре; права на оплату – понуждение к исполнению обязанности в натуре (и, или) взимание процентов за пользование чужими денежными средствами. Средствами защиты выступают в претензионной форме заявление (претензия), в судебной – иск.

¹¹ Вершинин В. П. Выбор способа защиты гражданских прав... С. 35.

Список использованных источников

1. Брагинский, М. И. Договорное право / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 2-е изд. – М.: Статут, 2002. – Кн. 1: Общие положения. – 841 с.
2. Брагинский, М. И. Договорное право / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: Статут, 2003. – Кн. 4: Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. – 910 с.
3. Вершинин, В. П. Выбор способа защиты гражданских прав: учеб.-практ. пособие / В. П. Вершинин. – СПб., 2000. – 382 с.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.07.2008 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
5. Гражданское право: учебник: в 2 т. // редкол.: Н. Д. Егоров [и др.]; под ред.: А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М.: ТК «Велби», 2002. – Т. 1. – 776 с.
6. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М.: Статут, 2001. – 411 с.
7. Кожухарь, А. Н. Право на судебную защиту в исковом производстве / А. Н. Кожухарь. – Кишинев: Штиинца, 1989. – 140 с.
8. Комментарий к Транспортному уставу железных дорог Российской Федерации (постатейный) / редкол.: Т. Е. Абова [и др.]. – М.: Контракт, 1998. – 304 с.
9. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.
10. О железнодорожном транспорте: Закон Респ. Беларусь, 6 янв. 1999 г., № 237-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2007 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
11. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 22-е изд. – М.: Рус. яз., 1990. – 921 с.
12. Осипов, Ю. К. Подведомственность юридических дел / Ю. К. Осипов. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1973. – 124 с.
13. Свердлык, Г. А. Защита и самозащита гражданских прав: учеб. пособие / Г. А. Свердлык, Э. Л. Страунинг. – М.: Лекс-Книга, 2002. – 208 с.
14. Устав железнодорожного транспорта общего пользования: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 авг. 1999 г., № 1196 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр»; Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.

Дата поступления в редакцию 18.02.2009.

С. И. Новикова

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УЧЕБНО- ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Исследование роли и значения социального и человеческого капитала в трансформационных процессах на постсоветском пространстве в последнее время стало актуальной задачей. Человеческий капитал – одна из форм социального капитала. Эта категория была введена в научный оборот неоклассической экономической теорией. И понимается как совокупность приобретенных профессиональных знаний, умений и навыков, результатов образования и повышения квалификации. Они – потенциальные источники доходов: в виде заработной платы, процента или прибыли. Человеческий капитал – атрибут отдельного индивида, который не может быть быстро передан от одного субъекта другому. Он непосредственно связан с социально-профессиональной структурой, которая дифференцирует субъекты по профессиональным и квалификационным признакам.

Специфические свойства социального капитала в том, что его совокупное количество в обществе не является суммой социальных капиталов всех его субъектов. Проведенное белорусскими экономистами из Института экономики НАН Беларуси исследование дает оценку состояния социального капитала в стране и показывает направления расширения его участия в приросте валового внутреннего продукта. На этом пути, считают ученые, необходимо пройти несколько взаимосвязанных, а часто и параллельных этапов.

Во-первых, необходимо законодательно закрепить за экономическими субъектами такие функции, которые бы содействовали движению к социально ориентированной экономической

*Новікава Святлана
Іванаўна – выкладчык
кафедры паліталогіі
і права БДПУ імя
М. Танка. Спецыялі-
зуецца ў галіне права-
знаўства.*

НЕСМОТРИ НА ТО, ЧТО ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЬШЕ, В СТРАНЕ НЕДОСТАЕТ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ РАБОЧИХ КАДРОВ

системе. Во-вторых, как и в других трансформируемых экономических системах, за государством сохраняется ведущая роль в согласовании экономических интересов социальных субъектов. В-третьих, Республика Беларусь на пути к социально ориентированной экономике в ближайшие годы должна преодолеть факторы, которые негативно влияют на накопление человеческого и социального капитала, чтобы перераспределить средства бюджета в пользу науки и образования; увеличить количество работников, занятых в науке и научном обслуживании; повысить квалификационный уровень педагогов и ученых; преодолеть дискредитацию фундаментальной науки и ликвидировать недостаток промышленных рабочих высокой квалификации.

В нашей республике, объявившей переход к инновационной экономике, чрезвычайно актуально противопоставить быстрому моральному износу качества рабочей силы динамичное развитие человеческих ресурсов, определить место человеческого и социального капитала в инновационном развитии страны, уделить пристальное внимание сферам образования и науки.

Мы сегодня наблюдаем стремление молодежи получить высшее, среднее специальное образование. Несмотря на то, что образованных людей становится все больше, в стране недостает квалифицированных рабочих кадров.

Система профтехобразования отстает от потребностей производства. Впечатляют сведения, приведенные исследователем трудовых отношений Э. Чипинским в одном из последних номеров журнала «Кадровая служба»: подготовка квалифицированных рабочих в системе профессионально-технического образования ведется только по 500 профессиям из 4660, что составляет только 17% от общей потребности.¹ Поэтому понятно, насколько важно совмещение работы с учебной, учебно-трудовые отношения.

Изменения, внесенные в Трудовой кодекс Республики Беларусь, предусматривают совершенствование сферы подготовки, повышения квалификации и переподготовки специалистов. А это и есть забота о развитии человеческих ресурсов. В содержании главы 15 Трудового кодекса «Совмещение работы с обучением» эта тенденция реализуется через правовое регулирование обучения работников на вечерних и заочных формах образования, повышения квалификации, переподготовки, подготовки кадров непосредственно у нанимателя. А значит,

¹ Чипинский Э. Е. *Остаться – значит сделать шаг назад.* С. 14.

речь идет об актуализации учебно-трудовых отношений как с точки зрения научного исследования, так и практического совершенствования. Этого требует инновационная политика белорусского государства.

Постоянное развитие человеческих ресурсов, прежде всего, через совершенствование сферы профессиональной подготовки, повышение квалификации и переподготовки – одна из целей обновленного трудового законодательства Республики Беларусь, вступившего в силу в январе нынешнего года.

В Трудовом кодексе (п. 1 ч. 1 ст. 4) имеется формулировка, которая устанавливает, что отношения, связанные с профессиональной подготовкой работников на производстве, регулирует этот Кодекс. Таким образом, учебно-трудовые отношения входят в предмет трудового права и являются одним из важнейших его институтов.

При дефиците рабочих кадров большое значение приобретает их подготовка непосредственно у нанимателя, как изначальная – для лиц, не имеющих профессии (специальности), так и переподготовка работающих на производстве по новым профессиям (специальностям). Обе формы свидетельствуют о складывающихся учебно-трудовых отношениях, которые должны регулироваться учебно-трудовым договором. Считаю своевременным и аргументированным в этом плане мнение председателя общественного объединения «Сообщество трудового права», доктора юридических наук Виктора Кривого в Комментариях к главе 15 Трудового кодекса Республики Беларусь.² Приведенная им форма учебно-трудового договора и замечания по его содержательному наполнению помогут организаторам урегулировать отношения в ходе такого обучения.

Без преодоления существенных противоречий между состоянием техники (технологий) и уровнем профессионализма работников, без динамичного развития человеческих ресурсов инновационную экономику создать невозможно. Профессиональное обучение должно совершенствоваться таким образом, чтобы оно обеспечивало постоянное обновление знаний, умений и навыков.

ПРИ ДЕФИЦИТЕ РАБОЧИХ КАДРОВ БОЛЬШОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИОБРЕТАЕТ ИХ ПОДГОТОВКА НЕПОСРЕДСТВЕННО У НАНИМАТЕЛЯ, КАК ИЗНАЧАЛЬНАЯ – ДЛЯ ЛИЦ, НЕ ИМЕЮЩИХ ПРОФЕССИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТИ), ТАК И ПЕРЕПОДГОТОВКА РАБОТАЮЩИХ НА ПРОИЗВОДСТВЕ ПО НОВЫМ ПРОФЕССИЯМ (СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ)

² Кривой В.И. Работа и учеба. С. 69-84.

Список использованных источников

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь. – Минск: НЦПИ, 2007.
2. Кривой, В. И. Работа и учеба. Комментарий новейшего законодательства / В. И. Кривой. – Гомель, 2008.
3. Современные проблемы трудового права и права социального обеспечения: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск / БГУ; под ред. А. А. Войтика [и др.]. – Минск, 2006. – С. 329-332.
4. Чипинский, Э. Е. Остановиться – значит сделать шаг назад / Э. Е. Чипинский. – Кадровая служба. – 2008. – № 36.

Дата поступления в редакцию 04.03.2009.

Т. А. Замятина

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Прежде чем приступить к изложению проблемы, заявленной в названии статьи, необходимо ответить на вопрос: следует ли считать конституционными только те основы, которые прямо и текстуально закреплены Конституцией? Полагаю, что нет. Некоторые основы, хотя прямо и не закреплены в Конституции, тем не менее, органически из неё вытекают, будучи так или иначе регламентированы специальным законодательством (например, Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей). Следовательно, конституционными в широком понимании следует считать все основные положения, характеризующие судебную власть, как текстуально закреплённые в Конституции, так и с необходимостью вытекающие из её основ.

Понятие категории «конституционные основы» имеет сложную юридическую природу. В правовом аспекте она соответствует «сложности» основного закона, которая проявляется в трёх конституционных свойствах: абсолютной первичности конституционного регулирования, его полисферности и верховенстве конституции в системе законодательства.¹

При рассмотрении Конституции в социально-политическом и юридическом аспектах, закреплённые в ней основы мы можем определить так: во-первых, как базовые ценности, на которые ориентируется общество в создании и развитии правового государства; во-вторых, как основные принципы, выступающие в качестве руководящих для конкретных сторон деятельности государства; в-третьих, как конституционно-правовые нормы и институты, через которые упомянутые выше ценности и принципы получают непосредственное обоснование, закрепление и определяющее юридическое

*Замяціна Тацяна
Аляксандраўна – аспірант БП. Даследуе
пытанні тэорыі і гісторыі
падзелу ўлады і ролі
судовай улады. Мае шэраг
публікацый па азначанай
тэматыцы.*

¹ Гавриленко В. И. *Гражданское общество: понятие и конституционные основы.* С. 367.

² Румянцев О. Г. Основы конституционного строя. С. 29.

³ Лучин В. О. Реализация конституционных норм: общее и особенное. С. 39 – 52.

значение. В совокупности они образуют систему: ценности лежат в основе принципов, которые конкретизируются в институтах и нормах, что придаёт в итоге всей системе правовую значимость.²

Общая специфика конституционных основ может быть выражена в следующих чертах: 1) политико-правовой характер; 2) основополагающее, фундаментальное, обобщающее значение; 3) юридическое верховенство по отношению ко всем нормативным актам государства; 4) определённая и категоричность; 5) сжатость и концентрированность положений; 6) постоянность действия; 7) целостность; 8) устойчивость и особый порядок изменения.

Конституционные основы предстают в виде совокупностей родственных правовых норм, составляющих крупные самостоятельные государственно-правовые институты.³ Одним из таких институтов является институт судебной власти. Конституционные основы этого института имеют ряд своих особенностей:

- 1) нормы, закрепляющие правовые отношения судебной власти и характеризующие её содержание;
- 2) нормы данного института отражают выраженную направленность на защиту прав и свобод граждан;
- 3) основы организации и деятельности органов судебной власти имеют наиболее полную детализацию по сравнению с нормами, посвященными другим ветвям власти;
- 4) в Конституции наиболее полно определён правовой статус должностных лиц судебных органов – судей, чего нельзя сказать о конституционном статусе должностных лиц законо-

дательной и исполнительной власти. Тем самым законодатель ещё раз подчеркнул значимость судебной власти, необходимость её независимости.

Анализ Конституции и Кодекса Республики Беларусь «О судостроительстве и статусе судей» позволяет выделить ряд следующих конституционных основ судебной власти. В основу классификации положен характер назначения групп норм, регулирующих и закрепляющих ту или иную сторону деятельности

судебной власти. К ним относятся: 1) нормы, закрепляющие судебную власть в качестве самостоятельной ветви государственной власти; 2) нормы, предусматривающие непосредственную судебную защиту конкретных прав и свобод человека и гражданина; 3) основы, определяющие органы судебной власти, их систему и правовой статус; 4) основы, закрепляющие правовой

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ
ПРЕДСТАЮТ В ВИДЕ СОВОКУП-
НОСТЕЙ РОДСТВЕННЫХ ПРАВО-
ВЫХ НОРМ, СОСТАВЛЯЮЩИХ
КРУПНЫЕ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ
ИНСТИТУТЫ**

статус судей; 5) норма, закрепляющая формы осуществления судебной власти; 6) принципы судопроизводства. Именно в таком порядке и будет раскрыто их содержание.

Теория разделения властей получила своё яркое воплощение в Конституции Республики Беларусь 1994 года. Статья 6 Конституции установила, что государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную.

Главной составляющей принципа разделения властей является самостоятельность каждой ветви власти. В свою очередь, «самостоятельность» – понятие сложное, оно предполагает независимость субъектов каждой ветви власти, как органов, так и должностных лиц, от субъектов других ветвей власти. Эта независимость должна быть обеспечена гарантиями, закреплёнными в Конституции и законах. Применительно к судебной власти эти гарантии нашли закрепление в главе 6 Конституции, Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей.

Закрепление в основах конституционного строя положения о судебной власти, о её самостоятельности, а потому и независимости от власти законодательной и исполнительной свидетельствует не только о том, что она стала равной им, но и о том, что заложен фундамент создания правового государства, создана гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина в Республике Беларусь. «Независимый суд – это гарантия существования правового государства, к построению которого стремится наше общество».⁴

Как указывалось выше, предназначение судебной власти состоит в охране прав и свобод граждан, поскольку даже тогда, когда суд защищает конституционный строй или интересы государства, он защищает в их лице граждан этого государства.

Нельзя не согласиться с Л. Симкиным о том, что «... в основе законов лежит не столько благая воля законодателей, сколько права и свободы граждан, имеющие естественный (а не дарованный кем-либо) характер».⁵

В новой Конституции Республики Беларусь права и свободы человека и гражданина провозглашены в числе основ конституционного строя. Её содержание соответствует общепризнанному в международном праве перечню прав и свобод. В совокупности они составляют систему гражданских (личных), политических, социальных, экономических, культурных прав.

**ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ
ВЛАСТИ СОСТОИТ В ОХРАНЕ
ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН, ПОСКОЛЬКУ
ДАЖЕ ТОГДА, КОГДА
СУД ЗАЩИЩАЕТ КОНСТИТУЦИОННЫЙ
СТРОЙ ИЛИ ИНТЕРЕСЫ
ГОСУДАРСТВА, ОН ЗАЩИЩАЕТ
В ИХ ЛИЦЕ ГРАЖДАН ЭТОГО
ГОСУДАРСТВА**

⁴ Яковлев В. Ф. Суд в правовом государстве. С. 31.

⁵ Симкин Л. Закон и право, судебная реформа в прошлом и настоящем. С. 10.

В правовой теории и практике гражданские (личные) права понимаются, как свобода человека принимать решения независимые от государства. Поскольку такие категории, как преступление и наказание за него, существуют с самого начала развития человеческого общества, то право на судебную защиту возникло также очень рано.

Огромное значение для признания судебной власти как власти, которая призвана непосредственно защищать граждан, их права и свободы от произвола государства, имеют статьи 21 и 23 Конституции.

Действие этих статей связано с тем, что Конституция действует на всей территории Республики Беларусь. В статьях 21 и 23 Конституции права и свободы характеризуются как непосредственно действующие. Это означает, во-первых, правомерность действий человека при осуществлении им своих прав и свобод, установленных Конституцией.⁶

Во-вторых, данное положение указывает на то, что эти права не декларативные, реализуемые лишь при наличии закона или иного нормативного акта, а действуют независимо от того, принят ли по этому вопросу специальный закон или нет.

Однако закрепление правомерности поведения, непосредственно определяемого конституционными правами и свободами, не означает, что законы и акты, издаваемые с целью их обеспечения, не нужны.

⁶ Крылов Б. С., Михалёва Н. А. Новая Конституция суверенного государства. С. 21.

**В ИНТЕРЕСАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
ПРОВозглашён принцип равенства
всех перед законом
и судом**

Перечень прав и свобод может быть расширен, но не сокращён, равно как и полномочия, вытекающие из конкретного конституционного права. При конкретизации в законе определённого конституционного права определение вида санкций за его нарушение смысл и содержание закона должно быть строго обусловлены содержанием этого права.

В интересах защиты прав человека и гражданина провозглашён принцип равенства всех перед законом и судом, закреплённый в ст. 22 Конституции Республики Беларусь. Именно в законе конкретизируются конституционные права и свободы человека и гражданина. В связи с этим важно установление равенства перед законом общей для всех норм, определяющей свободу личности.

Основные права и свободы человека принадлежат каждому от рождения. Это вытекает и из содержания ст. 2 Конституции, провозгласившей человека, его права и свободы высшей ценностью нашего общества.

Следующей группой основ судебной власти, подлежащей рассмотрению, являются нормы Конституции Республики Беларусь, закрепляющие систему и правовой статус судебных органов.

Судебная власть является одной из трех ветвей власти, о которых говорится в ст. 6 Конституции Республики Беларусь. Основы ее конституционно-правового статуса закреплены в шестой главе Конституции, а также в Кодексе Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей и других нормативных актах.

Если законодательную власть осуществляет один орган – Парламент – и в некоторых особых случаях – Президент, то судебную власть осуществляют все судебные органы. Перед каждым из них стоит задача по охране и защите от имени Республики Беларусь прав и свобод граждан от нарушений со стороны государственных органов, должностных лиц, граждан. Судебная власть – это разновидность государственной власти, осуществляемой судами в рамках установленной законом процедуры по рассмотрению дел о конституционности нормативных актов, разрешению уголовных, гражданских, административных и иных споров.

Основой для деятельности судов является Конституция, принятые в соответствии с ней нормативные акты, а также судебные прецеденты (в Республике Беларусь прецедентное право многими не признается).

Неразрывно с понятием правосудия связана и идея о том, что оно осуществляется только судом, который является специально созданным для этой деятельности органом. Никакой иной орган не может осуществлять судебную функцию. Закрепление этого принципа на конституционном уровне создало гарантию от произвола власти в отношении граждан (ст. 2 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей). И в то же время данное положение имеет принципиальное значение для решения вопроса о полномочиях, непосредственной целевой направленности и размежевании сфер деятельности органов белорусского государства. Это положение полно глубокого политического и собственно правового значения, поскольку оно не допускает создания каких-либо особенных и чрезвычайных судов, формируемых или действующих на иных началах, чем все другие суды. Это обстоятельство специально

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ – ЭТО РАЗНОВИДНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМАЯ СУДАМИ В РАМКАХ УСТАНОВЛЕННОЙ ЗАКОНОМ ПРОЦЕДУРЫ ПО РАССМОТРЕНИЮ ДЕЛ О КОНСТИТУЦИОННОСТИ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ, РАЗРЕШЕНИЮ УГОЛОВНЫХ, ГРАЖДАНСКИХ, АДМИНИСТРАТИВНЫХ И ИНЫХ СПОРОВ

подчёркнуто в ст. 109 Конституции Республики Беларусь. Эта статья даёт возможность любому гражданину твёрдо и точно знать, какие органы государства правомочны осуществлять правосудие и в какой именно суд ему следует обратиться в случае необходимости.

В судебную систему Республики Беларусь входят: Конституционный Суд, общие суды (во главе подсистемы находится Верховный Суд), хозяйственные суды (во главе – Высший Хозяйственный Суд). Судостроительство определяется законом, при этом Конституция исключает образование чрезвычайных судов.

Роль судебной власти состоит в том, чтобы в связи с возникновением юридического конфликта обеспечить верховенство права, выраженного в общепризнанных принципах международного права, Конституции, законах, международных договорах Республики Беларусь, иных актах общегосударственного и иного уровня.

ИТОГОМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ ЯВЛЯЕТСЯ ЗАМЕНА ИДЕИ НАСИЛИЯ (ПРАВА СИЛЫ) ИДЕЕЙ ПРАВА (СИЛОЙ ПРАВА) ИТОГОМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ ЯВЛЯЕТСЯ ЗАМЕНА ИДЕИ НАСИЛИЯ (ПРАВА СИЛЫ) ИДЕЕЙ ПРАВА (СИЛОЙ ПРАВА)

замена идеи насилия (права силы) идеей права (силой права). Таким образом, суд, используя право, воздействует на общественные отношения, устанавливая, изменяя или прекращая правоотношения.

Отправление правосудия как вида государственной деятельности по рассмотрению и разрешению конфликтов по поводу действительного или предполагаемого права должно осуществляться в соответствии с конституционными принципами, которые присущи правовому демократическому государству.

Суды подчиняются только Конституции и закону. Они независимы от влияния иных властных структур, руководителей судов политических партий и других общественных объединений, своих личных пристрастий и симпатий.

Следующей группой конституционных основ являются нормы, закрепляющие правовой статус судей.

В соответствии со ст. 110 Конституции Республики Беларусь судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только закону и ст. 7 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей гласит, что суды осуществляют правосудие на основе Конституции Республики Беларусь и принятых в соответствии с ней иных нормативных правовых актов.

В данной норме Конституции Республики Беларусь сделан акцент на то, что судьи в первую очередь подчиняются только Конституции Республики Беларусь и принятым в соответствии

с ней иным нормативным правовым актам (ст. 112). Тем самым подчёркивается приоритет Конституции перед другими законами.

Однако провозглашения независимости судей недостаточно, необходимо, чтобы на конституционном уровне были закреплены гарантии этой независимости. Уже в Кодексе Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей ряд таких гарантий определён. Это, в первую очередь, такие гарантии, как прекращение полномочий судьи в установленном законом порядке, неприкосновенность судьи, предоставление за счёт государства материального и социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу, право судьи на отставку и др. (статьи 86, 87 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей).

Статус судей является в целом единым для всего судебного корпуса независимо от того, в каком суде они работают. В то же время есть различие между статусом судей Конституционного Суда и судей иных судов. Различаются они также между собой полномочиями и компетенцией. Это связано с тем, что не может быть полного тождества в статусе судей. У каждого из них свои участки работы, а, следовательно, свой круг полномочий. Поэтому отступления от общего требования о единстве статуса всех судей допустимы, поскольку они определены и санкционированы законом, а не прихотью какого-то должностного лица.

Статья 2 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей установила, что судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, уголовного, хозяйственного и административного судопроизводства.

Под процессуальной формой осуществления судебной власти в большинстве случаев понимают совокупность однородных процедурных требований, предъявляемых к действиям участников процесса и направленных на достижение какого-то определённого результата. Таким образом, главным критерием для разграничения видов судопроизводства, безусловно, является применение судами и лицами, участвующими в деле, тех или иных правил поведения, установленных определёнными законами. Суды общей юрисдикции в своей деятельности руководствуются Уголовно-процессуальным Кодексом, Гражданско-процессуальным Кодексом, Кодексом об административных правонарушениях; Конституционный Суд Республики

ПОД ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМОЙ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В БОЛЬШИНСТВЕ СЛУЧАЕВ ПОНИМАЮТ СОВОКУПНОСТЬ ОДНОРОДНЫХ ПРОЦЕДУРНЫХ ТРЕБОВАНИЙ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫХ К ДЕЙСТВИЯМ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА И НАПРАВЛЕННЫХ НА ДОСТИЖЕНИЕ КАКОГО-ТО ОПРЕДЕЛЁННОГО РЕЗУЛЬТАТА

Беларусь проводит свою деятельность в рамках, установленных Законом о Конституционном Суде Республики Беларусь. В свою очередь хозяйственные суды руководствуются Хозяйственно-процессуальным кодексом, который устанавливает свои правила поведения участников процесса.

Следующей группой конституционных основ судебной власти являются принципы судопроизводства.

Важное значение в судебной деятельности имеет принцип гласности. Сущность этого принципа состоит в том, что суд рассматривает уголовные и гражданские дела на открытых заседаниях, на которых могут присутствовать граждане, достигшие установленного законом возраста и пожелавшие

СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ СОСТОИТ В ТОМ, ЧТО СУД РАССМАТРИВАЕТ УГОЛОВНЫЕ И ГРАЖДАНСКИЕ ДЕЛА НА ОТКРЫТЫХ ЗАСЕДАНИЯХ, НА КОТОРЫХ МОГУТ ПРИСУТСТВОВАТЬ ГРАЖДАНЕ, ДОСТИГШИЕ УСТАНОВЛЕННОГО ЗАКОНОМ ВОЗРАСТА И ПОЖЕЛАВШИЕ ПРИЙТИ В ЗАЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ. ХОД И РЕЗУЛЬТАТ ПРОЦЕССА МОГУТ СВОБОДНО ОСВЕЩАТЬСЯ ВО ВСЕХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

прийти в зал судебного заседания. Ход и результат процесса могут свободно освещаться во всех средствах массовой информации.

Одним из основных принципов судопроизводства является принцип состязательности. Правильное понимание его сущности имеет самое актуальное значение для реализации его на практике. Состязательность в судопроизводстве почти полностью регулирует весь процесс отбора фактического материала (гражданское судопроизводство), необходимого для разрешения поступивших дел, диктует формы, методы и приемы исследования этого материала, определяет действия суда по собиранию и исследованию доказательств, последовательность совершения этих действий и их правовые последствия.

В одной связке с принципом состязательности находится принцип равноправия сторон. Равенство граждан и организаций перед законом и судом во всех вопросах при разрешении конкретного дела закреплено в ст. 8 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей, согласно которому правосудие в Республике Беларусь осуществляется на основе равенства граждан, организаций, индивидуальных предпринимателей перед законом и судом. Как видно из текста этой нормы закона, она отражает содержание ст. 22 Конституции.

Заканчивая рассмотрение вопросов о конституционных основах судебной власти, необходимо сказать следующее.

Судебная власть является одной из ветвей государственной власти; она самостоятельна, независима от законодательной, исполнительной и равна им. Эти постулаты пронизывают всё содержание Конституции Республики Беларусь.

Принцип разделения властей и вытекающее из него положение о самостоятельности судебной власти получили прямое воплощение в основах конституционного строя.

Судебная власть осуществляется в пяти процессуальных формах в виде конституционного, гражданского, административного, уголовного и хозяйственного судопроизводства. Конституционный Суд, общие и хозяйственные суды составляют единую судебную систему. На конституционном уровне провозглашена не только независимость судей, но и закреплены гарантии этой независимости.

В главе второй Конституции раскрыто предназначение судебной власти, которое состоит в защите прав и свобод человека и гражданина. Воплощение в действительность прав и свобод граждан напрямую связано с принципами судопроизводства, а многие из них являются одновременно и правами граждан, и принципами судопроизводства. Все конституционные основы судебной власти тесно связаны друг с другом и представляют собой одну систему принципов, находящихся в неразрывном единстве и взаимопроникновении.

Список использованных источников

1. Гавриленко, В. И. Гражданское общество: понятие и конституционное основы / В. И. Гавриленко // Конституционное развитие России. – Саратов, 1993.
2. Румянцев, О. Г. Основы конституционного строя / О. Г. Румянцев. – Москва, 1994.
3. Лучин, В. О. Реализация конституционных норм: общее и особенное / В. О. Лучин // Конституционная реформа в СССР: актуальные проблемы. – Москва, 1990. – С. 39 – 52.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005.
5. Яковлев, В. Ф. Суд в правовом государстве / В. Ф. Яковлев // Вестник Верховного Суда СССР. – 1991. – № 6.
6. Симкин, Л. Закон и право, судебная реформа в прошлом и настоящем / Л. Симкин // Новый мир. – 1992. – № 1.
7. Лившиц, Р. З. Современная теория права / Р. З. Лившиц. – Москва, 1992.
8. Крылов, Б. С, Михалёва, Н. А. Новая Конституция суверенного государства / Б. С. Крылов, Н. А. Михалёва. – Москва, 1994.
9. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей»: принят Палатой представителей 31 мая 2006 г.: одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г.: текст Кодекса по состоянию на 2 июня 2006. – Минск: Амалфея, 2008.

Дата поступления в редакцию 16.08.2009.

О. И. Адамюк

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ КАК СПЕЦИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1922-1941 гг.)

Адамюк Алег Іванавіч – выкладчык кафедры сацыяльных навук УА «Ваенная акадэмія Рэспублікі Беларусь», падпалкоўнік. Суіскальнік кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта БДУ. Сфера навуковых інтарэсаў – гісторыя ваеннай юстыцыі і ваеннага заканадаўства, тэорыя і гісторыя ваеннага права, ваенная паліталогія. Аўтар каля 50 навуковых работ, у т. л. адной манаграфіі і 3 вучэбных дапаможнікаў.

В юридической науке Республики Беларусь в настоящее время практически не имеется результатов комплексных научных исследований, посвященных истории создания и правового регулирования деятельности органов военной юстиции Беларуси. Труды белорусских исследователей посвящены в основном вопросам развития права и судебной системы СССР, роли права в становлении и укреплении советского тоталитарного политического режима и его репрессивного аппарата на территории Беларуси. В этих работах военная юстиция не рассматривается как самостоятельный предмет научного исследования, а история военно-судебных органов Беларуси представлена в контексте формирования и развития репрессивного аппарата советской политической системы.

Вместе с тем в Белорусской юридической энциклопедии О. В. Петрова определяет военные суды как «суды, действующие в Вооруженных Силах Республики Беларусь». Такое определение сущности военно-судебных органов Республики Беларусь, по мнению автора, является далеко не полным, а появление данной статьи в белорусском энциклопедическом издании свидетельствует о недостаточном научном осмыслении сущности и содержания научных категорий «военная юстиция» и «военный суд».

Поэтому в предлагаемой читателю статье предпринята попытка научного осмысления результатов самостоятельного

институционального и историко-правового исследования военной юстиции Беларуси на определенном этапе развития белорусской государственности. При этом военная юстиция Беларуси выделяется автором в самостоятельную область общественных отношений по видовому признаку. Предметом исследования данной работы является правовое регулирование организации и деятельности военных трибуналов как специальных органов военной юстиции на территории Беларуси в составе СССР в довоенный период (1922-1941 гг.).

Следует отметить, что в юридической науке советского периода были заданы только основные направления институциональных и историко-правовых исследований в области военно-правовых отношений и правового обеспечения военно-судебной деятельности. При этом военная юстиция в качестве предмета комплексных историко-правовых исследований практически не рассматривалась. Так, в фундаментальном труде М. В. Кожевникова, посвященном истории строительства и развития советской судебной системы, органам военной юстиции не уделено достаточно внимания, а в работах И. И. Мартинович история становления военной юстиции на территории Беларуси отдельно практически не рассматривается.

Вместе с тем в юридической науке Российской Федерации уже появились фундаментальные научные труды Н. А. Петухова, А. Я. Петроченкова и других авторов, посвященные историко-правовым и институциональным исследованиям военно-судебных органов, их месту и роли в мировой военно-судебной системе.

При подготовке данной статьи были использованы результаты научных исследований вышеуказанных и других авторов с применением ряда общенаучных (анализ и синтез, индуктивный, дедуктивный и др.) и специальных юридических (сравнительный и системный анализ, функциональный анализ, конкретно-исторический метод, логический) методов исследования.

В современной теории государства и права категория «военная юстиция», по мнению автора, представляет собой систему легитимных военно-судебных органов, которые обладают монопольным правом на реализацию судебной власти в вооруженных силах и других воинских формированиях в целях обеспечения военной безопасности государства, а также защиты интересов военнослужащих правовыми средствами. При этом военная юстиция является подсистемой в системе

«ВОЕННАЯ ЮСТИЦИЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ СИСТЕМУ ЛЕГИТИМНЫХ ВОЕННО-СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ, КОТОРЫЕ ОБЛАДАЮТ МОНОПОЛЬНЫМ ПРАВОМ НА РЕАЛИЗАЦИЮ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ И ДРУГИХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ

военно-правовых отношений, которые порождаются регулятивным воздействием военного права на общественные отношения, складывающиеся в области военной деятельности государства.

На территории Беларуси накануне образования СССР в 1922 г. при реввоенсоветах воинских частей Красной Армии на Западном фронте действовали специальные органы военной юстиции – революционные военные трибуналы. Централизованная система специальных органов военной юстиции в воинских частях и соединениях, подчиненных реввоенсовету Западного фронта, являлась подсистемой военной юстиции РСФСР и включала в себя реввоен трибунал Западного фронта и его отделы в дивизиях.¹ При этом реввоен трибунал Западного фронта не входил в судебную систему БССР и имел двойное подчинение: с одной стороны – реввоенсовету Западного фронта, с другой стороны – Реввоен трибуналу Республики, а с конца 1921 г. – военной коллегии Верховного трибунала при ВЦИК.

Организация военной юстиции Беларуси в 1922 г. соответствовала организационной структуре Красной Армии на Западном фронте, а деятельность военно-судебных ор-

ганов была направлена на укрепление воинской дисциплины и боеспособности Красной Армии. В отличие от общих и полковых судов, реввоен трибуналы действовали в постоянном составе, то есть без участия народных заседателей, а военные судьи не выбирались, а назначались. Кандидатов на должности военных судей выдвигали соответствующие реввоенсоветы, а также командующие войсками Западного фронта. Состав военных трибуналов дивизий утверждался военным трибуналом Западного фронта и включал председателя, его заместителя и четырех членов трибунала. Такая организация военно-судебных органов наряду с правом приос-

тановления или отмены судебных решений соответствующими реввоенсоветами как несудебными органами, по мнению автора, противоречила демократическим принципам правосудия.

В связи с введением в действие 31 октября 1922 г. сессией ВЦИК Положения о судеустройстве РСФСР и началом деятельности Верховного суда РСФСР с 1 января 1923 г. руководство военно-судебной системой Беларуси стала осуществлять Военная коллегия Верховного суда РСФСР; Верховный трибунал при ВЦИК упразднился, а революционные военные трибуналы стали называться военными трибуналами.

¹ Петухов Н. А. История военных судов России... С. 192-193.

Васин Ю. Организационное руководство военными трибуналами в СССР... С. 108.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ БЕЛАРУСИ В 1922 Г. СООТВЕТСТВОВАЛА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ КРАСНОЙ АРМИИ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ, А ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННО-СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ БЫЛА НАПРАВЛЕНА НА УКРЕПЛЕНИЕ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И БОЕСПОСОБНОСТИ КРАСНОЙ АРМИИ

Компетенция Военной коллегии включала в себя организацию и судебный надзор за деятельностью военных трибуналов на территории Беларуси, утверждение в должностях председателей, их заместителей и членов военных трибуналов, а также смещение и перемещение председателей и членов военных трибуналов в любое время. Приказы Военной коллегии согласовывались с Реввоенсоветом Республики и реввоенсоветом Западного фронта.

В Белорусской ССР основные принципы Положения о судостроительстве РСФСР были реализованы только после образования Союза ССР. Так, в Положении о судостроительстве БССР, принятом второй сессией ЦИК БССР четвертого созыва 30 марта 1923 г. и введенном в действие 15 апреля 1923 г., органы военной юстиции относились к категории временных специальных судебных органов и не входили в судебную систему Беларуси. В связи с этим компетенция Верховного суда БССР не включала осуществление судебного надзора за деятельностью военных трибуналов на территории Беларуси, а приговоры военных трибуналов Западного фронта подлежали обжалованию в Военную коллегия Верховного суда РСФСР.² В дисциплинарном порядке военный трибунал Западного фронта был подчинен дисциплинарной коллегии Верховного суда РСФСР, а военные трибуналы армий и их отделы при дивизиях – дисциплинарной коллегии военного трибунала Западного фронта. Тем самым сохранялся контроль российских властей над военной юстицией на территории республики.

В связи с утверждением декретом ЦИК СССР от 23 ноября 1923 г. Положения о Верховном Суде Союза ССР Военная коллегия была включена в состав Верховного Суда СССР с компетенцией организационного и непосредственного руководства военными трибуналами на территории союзных республик, как в мирное, так и в военное время. Поэтому военный трибунал Западного фронта организационно был подчинен Военной коллегии Верховного Суда СССР, а инспекторы-ревизоры и инструкторы для особых поручений организационно-инструкторского отдела Военной коллегии имели право проводить ревизии и инструктировать военные трибуналы на территории Беларуси.³

Следует отметить, что в связи организационными преобразованиями в органах военного управления Красной Армии на территории Беларуси военный трибунал Западного фронта в апреле 1924 г. был преобразован в военный трибунал Западного военного округа (ЗапВО). Юрисдикция военного

² Кожевников М. В. *История советского суда (1917-1956 годы)*. С. 48.

³ *История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу...* С. 349-353.

⁴ *От штаба округа к Генеральному штабу... С. 32.*

трибунала ЗапВО включала в себя территорию Белорусской ССР, а также Витебскую, Гомельскую, Брянскую и Смоленскую губернии РСФСР. При этом Витебская и Гомельская губернии вскоре были возвращены в состав БССР.⁴

Вместе с тем в целях создания единой судебной системы и поддержания единства судебной практики на территории Беларуси второй сессией ЦИК БССР шестого созыва 15 июля 1924 г. было утверждено новое Положение о судостроительстве БССР, которое было введено в действие с 1 августа 1924 г. На основании нового Положения о судостроительстве БССР военные трибуналы на территории Беларуси вошли в состав судебной системы Белорусской ССР, а Верховный суд БССР стал кассационной инстанцией для военных трибуналов Западного военного округа, осуществляя при этом непосредственный надзор и контроль за их деятельностью. При этом по решению Президиума ЦИК БССР 4 декабря 1925 г. в состав пленума Верховного суда БССР и его уголовно-кассационную коллегия был включен председатель военного трибунала Западного военного округа. Следует отметить, что правом осуществлять контрольную и инструктивную деятельность в отношении военных трибуналов был наделен отдел судостроительства и судебного надзора, созданный в аппарате Наркомата (НКЮ) юстиции БССР на основании Постановления СНК БССР от 20 апреля 1925 г. Как отмечает И. И. Мартинович, в инструктивной деятельности НКЮ БССР и Верховного суда БССР допускалось дублирование в области руководства судебной деятельностью.⁵

⁵ *Мартинович И. И. История суда в Белорусской ССР (1917-1960 гг.). С. 60, 75.*

Однако, по мнению автора, военная юстиция Беларуси по-прежнему сохраняла зависимость от Верховного Суда Союза ССР. Свидетельством этого является то, что на основании Наказа Верховному Суду СССР, принятого Постановлением ЦИК СССР 14 июля 1924 г., Военная коллегия Верховного Суда СССР была вправе возбуждать ходатайство перед Председателем Верховного Суда СССР об опротестовании решения Верховного суда БССР по приговорам военных трибуналов Западного военного округа. Такие ходатайства возбуждались в том случае, когда решения Верховного суда БССР не соответствовали направлению карательной политики, необходимой для поддержания воинской дисциплины и правопорядка в Красной Армии на территории Беларуси.⁶

⁶ *История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу... С. 226-238.*

Первым общесоюзным правовым актом, который специально был принят ЦИК и СНК СССР в целях централизации регулирования организации и деятельности военных трибуналов, являлось Положение о военных трибуналах и военной

прокуратуре от 20 августа 1926 г. На основании ст. 29 указанного Положения кассационной инстанцией для всех военных трибуналов стала Военная коллегия Верховного Суда СССР, а не Верховные суды союзных республик. Поэтому на Военную коллегия Верховного Суда СССР возлагалось не только непосредственное руководство военными трибуналами, как было ранее, но и управление ими. Тем самым была ликвидирована установленная Положением о судоустройстве БССР от 15 июня 1924 г. двойственность в построении на территории Беларуси военно-судебной системы, когда организационно она была подчинена Военной коллегии Верховного Суда СССР, а приговоры военных трибуналов Западного военного округа подлежали кассационному рассмотрению в уголовно-кассационной коллегии Верховного суда БССР.

В соответствии с Положением о военных трибуналах и военной прокуратуре 1926 г. на военный трибунал Западного военного округа возлагались функции наблюдения за работой военных трибуналов отдельных армий, корпусов и дивизий, входящих в состав данного военного округа. Военные трибуналы армий и гарнизонов работали как суды первой инстанции, а трибунал Западного военного округа – как суд первой, кассационной и надзорной инстанций. Все они подчинялись непосредственно Военной коллегии Верховного Суда СССР и приговоры выносили именем Союза Советских Социалистических Республик.

Вместе с тем в ст. 8 Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре 1926 г. существенно изменялась компетенция военных трибуналов. Тем самым подсудность дел военным трибуналам была сужена и установлена в нормальных для их деятельности рамках в условиях мирного времени. Так, большинство дел о совершении военными служащими общеуголовных преступлений подлежали рассмотрению в общих судах, а дела гражданских лиц могли быть рассмотрены в военном трибунале только при условии, что преступление ими совершено в местности, где не действуют общие суды либо преступление совершено в соучастии с военными служащими при отсутствии возможности выделить дело в отдельное производство.

В дальнейшем существенные изменения в законодательство по организационному руководству военными трибуналами были внесены Постановлением ЦИК и СНК СССР от 26 октября 1929 г. «Об изменении и дополнении Положения о военных

В 1926 г. СУЩЕСТВЕННО ИЗМЕНЯЛАСЬ КОМПЕТЕНЦИЯ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ. ТЕМ САМЫМ ПОДСУДНОСТЬ ДЕЛ ВОЕННЫМ ТРИБУНАЛАМ БЫЛА СУЖЕНА И УСТАНОВЛЕНА В НОРМАЛЬНЫХ ДЛЯ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАМКАХ В УСЛОВИЯХ МИРНОГО ВРЕМЕНИ

⁷ *История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу...* С. 414-416.

Кожевников М. В. *История советского суда (1917-1956 годы)*. С. 245.

⁸ *От штаба округа к Генеральному штабу...* С. 32.

⁹ *История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу...* С. 10-11.

¹⁰ Петухов Н. А. *История военных судов России*. С. 208-209.

¹¹ Мирецкий С. Г. *Помнить обо всем*. С. 120, 122.

¹² *От штаба округа к Генеральному штабу...* С. 42.

трибуналах и военной прокуратуре», которые существенно усилили роль среднего звена в военно-судебной системе БССР.⁷ Вместе с тем в октябре 1926 г. военный трибунал Западного военного округа был преобразован в военный трибунал Белорусского военного округа.⁸

В результате принятия указанных изменений и дополнений впервые в законодательном порядке на военный трибунал Белорусского военного округа было возложено непосредственное руководство деятельностью военных трибуналов, действующих на территории Беларуси. При этом на военный трибунал Белорусского военного округа возлагались кассационные функции по отношению к приговорам нижестоящих военных трибуналов в воинских частях и соединениях, за исключением приговоров к высшей мере наказания – расстрелу. По таким делам кассационной инстанцией являлась Военная коллегия Верховного Суда СССР.

Дальнейшее развитие централизованной военно-судебной системы Белорусской ССР было связано с принятием в 1936 г. Конституции СССР и в 1938 г. – Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик. Указанные нормативные правовые акты учреждали институты народных заседателей и выборность членов военных трибуналов, что определило еще большее сближение военных трибуналов с общими судами.⁹ Однако, как отмечает Н. А. Петухов, в это время была значительно расширена подсудность дел военным трибуналам, а также усилилось административное давление на органы военной юстиции с целью привлечения их к политическим репрессиям, осуществляемым сталинским режимом.¹⁰

Жертвами политических репрессий стали первые руководители органов военной юстиции К. Х. Данишевский, В. А. Трифонов, Н. Ф. Бушуев, председатель трибунала МВО корвоенюрист Л. Я. Плавнек, председатели военных трибуналов стрелковых корпусов бригавоенюристы М. И. Ситников и И. В. Смирнов и многие другие.¹¹ Ряд военачальников Белорусского военного округа в 1937-1938 гг. также подверглись необоснованным репрессиям. Среди них оказались командующий войсками округа И. П. Уборевич и его преемник И. П. Белов, начальники штаба округа Б. И. Бобров и А. М. Перемытов, начальники управлений и отделов штаба округа И. Козловский, В. М. Удалов, Д. Д. Муев, П. П. Рулев, Н. С. Суровцев, Ф. П. Самсонов, Ф. Я. Макаров.¹²

Вместе с тем с конца 1934 г. в военные трибуналы на территории Беларуси и в Военную коллегия Верховного Суда

СССР начали поступать дела, рассмотренные несудебными органами при НКВД – Особыми «тройками», или Особыми совещаниями. Исследователи отмечают, что имели место ситуации, когда военные трибуналы возвращали уголовные дела для дополнительного расследования ввиду недостаточности улик, но следственные органы, не проводя доследования, передавали их в Особое совещание и без помех добивались поставленной цели.¹³

В связи с образованием 20 июля 1936 г. объединенного (союзно-республиканского) Народного комиссариата юстиции (НКЮ) СССР на основании Постановления ЦИК и СНК СССР и принятием Положения о НКЮ СССР органами государственной власти был сделан важный шаг по совершенствованию и централизации организационного руководства военными трибуналами на территории Беларуси.¹⁴ В соответствии с указанными нормативными правовыми актами, в отношении военного трибунала Белорусского военного округа организационное руководство осуществлял сектор специальных судов отдела судебных учреждений Наркомата юстиции СССР (с 15 июня 1939 г. – отдел военных трибуналов Управления специальных судов, а с 13 июня 1940 г. – Управление военных трибуналов). При этом председатель военного трибунала Белорусского военного округа мог проводить обследования нижестоящих военных трибуналов лишь в порядке выполнения отдельных поручений Наркомата юстиции СССР.¹⁵ В результате в военно-судебной системе был реализован принцип отделения организационного руководства от осуществления правосудия, что дало возможность освободить Верховный Суд СССР и его Военную коллегию от несвойственных им административных функций по руководству военными трибуналами на территории Беларуси.

В условиях ухудшения международной обстановки и организационных изменений в системе военного управления Красной Армией на территории БССР накануне Великой Отечественной войны военный трибунал Белорусского военного округа 26 июля 1938 г. был преобразован в военный трибунал Белорусского Особого военного округа.¹⁶ Вместе с тем Управлением военных трибуналов НКЮ СССР на территории БССР была проделана значительная работа по разработке порядка формирования военных трибуналов в военное время, их штатов на случай войны, проведена приписка военно-юридического состава запаса ко всем военным трибуналам, подлежащим развертыванию с объявлением войны. При этом в начале 1941 г. на территории Западного Особого военного округа, образованного 11 июля

¹³ Мирецкий С. Г. *Помнить обо всем.* С. 124.

¹⁴ *История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу...* С. 556-557.

¹⁵ Васин Ю. *Организационное руководство военными трибуналами в СССР в период восстановления народного хозяйства и в предвоенные годы (1921-1940).* С. 114.

¹⁶ *От штаба округа к Генеральному штабу...* С. 42.

1940 г. в результате преобразования Белорусского Особого военного округа, были проведены 2-месячные сборы юристов запаса.

Таким образом, к весне 1941 г. военный трибунал Западного Особого военного округа под руководством Управления военных трибуналов НКЮ СССР в основном завершил разработку мобилизационного плана перевода деятельности военно-судебной системы БССР с мирного на военное время.

В заключении автор делает следующие выводы:

1. Военная юстиция БССР, которая представляла собой систему легитимных военно-судебных органов – военных трибуналов, обладающих правом на реализацию судебной власти в Красной Армии на территории Беларуси, в 20-30-е гг. XX в. прошла следующие этапы развития:

а) как централизованная система специальных органов военной юстиции в воинских частях Красной Армии, подчиненных реввоенсовету Западного фронта, которая являлась органичной частью системы органов военной юстиции РСФСР, а затем – Союза ССР (1922-1924 гг.);

б) как система военных трибуналов в воинских частях Красной Армии, подчиненных реввоенсовету Западного фронта в составе единой судебной системы БССР с сохранением организационной зависимости от Верховного Суда СССР (1924-1926 гг.);

в) как подсистема военно-судебной системы СССР на территории Белорусской ССР, организация и деятельность которой контролировались, с одной стороны, административными полномочиями Наркомата юстиции СССР, с другой – надзорными полномочиями Военной коллегии Верховного Суда СССР (1926-1941 гг.).

2. Организация военных трибуналов на территории БССР в рассмотренный период соответствовала организационной структуре и дислокации воинских частей Красной Армии, а их деятельность была направлена на укрепление воинской дисциплины и боеспособности Красной Армии с целью обеспечения военной безопасности СССР.

3. Органы военной юстиции Беларуси в 30-е гг. XX в., наряду с несудебными органами при НКВД – Особыми совещаниями, были включены в состав мощного механизма по осуществлению политических репрессий в СССР, а их деятельность противоречила демократическим принципам правосудия.

Список использованных источников

1. Вішнеўскі, А. Ф. Пошукі афіцыйнай прававой тэорыі ў перыяд станаўлення таталітарнага палітычнага рэжыму ў СССР / А. Ф. Вішнеўскі // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2006. – № 1. – С. 84-107.
2. Протьюко, Т. С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917-1941 гг.) / Т. С. Протьюко. – Мн.: Тесей, 2002. – 688 с.
3. Петрова, О. В. Военные суды / О. В. Петрова // Белорусская юридическая энциклопедия / редкол.: С. А. Балашенко [и др.]: в 4 т. – Минск, 2007. – Т. 1. – С. 231-232.
4. Кожевников, М. В. История советского суда (1917-1956 годы) / М. В. Кожевников. – Москва: «Государственное издательство юридической литературы», 1957. – 382 с.
5. Мартинович, И. И. История суда в Белорусской ССР (1917-1960 гг.): монография / И. И. Мартинович; под науч. ред. И. С. Тишкевич. – Минск: «Изд-во Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР», 1961. – 173 с.
6. Петухов, Н. А. История военных судов России / Н. А. Петухов; под ред. и с предисл. д. ю. н., проф. В. М. Лебедева. – М.: Норма, 2005. – 352 с.
7. Военные суды в современном мире / Г. Г. Кваша, А. Я. Петровиченков, Н. А. Петухов [и др.] / Под ред. и с предисл. А. Я. Петровиченкова. – М.: Норма, 2006. – 272 с.
8. Васин, Ю. Организационное руководство военными трибуналами в СССР в период восстановления народного хозяйства и в предвоенные годы (1921-1940) / Ю. Васин // Военные трибуналы – органы правосудия в Вооруженных Силах СССР: 70 лет военным трибуналам / Военное издательство; отв. ред. генерал-лейтенант юстиции С. С. Максимов. – Москва, 1988. – С. 107-114.
9. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917-1954 гг.: сб. док-в / Государственное издательство юридической литературы; сост.: Л. Н. Гусев; под ред. чл.-корр. АН СССР С. А. Голунского. – Москва, 1955. – 635 с.
10. От штаба округа к Генеральному штабу Вооруженных Сил Республики Беларусь (1918-2006 гг.) / С. Л. Шматок [и др.]; под общ. ред. С. П. Гурулева. – Минск: БЕЛТА, 2006. – 256 с.
11. Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре. – М.: Издание Верховного Суда Союза СССР, 1926. – 23 с.
12. Мирецкий, С. Г. Помнить обо всем / С. Г. Мирецкий // Военные трибуналы – органы правосудия в Вооруженных Силах СССР: 70 лет военным трибуналам / Военное издательство; отв. ред. генерал-лейтенант юстиции С. С. Максимов. – Москва, 1988. – С. 115-126.

Дата настулення ў рэдакцыю 12.03.2009.

А. П. Мельников

ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Мельнікаў Адам Пятровіч – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта БДУ. Аўтар больш за 200 навуковых прац, у тым ліку 20 манаграфій і вучэбных дапаможнікаў. Займаецца даследаваннем праблем паліталогіі, культуры, мясцовага самакіравання.

Важной задачей при изучении политических конфликтов является их типология. Необходимость типологии любого политического явления не вызывает сомнений. Она позволяет дифференцировать его, дать его более глубокий анализ, понять его сущность, определить место и роль данного явления в политическом процессе. Типологизация политических конфликтов связана, прежде всего, с необходимостью контроля и урегулирования конфликтов, предвидения их последствий для определенной общности или социальной группы, для общества в целом.

Мир политических конфликтов чрезвычайно богат, разнообразен, и типологизировать их можно по различным основаниям или критериям. В качестве оснований классификации могут выступать различные субъекты – носители конфликтных отношений, масштаб конфликта, острота, длительность протекания и др. Эта проблема издавна разрабатывается в западной политологии. Так, М. Дойч предлагает классифицировать конфликты по типу участников (личность, группа, нация) и по видам отношений (внутри- и межсистемные уровни) следующим образом: внутри- и межличностный (индивидуально-психологический уровень), внутри- и межгрупповой (социально-психологический), внутринациональный и международный.

Исследователи, занимающиеся изучением конфликтов на постсоветском пространстве, выделяют, в первую очередь, три наиболее значимых типа конфликтов: политические (конфликты по поводу власти, ее приобретения и распределения), социально-экономические (конфликты, связанные с обладанием и распределением средств жизнеобеспечения) и национально-этнические (конфликты интересов этнических общностей).

Следует отметить, что такое деление в значительной степени условно: во-первых, потому что все они в реальности носят взаимопроникающий характер; во-вторых, существует устойчивая тенденция политизации конфликтов разного типа, поскольку именно обладание властными позициями осознается конфликтующими сторонами как приоритетная задача. Иными словами, главной особенностью социально-политических конфликтов является то, что любое столкновение интересов противоборствующих субъектов, даже изначально не связанное с политической составляющей, приобретает политический характер, оно может быть сведено к вопросу о властных полномочиях для разрешения конфликта в пользу одного из субъектов. Поэтому дифференциация конфликтов на политические, экономические, социальные, этнокультурные не представляется такой уж корректной. Слишком часто четкое разграничение экономического, социального, политического и этнокультурного конфликтов невозможно, особенно это касается отграничения этнокультурного конфликта от остальных трех.

ГЛАВНОЙ ОСОБЕННОСТЬЮ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ ЯВЛЯЕТСЯ ТО, ЧТО ЛЮБОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ ПРИОБРЕТАЕТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР

Итак, типология конфликтов может быть проведена по разным основаниям. Одним из таковых может быть выделение в сфере политики области, которая является политической по своему происхождению. Это политический режим и осуществление власти. Отсюда первой типологической группой политических конфликтов можно считать государственно-правовые конфликты, возникающие в самой системе государственно власти. Эти конфликты являются институализированными и публичными. В тех случаях, когда такие конфликты протекают в правовых режимах, они не разрушают, а укрепляют политическую систему, выполняя конструктивные функции.

В рамках государственно-правовых конфликтов можно выделить:

- конфликты между отдельными ветвями власти (законодательной и исполнительной);
- конфликты между государством и отдельным политическим институтом (политической партией);
- конфликты между государственно-правовой системой и оппозицией, стремящейся эту систему изменить;
- конфликты между государством и личностью (проблемы соблюдения прав человека);
- конфликты между государством и обществом (проблемы легитимности) и т. д.

В русле данной типологии, с точки зрения конфликта в политической системе, многие последователи видят институционализированные, т. е. осуществляемые в рамках политической системы, и внеинституциональные политические конфликты, т. е. выходящие за эти рамки. В. П. Пугачев и А. И. Соловьев критерий их разграничения видят в «способности или неспособности людей (институтов) подчиняться действующим правилам политической игры».¹ На наш взгляд, этот критерий в гораздо большей степени обусловлен не столько способностью, сколько готовностью людей и институтов следовать неким формально-правовым правилам игры. Кроме того, речь должна идти и о неписанных политических нормах, включая политико-этические: готовность к минимальному сотрудничеству, чувство компромисса, признание сложившегося соотношения сил и т. д.

Субъектами институционализированных политических конфликтов выступают политические институты, организации, осуществляющие власть и руководство в рамках данной системы, подчиняющиеся единым правилам политической игры, но занимающие различные позиции. Таковы, например, органы и занятые в них группы людей, представляющие разные ветви государственной власти. Предмет таких конфликтов – отдельные элементы политической системы и политика правящих кругов, не соответствующие в полной мере интересам и целям системы, отдельным группировкам правящих сил. Их разрешение ведет к частичным изменениям в политике властей.

В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМАХ КОНФЛИКТЫ ЗАПРОГРАММИРОВАННЫ, А ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ ВЫСТУПАЮТ В РОЛИ РЕГУЛЯТОРОВ, НАПРАВЛЯЮЩИХ ПОЛИТИЧЕСКУЮ БОРЬБУ НА ПРОТЕКАНИЕ В ОПРЕДЕЛЕННЫХ РАМКАХ

Как известно, демократические общества по своей природе, социально-экономическому и политическому устройству предрасположены к конфликтности как к расхождению в предпочтениях, интересах и ценностных ориентациях людей. Здесь существуют политико-правовые институты, призванные содействовать мирному разрешению конфликтов и взаимному поиску согласия. Следовательно, можно сказать, что в демократических общественных системах конфликты запрограммированы, а политические институты выступают в роли регуляторов, направляющих политическую борьбу на протекание в определенных рамках.

Субъектами неинституционализированных политических конфликтов выступают, с одной стороны, правящие элиты, выражающие их интересы партии, государственные институты,

¹ Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. С. 273

организации, лидеры, а с другой – внесистемная оппозиция: народные массы, политически активные группы, радикальные организации, выступающие против существующих порядков, господствующей власти и действующие за рамками общепринятых правил политической игры.²

Предметом конфликта в данном случае является существующая система государственной власти в целом, политический режим. Конечный итог разрешения конфликта – либо победа правящего режима и уничтожение внесистемной оппозиции, либо смена политической системы. Как пишет Л. Козер, «различные типы конфликтов можно классифицировать в соответствии со степенью их нормативной регуляции. На одном конце континуума можно поместить полностью институционализированные конфликты (типа дуэли), тогда на его противоположном конце окажутся абсолютные конфликты, цель которых состоит не во взаимном урегулировании спора, а в тотальном истреблении противника».³

Внеинституциональные конфликты особенно характерны для недемократических, авторитарных политических режимов, не говоря уже о тоталитарных политических системах, цель которых состоит в ликвидации конфликтов как таковых. В таких обществах не существует институциональных механизмов разрешения политических конфликтов, поскольку смысл политики здесь сводится к государственному управлению всеми сферами общественной жизни.

Подразделение политических конфликтов на институционализированные и внеинституциональные предопределяет их разное функциональное предназначение для общества. Институционализированные конфликты играют стимулирующую роль в общественно-политическом развитии, а внеинституциональные конфликты чаще всего играют деструктивную роль в обществе, хотя иногда, в конечном итоге, и они могут оказать стимулирующее воздействие на общественный прогресс.

Другой тип политических конфликтов – статусно-ролевые конфликты. Они проистекают из иерархичности статусно-ролевой структуры социально-политической сферы. Иными словами, их источником является неравенство политических статусов, неравный объем политических и гражданских прав, а иногда дискриминация по признакам этноса, пола, вероисповедания и т. д. Эти конфликты могут подпитываться

² Панчук И. П. *Сущность и особенности социально-политических конфликтов в современной России.* С. 324-325.

³ Козер Л. *Функции социального конфликта.* С. 187.

ВНЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ ОСОБЕННО ХАРАКТЕРНЫ ДЛЯ НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИХ, АВТОРИТАРНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ. В ТАКИХ ОБЩЕСТВАХ НЕ СУЩЕСТВУЕТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ РАЗРЕШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ, ПОСКОЛЬКУ СМЫСЛ ПОЛИТИКИ ЗДЕСЬ СВОДИТСЯ К ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНИЮ ВСЕМИ СФЕРАМИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

оущением какой-либо группой недостатка социального признания и власти. Примером этого может служить роль третьего сословия в буржуазных революциях XVIII – XIX вв. либо этнические конфликты, предметом которых являются вопросы повышения автономии или политического суверенитета какого-либо народа. Нереализованностью статусных ожиданий можно объяснить поддержку в 80-х годах значительной частью советской интеллигенции оппозиционного к КПСС движения. К этому времени особенно возросло несоответствие между социально-культурным статусом интеллигенции, с одной стороны, и ее материальным положением, а также ограниченностью политических и гражданских свобод – с другой.

Присущая всем современным обществам социальная стратификация получает одно из своих существенных проявлений в политических статусах, в которых фиксируются и артикулируются политические позиции определенных социальных групп, их роль в политической системе. Политический статус социальной группы или отдельной личности включает в себя: а) место в иерархии политической власти (властвующая элита, правящие круги, оппозиция, избиратели и т. п.); б) совокупность и объем статусных политических и гражданских прав; в) совокупность и объем статусных политических обязанностей и ответственности: президент страны, премьер-министр, мэр города, лидер партии, рядовой гражданин и т. д.; г) реальную возможность тех или иных социальных групп, слоев, личностей участвовать в политической жизни и влиять на нее.

Политическая роль, представляющая собой динамический аспект статуса, обусловлена сущностью последнего и реализуется в совокупности определенных стандартов поведения, ожидаемых другими индивидами и их группами.

В силу различия политических статусов и ролей существующая в обществе статусно-ролевая структура всегда потенциально конфликтна, но когда различия в этих статусах, ролях и ожиданиях достаточно велики, потенциальная конфликтная ситуация перерастает в реальные политические конфликты.

Статусно-ролевые конфликты в современном обществе весьма разнообразны. Таковыми могут быть конфликты, возникающие между различными уровнями власти. Например, конфликты между центральной и региональной властью могут быть вызваны стремлением последней приобрести больший суверенитет.⁴ Это могут быть конфликты между политической элитой и рядовыми гражданами, между властью и народом, между различными партиями в борьбе за влияние на массы,

⁴ Прохоренко И. Региональный национализм в Испании. С. 119-126.

между обещаниями политического лидера, сформулированными им в борьбе за президентство, и их выполнением, вызывающем недовольство больших масс населения, между фракциями в парламенте и т. д.

В межфракционных конфликтах проявляются противоречивые тенденции в обществе, в умонастроениях и социально-политических позициях масс, политических кругов, да и самих депутатов, разное видение ситуации в стране, разные подходы к решению назревших проблем и приоритетам в политике. Межфракционные конфликты в парламенте – важная форма статусно-ролевой состязательности, борьбы за повышение статуса и роли в политической жизни тех партий, электоральных блоков, объединений, которые депутаты представляют в законодательном органе страны.

Участниками статусно-ролевых конфликтов могут быть и государственные институты, в частности, парламент и президент, парламент и правительство, борющиеся за статусно-ролевое превосходство в системе властных отношений, и многие другие государственные структуры.

Третьими в иерархии политических конфликтов, которые особенно характерны для «переходных» обществ, являются конфликты на основе существенных расхождений в политической культуре. Последняя характеризует как образ поведения и деятельности индивидуальных и коллективных субъектов в сфере политики, так и способ функционирования и развития политических институтов и политической системы в целом. Эта категория фиксирует в теоретической форме исторически сложившееся политическое сознание, соответствующие ему механизмы и формы реализации политической активности членов общества, системы ценностей, норм и институтов, обеспечивающих осуществление политической власти как орудия регуляции, управления социальными процессами.⁵

В конфликте политических культур происходит столкновение различных политических ценностей, норм, обычаев, традиций, способов политического поведения, ценностных ориентаций и целей политического развития. Особенно заметными эти конфликты становятся в периоды радикальных реформ в обществе, когда сталкиваются старая и новая политические культуры. Например, борьба старой, авторитарной политической культуры на постсоветском пространстве с новой, либерально-демократической.

ОСОБЕННО ХАРАКТЕРНЫ ДЛЯ «ПЕРЕХОДНЫХ» ОБЩЕСТВ КОНФЛИКТЫ НА ОСНОВЕ СУЩЕСТВЕННЫХ РАСХОЖДЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

⁵ Мельников А. П., Сокол С. Ф. Политическая культура. С. 18.

Природа конфликтов политических культур становится понятной при сравнении последних с государственно-правовыми или статусно-ролевыми конфликтами. Если абстрагироваться от конкретных причин последних, то они лежат не только в стремлении к власти или в оспаривании способов ее осуществления и функционирования. Невозможно объяснить конфликты исключительно стремлением низших слоев и групп к вертикальной мобильности и обретению более высокого социального статуса. Очевидно, что, помимо прочего, конфликты могут возникать из-за наличия несовместимых политических ценностей, идей, верований, культурных различий при условии, что в одних культурных системах отрицаются ценности других. Например, расколы, разделяющие современное российское общество, предстают часто как противоборство различных политико-культурных общностей. Это, в частности, цивилизационный раскол по принципу «западничество – самобытность» и сопутствующий ему идентификационный кризис; утрата чувства перспективы и понижение уровня самооценки нации; разрыв единого духовного пространства и разрушение национального консенсуса по поводу базовых ценностей.

Ряд политологов (С. Хантингтон и др.) именно в конфликтах политических культур видят главную опасность для будущего человечества, которая может привести к «столкновению цивилизаций». Эти конфликты, истоки которых уходят в культурные, религиозные, идеологические традиции и нормы, действительно трудно поддаются урегулированию. Однако, несмотря на все сложности данных конфликтов, следует иметь в виду, что даже самые глубокие различия политико-культурных традиций и менталитета народов создают лишь возможность для возникновения и развития конфликтной ситуации, которая необязательно должна перерасти в конфликт.⁶

⁶ Добаев И. *Исламизация Европы: миф или реальная угроза?*

Такова одна из типологий политических конфликтов. Не менее часто встречается другая типология: по областям, сферам развертывания, протекания выделяют конфликты внутривнутриполитические и внешнеполитические. Внутривнутриполитические конфликты – это конфликты, возникающие внутри общества, внутри политической системы, политической партии или иной общественно-политической организации. Такие конфликты обуславливаются различными подходами субъектов политики к осуществлению политической власти, кадровой политики, занятию государственных должностей и т. д.

Особенностями внутривластных конфликтов являются:

- борьба тех или иных слоев общества за политические интересы;
- борьба за политическое господство, которое по формам весьма разнообразно – от парламентской борьбы до гражданских войн.

Внутривластные конфликты подразделяются на институциональные и внеинституциональные, позиционные и оппозиционные, раскрывающие взаимодействие между различными субъектами власти, отражающие характер политических процессов, по которым разгорается спор индивидов и групп в сфере государственного управления или других сферах общественной жизни.

Некоторые исследователи дают такую классификацию внутривластных конфликтов:

- конфликты непосредственно политической жизни – от предвыборной борьбы кандидатов, внутренней парламентской борьбы до гражданской войны между различными социальными группами как выражения непримиримости их экономических, политических и идеологических интересов;
- межпартийные конфликты в многопартийной политической системе, в которых используются не только допустимые парламентской этикой методы, но и такие способы и приемы, которые находятся за пределами какой-либо морали;
- межличностные политические конфликты, которые могут иметь место между представителями одной и той же партии, когда они стремятся занять один и тот же пост, отстаивают противоположные предложения в решении спорных вопросов или движимы просто политическими амбициями.

Существует и такая градация внутри политических конфликтов, когда они подразделяются на режимные и легитимные. В режимных конфликтах целью субъектов политики может быть захват власти в государстве или смена политической системы, но без нарушения территориальной целостности государства.

В легитимных конфликтах часть государства стремится отделиться от целого; часто легитимные конфликты совпадают с этнополитическими, но не всегда этнополитические конфликты являются легитимными.

Отдельные специалисты акцентируют внимание на таком внутривластном конфликте, как государственно-административный конфликт, основу которого составляет

неравномерность полномочий законодательной и исполнительной ветвей власти. Так, чрезмерно широкие функции исполнительной власти в разработке внутри- и внешнеполитической стратегии резко диссонируют с практическим отсутствием контроля за нею со стороны парламента. Расплывчатость и неопределенность компетенций двух ветвей власти стимулирует желание, или, напротив, нежелание взять на себя решение вопросов, имеющих пограничный характер, поэтому существенной проблемой для нормального функционирования власти является четкое разграничение полномочий различных органов. Как видим, типологии конфликтов по разным основаниям пересекаются, перекрещиваются между собой.

Что касается внешнеполитических конфликтов, то они происходят в сфере международных отношений. Субъектами этих конфликтов могут выступать отдельные государства, группы государств или международные организации. По масштабам, сферам проявления различают межсистемные (глобальные) конфликты, охватывающие весь мир или большинство стран; региональные (конфликты между государствами одного региона); межгосударственные (международные) – конфликты между двумя или несколькими государствами.

Самым крупным по масштабу является межсистемный конфликт, т. е. конфликт между различными социально-политическими системами («холодная война», противостояние «Север-Юг», т. е. по линии «развитые – развивающиеся страны»). Обычно он обуславливается различными идеологиями и политиками групп государств. Его межсистемный характер является выражением глобального характера самого конфликта.

Внешнеполитические конфликты, меньшие по масштабу, чем межсистемные, называются межгосударственными. Они могут быть подразделены на вооруженные и невооруженные.

ЕСТЕСТВЕННЫМИ ОГРАНИЧИТЕЛЯМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ВЫСТУПАЮТ ОГРАНИЧЕННОСТЬ РЕСУРСОВ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ДРУГИХ СТРАН

Вооруженные конфликты представляют собой попытку достичь реализации своих целей при помощи военной силы. Они проявятся в локальных войнах, опасность которых состоит в возможности вовлечения новых сил и в выходе из-под контроля. В условиях взаимозависимого мира они могут перерасти в крупномасштабное столкновение.

Принято считать, что государствами движут национальные интересы. Их основу составляют важнейшие для существования нации потребности: в безопасности, контроле и использовании природных ресурсов, сохранении культурной целостности и национальной специфики.

Естественными ограничителями государственных интересов выступают ограниченность ресурсов и национальные интересы других стран.

Реалии XX века привели к тому, что вроде бы достаточно четкое и ясное понятие «национальный интерес» подверглось существенной метаморфозе. Этот интерес (особенно для сверхдержав) начал угрожающе «разбухать» и достиг планетарных масштабов. Глобализация рынков, технологии, связи, потоков информации, привели к тому, что «национальные интересы» стали обнаруживать себя далеко за пределами территории национальных государств. Если, например, нормальное функционирование экономики даже такой мощной страны, как США, зависит от поставок нефти с Ближнего Востока, то этот регион объявляется зоной «жизненно важных интересов» североамериканцев, и они вводят свои войска в Ирак. Невооруженные межгосударственные конфликты часто проявляются как дипломатическое противоборство, принимают форму «таможенных», «финансовых», «торговых», «неторговых» войн и акций.

Специалисты выделяют вооруженные конфликты не только международного характера, но и внутренние. Внутренний вооруженный конфликт в соответствии с положениями международного права включает три основные формы: гражданскую войну, партизанскую войну, восстание, которые носят характер длительной и организованной борьбы правительственной и антиправительственной сторон. Примерами могут служить гражданские войны в Алжире (1999-2003), Судане (1983-2003), Бурунди (1993-2005), Либерии (1999-2003), Конго (1998-2002, 2008), Сомали (1988 – настоящее время), Непале (1996-2006) и др.⁷

⁷ Самусик О. *Нож в массу*. С. 5.

Различаются внутренние вооруженные конфликты высокой интенсивности (сепаратистские действия, нарушение территориальной целостности и суверенитета) и низкой интенсивности (действия устойчивых незаконных вооруженных групп, партизанское сопротивление, вооруженный мятеж). На постсоветском пространстве к этим обоим типам конфликтов можно отнести вооруженные конфликты в Нагорном Карабахе, в Приднестровье, в Таджикистане, Абхазии, Южной Осетии на территории Чеченской республики и ряде республик Северного Кавказа. Вместе с тем, как считают исследователи, к ситуации внутреннего вооруженного конфликта «нет оснований относить обстановку внутренней напряженности, внутренние беспорядки, отдельные антиправительственные

**РАЗЛИЧАЮТСЯ ВНУТРЕННИЕ
ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ
ВЫСОКОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ
И НИЗКОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ**

⁸ Мелехин И. В. *Внутренний вооруженный конфликт: модели и технологии политического управления*. С. 125.

**ПО МАСШТАБУ КОНФЛИКТЫ
МОГУТ ИМЕТЬ ЛОКАЛЬНЫЙ,
РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ОБЩЕГОСУ-
ДАРСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР**

выступления, случаи нарушения конституционного строя в стране, отдельные спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера, если они не носят длительного и организованного характера: например, выступления оппозиции в Республике Узбекистан в мае 2005 г., в Грузии в ноябре 2007 г., в Армении в марте 2008 г.»⁸

По масштабу конфликты могут иметь локальный, региональный (в том числе приграничный) и общегосударственный характер. При осуществлении агрессии со стороны одного или нескольких иностранных государств внутренний вооруженный конфликт может перерасти в международный. Это говорит о том, что в современных условиях внутренние вооруженные конфликты могут быть успешными для антиправительственных сил только при наличии различных форм внешней поддержки (от информационной до финансовой и военной), как со стороны иностранных государств, так и отдельных политических и социальных сил.

В соответствии со строением и организацией формы правления можно выделить вертикальные и горизонтальные политические конфликты. Вертикальные конфликты – это конфликты между различными уровнями власти: центральными и местными элитами, органами центрального и местного управления. В основе последних лежат специфические интересы населения отдельных территорий. Территориальная разобщенность органов управления стимулирует противоречия в подходах к реализации решений как общегосударственного масштаба, ибо на местах не всегда верно понимают мотивы их принятия, так и местного значения («наверху» плохо учитывают местную специфику). Важным источником напряженности могут стать умонастроения соответствующих слоев бюрократии: подчиненное и даже унижительное положение местных органов власти, с которыми не считается центральная власть, и многое другое.

Горизонтальные конфликты характеризуют конкретное взаимодействие однопорядковых субъектов и носителей власти: между ветвями власти, внутри правящей элиты, между неправящими партиями, членами одного политического объединения. Иначе говоря, предметом спора в горизонтальных конфликтах является распределение властных полномочий между различными политико-государственными институтами, между различными сегментами правящей элиты, противоречие внутри самих политических институтов. Результатом этих конфликтов могут

быть кадровые перестановки в органах власти и управления, корректировка политического курса, принятие новых нормативных актов, увеличивающих или сокращающих объём полномочий отдельных субъектов власти. Большинство конфликтов этого типа затрагивает правовые взаимоотношения сторон.

Возьмем, к примеру, конфликты между основными ветвями власти. Принцип разделения властей закладывает потенциальную возможность коллизии между законодательной и исполнительной властью. В демократических странах эти конфликты нормативно регламентированы. Большинство из них носит открытый публичный характер, например, парламентские дебаты, роспуск парламента и назначение досрочных выборов, вотум недоверия правительству, обращение в конституционный суд и др. Но возможны ситуации перерастания конфликтов в более острую форму – политический кризис. История стран с неразвитыми демократическими традициями знает примеры, когда конфликт ветвей власти развивается в направлении их прямого столкновения. Следствием подобных кризисов является дестабилизация всей политической системы. Примером может служить накал конфликтной ситуации в России, который привел к расстрелу парламента в 1993 г.

ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ ЗАКЛАДЫВАЕТ ПОТЕНЦИАЛЬНУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ КОЛЛИЗИИ МЕЖДУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ

В тех странах, где кабинет министров формируется с участием парламента и на коалиционной основе, нередко возникают правительственные кризисы. Формирование правительства на многопартийной основе создает большую вероятность появления разногласий с последующей отставкой отдельных его членов. Парламентское большинство также может высказывать вотум недоверия правительственному курсу и формировать новый кабинет министров. Примером подобной правительственной нестабильности является Италия, в которой чуть ли не ежегодно меняется кабинет министров. Подобных примеров можно привести немало. В современных условиях, когда политические конфликты в большей своей части институционализируются и индивидуализируются, а массы чаще всего остаются в роли заинтересованных наблюдателей, конфликтное взаимодействие разворачивается преимущественно по «горизонтали», где противостоят друг другу различные ветви власти и различные политические партии и группировки.

Продолжая анализ типов политических конфликтов, следует отметить, что с точки зрения публичности противостоящих сторон следует различать открытые и закрытые

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПУБЛИЧНОСТИ ПРОТИВОБОРСТВУЮЩИХ СТОРОН СЛЕДУЕТ РАЗЛИЧАТЬ ОТКРЫТЫЕ И ЗАКРЫТЫЕ (ЛАТЕНТНЫЕ) КОНФЛИКТЫ

(латентные) конфликты. Открытые конфликты выражаются в явных внешнефиксируемых формах взаимодействия конкурирующих сторон. Например, в различных формах массового участия граждан в политической жизни в виде манифестаций, забастовок и иных актов политического протеста. В отличие от них, латентные конфликты в сфере политики воплощаются

в скрытых от широкой публики теневых видах политической конфронтации, таких, в частности, как заговор, подкуп высших должностных лиц, фальсификация результатов выборов, политический шантаж и др. На поверхности они могут проявляться позже, скажем, в виде отставки известного чиновника, министра или кабинета министров и т. д.

С точки зрения примирения сторон выделяют конфликты антагонистические (разрешение конфликта невозможно без победы одной из сторон и поражения, устранения другой) и неантагонистические, допускающие примирение сторон. В качестве примера последнего типа конфликтов можно привести конфликт в парламенте любой страны по поводу рассмотрения и принятия бюджета государства. Различные стороны выдвигают свои доводы, аргументы, контрпредложения, и в результате согласования разных точек зрения парламент принимает бюджет.

Что касается антагонистических конфликтов, то они могут разделить общество на непримиримые группы, борющиеся за уничтожение противоположной стороны. Основным методом борьбы здесь выступает насилие со стороны обоих участников конфликта. Это небезызвестная теория классовой борьбы К. Маркса.

Однако взгляды К. Маркса ныне не очень популярны. Поэтому по качественным характеристикам противостояний конфликты в современных условиях разделяются на «конфликты с нулевой суммой» и «конфликты с ненулевой суммой».⁹ Если интересы сторон конфликта полностью противоположны, т. е. реализация интересов одного участника означает, что интересы другого не будут реализованы вообще, то такие конфликты называются конфликтами с нулевой суммой. В них «выигрыш» одной стороны точно равен «проигрышу» другой, а в итоге сумма «выигрышей» оказывается нулевой. Отсюда и название – «конфликты с нулевой суммой». Примером здесь может служить победа одного из претендентов на президентских выборах, исключающая занятие президентской должности другим претендентом.

⁹ Шаран П. Сравнительная политология. С. 27.

Если вести речь о социально-политических кризисах, международных конфликтах, то некоторые исследователи склонны полагать, что гражданские войны описываются ситуацией с нулевой суммой или близкой к ней. В гражданских войнах, как правило, участники либо одерживают победу, либо проигрывают полностью. Сходны с этими конфликтами и конфликты, связанные с территориальными спорами или определением статуса той или иной территории. В качестве примера можно привести конфликт с Абхазией и Южной Осетией в Грузии или с Косово в Сербии.¹⁰

Те же конфликты, в которых существует хотя бы один способ достижения взаимного согласия путем компромисса, характеризуются как конфликты с ненулевой суммой. В большинстве своем таким образом описываются политические конфликты (этнические, международные). Хотя в них цели и интересы сторон противоречивы, но не являются абсолютно противоположными, т. е. при их реализации итоговая сумма не будет равна нулю. Такого рода конфликты иногда называют конфликтами со смешанными интересами.

Бывают также конфликты с отрицательной суммой, когда в них не оказывается ни победителя, ни побежденного. Наиболее ярким примером здесь служит гипотетический глобальный ядерный конфликт, который не может закончиться иначе, как взаимным уничтожением сторон.

Наконец, по временным (темпоральным) характеристикам конкурентного взаимодействия сторон политические конфликты можно подразделить на долговременные и кратковременные. Долговременные конфликты длятся в течении большого периода и, как правило, проходят все стадии развития. Примером может служить длящийся несколько десятилетий, то обостряющийся, то затухающий военно-политический конфликт Израиля с группой арабских стран, прежде всего, с Палестиной. Кратковременный конфликт может возникнуть и быть разрешен в предельно короткое время. Например, отставка министра, вызванная протестами общественности в связи с публикацией сведений о его неблагоприятных поступках, порочащих правительство.

Нерешенные политические конфликты могут породить новое качественное сочетание – политический кризис. Термин происходит от греческого *crisis* – перелом, тяжелое переходное положение, исход. Политический кризис – это определенное состояние политической системы общества, которое

¹⁰ *Кожмякин В. 100 дней после войны. С. 10-11.*

Кузнецов Д. Проблема Косово в зеркале общественного мнения в 2000-е годы. С. 63-74.

**НЕРЕШЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ
КОНФЛИКТЫ МОГУТ ПОРОДИТЬ
НОВОЕ КАЧЕСТВЕННОЕ СОЧЕТА-
НИЕ – ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС**

проявляется в углублении и обострении всех существующих конфликтов, в резком нарастании политической напряженности в обществе. Конкретными проявлениями политического кризиса могут быть:

- неспособность государства и его органов выполнить необходимые функции, своего рода паралич власти, когда законы не исполняются;
- распространение политических идей, отрицающих ценности данной политической системы;
- потеря доверия масс к своим политическим лидерам, правительству, правящей партии;
- оппозиционная деятельность – явная или скрытая, направленная на ликвидацию существующей политической системы, государства и его органов (прежде всего, органов безопасности, прокуратуры и других правоохранительных институтов).

ПРИЧИНАМИ КРИЗИСА МОГУТ БЫТЬ ПАДЕНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАРОДА, НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА, РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАНАТИЗМ, НЕСОВПАДЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ, ГРУППОВЫХ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Причинами кризиса могут быть также падение уровня жизни народа, национальная проблема, религиозный фанатизм, несовпадение индивидуальных, групповых, общественных ценностей.

Таким образом, в политологии под политическим кризисом понимается особое состояние в развитии и функционировании политической системы общества и, прежде всего, его властных структур, характеризующееся нестабильностью, разбалансированностью деятельности политических институтов, снижением уровня управляемости в различных сферах общественной жизни, нарастанием социально-политической активности масс. Другими словами, политический кризис можно охарактеризовать как перерыв в функционировании какой-либо системы с позитивным или негативным для нее исходом. Такой кризис обусловлен, прежде всего, отчуждением масс от государства, от органов власти. Важную роль в его возникновении и разрешении играют такие факторы, как степень демократизации общества и уровень компетенции его руководителей.

Существуют кризисы внешнеполитические, обусловленные международными противоречиями и конфликтами, и кризисы внутривнутриполитические. Среди последних выделяют три типа кризисов:

1. Правительственный кризис. Этот кризис проявляется в том, что существующее правительство утрачивает свой авторитет, его распоряжения игнорируются, не выполняются.

В такой ситуации, когда правительство оказывается недееспособным, парламент выражает недоверие кабинету министров и данное правительство уходит в отставку. На его место приходит новый кабинет министров, и таким образом правительственный кризис урегулируется. Чаще всего правительственные кризисы случаются в тех странах, где правительство формируется на многопартийной основе.

2. Парламентский кризис. Если конфликты в правительстве и с правительством могут привести к правительственному кризису, то конфликты в парламенте могут вызвать парламентский кризис. В парламенте могут разворачиваться конфликты между партийными фракциями, между палатами, между парламентом и правительством, а также между парламентом и президентом. Если эти конфликты множатся, накладываются друг на друга, и принятие политических решений становится невозможным, возникает кризис парламента как института власти. Проявлениями его могут быть, во-первых, длительное отсутствие большинства по тем или иным вопросам для принятия важнейших решений. Парламент при этом не может выполнять законотворческие функции. Во-вторых, по любому вопросу может разворачиваться острая конфронтация парламентских фракций, примерно равных по силе, что приводит к параличу парламента. Депутаты никак не могут придти к общим решениям даже простым большинством голосов. Результатом всего этого может стать роспуск парламента, потерявшего дееспособность, и назначение новых парламентских выборов.

ЧАСТНЫМ СЛУЧАЕМ ВНУТРИ-ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА МОЖЕТ БЫТЬ КОНСТИТУЦИОННЫЙ КРИЗИС. ОН СВЯЗАН С ФАКТИЧЕСКИМ ПРЕКРАЩЕНИЕМ ДЕЙСТВИЯ ОСНОВНОГО ЗАКОНА СТРАНЫ

3. Частным случаем внутривластного кризиса может быть конституционный кризис. Он связан с фактическим прекращением действия Основного закона страны. Прежняя конституция утрачивает легитимность, т.е. правомочность, и требуется ее качественный пересмотр. Острое развитие конституционального кризиса наблюдалось в бывшей Югославии накануне ее распада, с угрозой конституционального кризиса столкнулась Россия в 1993 году. Противостояние законодательной и исполнительной властей в ней закончилось силовым упразднением парламента, роспуском Конституционного суда и принятием новой Конституции. С отдаленно похожей ситуацией столкнулась и Беларусь накануне референдума 1996 г.

Применительно к предмету разговора, нас больше интересует общенациональный политический кризис. Если первые три представляют собой частные кризисы, затрагивающие

отдельные стороны политической жизни общества, то последний выступает как всесторонний кризис, затрагивающий общество в целом, его фундаментальные основы, потрясая все общественные устои, способствуя смене политической власти.

Поскольку общеполитический кризис является производным от противоречий и конфликтов в обществе, не снятых по различным причинам обычными средствами политического управления, эти противоречия можно разделить на функциональные, структурные и системные.

Первая группа противоречий приводит к расстройству общественно-политических механизмов, к несоответствию форм и методов деятельности институтов власти изменившимся внутренним и внешним условиям жизни. Для их преодоления обычно достаточно реформ. Но если правящие группы проявляют неспособность к реформированию, то функциональные противоречия могут перерасти в структурные, т. е. вести к дальнейшему углублению кризиса.

Развитие структурных противоречий означает, что формы государственного устройства не соответствуют социально-экономическим и другим условиям жизни общества. Начинается кризис структур власти, ее легитимности. Объективно это означает, что общество на этом этапе исчерпало возможности своего развития в рамках данной организации и созрело для его перехода в качественно новую стадию. Структурные кризисы сопровождаются бурными социальными потрясениями, но могут протекать и сравнительно мирно. Для их разрешения необходимы структурные реформы, означающие глубокие преобразования в экономической и политической сферах.

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ПРОХОДИТ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ СТУПЕНИ РАЗВИТИЯ, КАЖДАЯ ИЗ КОТОРЫХ ИМЕЕТ СВОИ ОСОБЕННОСТИ, ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ПРОТЕКАНИЯ

Системные противоречия означают, что основные элементы общества пришли в такое взаимное несоответствие, что его уже невозможно преодолеть в рамках существующей политической системы. Они разрешимы только в ходе ее смены – революционным или ненасильственным путем. Обычно на стадии системного кризиса возникает революционная ситуация, когда налицо полная потеря легитимности. В борьбу вступают новые субъекты политического процесса. И если ситуация выходит из-под контроля, то кризис перерастает в социальную катастрофу.

Общенациональный социально-политический кризис проходит определенные ступени развития, каждая из которых имеет свои особенности, длительность протекания.

Первая – это латентная стадия накопления противоречий в обществе, которые выливаются в острый социально-политический конфликт. На этом этапе происходит интеграция оппозиционных сил, стремящихся уничтожить старые, отжившие отношения в обществе, причем в этой борьбе на первое место выдвигаются деструктивные элементы.

Вторая – это стадия эскалации, нарастания кризиса. На этой ступени происходит дифференциация, поляризация социальных, политических сил с их программами, отражающими интересы определенных групп людей. Фактически формируются два противоборствующих лагеря с противоположными интересами – борьба за новый порядок и отстаивание старого порядка. Причем с политической арены постепенно исчезает «центр», в определенной степени сдерживающий от столкновения противостоящие стороны.

Третья стадия – это разрешение кризиса. Можно сказать, что это кульминационный момент борьбы за власть, протекающий, как правило, в насильственной форме. Победа сторонников кардинальных преобразований ведет к существенным изменениям в стране, дальнейшему прогрессу общества. Победа противников подобных преобразований ведет к консервации старых порядков, к застою.¹¹

В заключение следует отметить, что ни одна типология политических конфликтов (кризисов) не может быть универсальной, всеобъемлющей. Приведенные здесь типы есть обобщение их многообразных проявлений. Однако любой политический конфликт может совмещать в себе признаки нескольких типов.

Каждый из типов конфликта, обладая определенными особенностями, способен сыграть определенную конструктивную или деструктивную, разрушительную роль в развертывании политических процессов. Поэтому важно знать эти особенности, чтобы правильно ориентироваться в политической ситуации, как правило, всегда изменчивой, динамичной, и занимать продуманную политическую позицию. Практическое урегулирование, разрешение того или иного конфликта успешно только там, где усилия сосредотачиваются на доминантных, типологических характеристиках – природе, источниках, субъектах конфликта – и на этой основе учитываются вторичные моменты.

¹¹ Глухова А. В. *Политические конфликты и кризисы*. С. 8-10.

НИ ОДНА ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ (КРИЗИСОВ) НЕ МОЖЕТ БЫТЬ УНИВЕРСАЛЬНОЙ, ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЙ

Список использованных источников

1. Пугачев, В. П. Введение в политологию / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 320 с.
2. Панчук, И. П. Сущность и особенности социально-политических конфликтов в современной России / И. П. Панчук // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – №6. – С. 323-329.
3. Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. – М.: Дом интеллектуал. кн., 2000. – 2005 с.
4. Прохоренко, И. Региональный национализм в Испании: «другие» права Каталонии и Страны Басков / И. Прохоренко // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – №4. – С. 118-126.
5. Мельников, А. П. Политическая культура / А. П. Мельников, С. Ф. Сокол. – Минск: БИП-С Плюс, 2006. – 65 с.
6. Добаев, И. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? / И. Добаев // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – №4. – С. 50-56.
7. Самусик, О. Нож в массу / О. Самусик // Советская Белоруссия. – 2008. – 1 ноября. – С. 5.
8. Мелехин, И. В. Внутренний вооруженный конфликт: модели и технологии политического управления / И. В. Мелехин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2008. – №2. – С. 125-132.
9. Шаран, П. Сравнительная политология / П. Шаран. – М.: Б. и., 1992. – Ч. 2. – 216 с.
10. Кожемякин, В. 100 дней войны / В. Кожемякин // Аргументы и факты. – 2008. – 12 ноября. – С. 10-11.
11. Кузнецов, Д. Проблема Косово в зеркале общественного мнения в 2000-е годы / Д. Кузнецов // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – №5. – С. 63-74.
12. Глухова, А. В. Политические конфликты и кризисы. Консенсус и политические методы разрешения / А. В. Глухова // Государство и право. – 1993. – №6. – С. 3-14.

Дата поступления в редакцию 30.01.2009.

О. В. Лепеш

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ИНВЕНТАРНОЙ РЕФОРМЫ В БЕЛАРУСИ (40-50-е гг. XIX в.)

Правительственная политика Российской империи первой половины XIX в. является одной из наименее исследованных тем в числе целого комплекса проблем, связанных с осмыслением «российского» периода в истории Беларуси. Важным фактором в эволюции данной политики стало восстание 1830-1831 гг., существенно повлиявшее на характер и содержание законодательства, образования, культуры и конфессиональной жизни Беларуси. Местом выработки основных направлений правительственной политики после шляхетского восстания 1830-1831 гг. становится Комитет западных губерний, созданный императором Николаем I для управления территорией Беларуси, Литвы и Правобережной Украины (к ним относились Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, Подольская, Волынская, Киевская губернии и Белостокская область, переименованная с 1842 г. в Ковенскую губернию). Вопросы, которые рассматривали члены Комитета западных губерний, были связаны с введением на территории Беларуси, Литвы и Правобережной Украины российского законодательства, реорганизацией всей системы образования по российскому образцу, повышением статуса и авторитета православной церкви, проведением «разбора» шляхты. Однако в числе первостепенных задач, стоявших перед членами Комитета, стало урегулирование положения как государственных (до учреждения Министерства государственных имуществ в 1837 г.), так и помещичьих крестьян. Комитет западных губерний стремился к регламентации отношений крестьянства с их владельцами путём ограничения власти местных арендаторов и администраторов для государственных крестьян и путём проведения инвентарной реформы для помещичьих.

Лепеш Аксана Васільеўна – кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры гісторыі, сусветнай і айчынай культуры БНТУ. Займаецца даследаваннем палітыкі расійскага ўрада на тэрыторыі Беларусі ў першай палове XIX ст.

На наш взгляд, история проведения инвентарной реформы в Беларуси изучена не до конца, несмотря на то, что в разрешении данного вопроса сделали многое как дореволюционные, так и советские и современные исследователи. Поэтому обращение к данной теме ведёт к ликвидации пробелов в исторической науке.

Восстание 1830-1831 гг. внесло серьезные коррективы в содержание и характер сословной политики самодержавия на территории Беларуси. Если до 30-х гг. XIX в. преобладала продворянская политика, то после событий 1830-1831 гг. акцент был перенесен с привилегированного сословия на крестьянство. Крестьянство стало рассматриваться российским правительством как наиболее лояльный престолу сегмент местного общества.

ПОСЛЕ СОБЫТИЙ 1830-1831 гг. КРЕСТЬЯНСТВО СТАЛО РАССМАТРИВАТЬСЯ РОССИЙСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ КАК НАИБОЛЕЕ ЛОЯЛЬНЫЙ ПРЕСТОЛУ СЕГМЕНТ МЕСТНОГО ОБЩЕСТВА

Поэтому наблюдается настойчивое стремление императора Николая I разрешить крестьянский вопрос и прекратить процесс разорения как государственных, так и помещичьих крестьян.

После учреждения в Российской империи в 1837 г. Министерства государственных имуществ, занявшегося устройством государственной деревни, основные усилия Комитета западных губерний были направлены на улучшение быта помещичьих крестьян. В правительственных кругах считалось, что положение крестьян девяти западных губерний, принадлежавших польским помещикам, было намного сложнее (в особенности в белорусских губерниях), чем крестьян центра России. С этой целью власти решились на проведение инвентарной реформы, суть которой сводилась к составлению *инвентарей* – документов, которые бы регламентировали поземельные повинностные отношения между помещиками и крепостными крестьянами. Идея о введении обязательных инвентарей возникла сразу же после рассмотрения отчёта витебского губернатора П. П. Львова за 1839 г. о состоянии Витебской губернии.¹ Описывая расстроенное экономическое положение Витебской губернии, П. П. Львов главную причину этого видел в отягощении помещичьих крестьян несоразмерными повинностями в пользу владельцев. Уже в феврале 1840 г. министр государственных имуществ П. Д. Киселёв, ознакомившись с отчётом, подал записку императору, где говорилось, что вернейшим средством к ограждению помещичьих крестьян от разорения было бы составление положительных инвентарей. Записка П. Д. Киселёва была внесена в Комитет западных губерний. Николай I и члены Комитета отнеслись к предложению П. Д. Киселёва

¹ РГИА. Ф. 1266. Д. 26. Л. 35-76.

очень сочувственно, но действовать в этом направлении начали постепенно. Первое заседание Комитета, посвящённое реализации инвентарной реформы, состоялось 16 июля 1840 г. На нём решили, что первоначально инвентари необходимо вводить в имениях, где наблюдалось злоупотребление помещичьей властью. Составление инвентарных правил поручили графу А. Г. Строганову. Но уже тогда император дал понять высшим сановникам, что он решительно настроен на повсеместное введение инвентарей во всех владельческих имениях, а «ежели из сего будет некоторое стеснение прав помещиков, то оно касается прямо блага их крепостных людей и не должно отнюдь останавливать благой цели правительства».² Министр государственных имуществ полагал, что при составлении этих инвентарей за основу необходимо принимать правила люстрации для казённых имений, но в подобных инвентарях допускалось «некоторое возвышение» в пользу помещика. Император повелел, чтобы инвентари для помещичьих имений западных губерний были представлены ему до 1 сентября 1840 г.

П. Д. Киселёв глубоко сомневался в возможности реализации данного указания. Относительно введения обязательных инвентарей в имениях, взятых в опеку, именной указ был издан в августе 1840 г.

Как и предполагал П. Д. Киселёв, исполнить волю императора за столь короткое время было просто невозможно, поскольку инвентари для казённых имений по новой люстрации на основании правил 1839 г. ещё не были утверждены. Поэтому Комитет западных губерний поручил Министерству внутренних дел и Министерству государственных имуществ написать лишь общие правила для составления инвентарей, а для их применения к каждому имению учредить на местах особые комиссии. На это положение 21 февраля 1841 г. последовало заключение Николая I: «Делом сим не медлить, я считаю его особенно важным и ожидаю от сей меры большой пользы».³

Нужно отметить, что в 1840 г. инвентарная реформа не нашла полного одобрения у всех местных властей. Прямо за введение инвентарей высказывались только гродненский губернатор Г. Г. Доппельмайер и правитель Белостокской области Гуранопуло. Виленский генерал-губернатор Н. А. Долгоруков, хотя и признавал положение помещичьих крестьян «Западного края» худшим, чем великорусских, от прямого ответа отказался: «Не зная цели улучшения, невозможно указать и средств».⁴

² РГИА. Ф. 1266. Д. 26. Л. 271 об.

**КОМИТЕТ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ
ПОРУЧИЛ МИНИСТЕРСТВУ ВНУТ-
РЕННИХ ДЕЛ И МИНИСТЕРСТВУ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ
НАПИСАТЬ ОБЩИЕ ПРАВИЛА
ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ИНВЕНТА-
РЕЙ, А ДЛЯ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ
К КАЖДОМУ ИМЕНИЮ УЧРЕДИТЬ
НА МЕСТАХ ОСОБЫЕ КОМИССИИ**

³ РГИА. Ф. 1266. Д. 34. Л. 33.

⁴ Жукович П. И. О русском землевладении в Северо-Западном крае... С. 21.

Минский губернатор Н. В. Сушков считал отношение помещиков к крестьянам столь ненормальным, что боялся, что малейшее распоряжение правительства об улучшении положения помещичьих крестьян возбудит волнения против помещиков. Новоназначенный в 1840 г. виленский генерал-губернатор Ф. Я. Миркович хотя и склонялся в пользу введения инвентарей, но слишком нерешительно: «Следовало бы только на первых порах ограничить самоволие помещиков, ... но при сем необходимо заметить, что применение общего инвентаря ко всем имениям едва ли возможно».⁵

⁵ Жукович П. И. *О русском землевладении в Северо-Западном крае...* С. 22.

Совсем иную позицию занимал киевский генерал-губернатор Д. Г. Бибиков. В начале 1844 г. он ходатайствовал перед министром внутренних дел об ускорении введения инвентарей. На записке император написал: «Я нахожу это предложение весьма важным и дельным».⁶ Записка Д. Г. Бибикова стала основой для изданного Комитетом западных губерний 1 апреля 1844 г. положения о введении инвентарей,⁷ утверждённого императором и принявшего силу закона 15 апреля 1844 г. Отныне рассмотрение и составление инвентарей поручалось губернским инвентарным комитетам под председательством генерал-губернаторов и в составе губернского предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора, чиновника от генерал-губернатора, а также избранных дворянством губернии трех помещиков и одного уездного предводителя. Для рассмотрения и составления инвентарей помещичьих имений комитеты должны были требовать от помещиков инвентари, рассматривать их, исправлять и дополнять, составлять новые в тех имениях, где их не было. В случае удовлетворительной оценки представляемого в комитеты инвентаря его могли ввести в действие не более как на 6 лет. Впоследствии, проанализировав отчёты инвентарных комитетов, планировалось ввести постоянные инвентари.

⁶ РГИА. Ф. 1266. Д. 34. Л. 60.

⁷ РГИА. Ф. 1266. Д. 34. Л. 23-95.

Основную часть проекта «Положения» занимали «Правила для руководства при составлении инвентарей». Предусматривая разделение крестьян на тяглых, огородников и бобылей, «Правила» вменяли в обязанность помещикам по возможности уменьшать число крестьян, «которые не имеют сельского хозяйства и домашней оседлости», предоставляя им право по своему усмотрению наделять крестьян землёй. Повинности крестьян делились на главные (барщина, оброк, сгоны) и добавочные (шарварки, подорожизна, сторожовство, данины, пряжа и др.). Размеры главных повинностей зависели от величины земельного участка, его качества и не должны

были превышать 1/3 валового дохода с надела. Добавочные же повинности отбывались как плата за дополнительные выгоды, предоставляемые для крестьян владельцами.⁸

В 1844 г. во всех западных губерниях были открыты инвентарные комитеты. Однако введение обязательных инвентарей происходило на территории западных губерний по-разному. На территории Правобережной Украины (в Киевской, Волынской и Подольской губерниях) при активном участии киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова был составлен инвентарь по однообразной форме, включившей в себя общие постановления и нормы. Этот проект инвентарной реформы рассматривался на заседании Комитета западных губерний 13 и 20 мая,⁹ а 26 мая 1847 г. «Правила для управления имениями по утверждённым для оных инвентарям в Киевском генерал-губернаторстве» были утверждены императором.

В Беларуси и Литве инвентари вводили другим путем – путем составления для каждого имения отдельно. В итоге, в Виленской и Ковенской, Гродненской, Минской губерниях инвентари вступили в действие в 1845, 1846, 1847 г. соответственно, а в Могилёвской и Витебской губерниях инвентаризация затянулась до 1857 г., когда вопрос уже был снят с повестки дня в связи с подготовкой отмены крепостного права.

Почему же инвентарную реформу постигла такая судьба в Могилёвской и Витебской губерниях? Изучив архивный материал, можно утверждать, что процессу введения обязательных инвентарей препятствовали местные помещики. Дворянство белорусских губерний воспринимало реформу, прежде всего, как мероприятие по сокращению своих доходов. Сразу же после провозглашения начала инвентаризации дворянство Витебской и Могилёвской губерний попросило назначить более продолжительный срок для составления описей своих имений. Оснований этому у него было два: во-первых, это многочисленные издержки на реализацию будущего переустройства, а во-вторых, им казалось, что этой мерой можно побудить крестьян к неповиновению.¹⁰ Но генерал-губернатор Витебской, Могилёвской и Смоленской губернии П. Н. Дьяков, исполняя «высочайшую» волю императора, отказал просьбе, считая, что «сего допустить ни в каком случае невозможно».¹¹ Тогда 5 мая 1845 г. дворянство Витебской губернии послало записку императору по делу об инвентарях. В ней выражалось согласие на «дарование крестьянам совершенной свободы»

⁸ НИАБ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1777. Л. 5-6.

⁹ РГИА. Ф. 1266. Д. 36. Л. 224-266.

ПРОЦЕССУ ВВЕДЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ИНВЕНТАРЕЙ ПРЕПЯТСТВОВАЛИ МЕСТНЫЕ ПОМЕЩИКИ. ДВОРЯНСТВО БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ ВОСПРИНИМАЛО РЕФОРМУ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, КАК МЕРОПРИЯТИЕ ПО СОКРАЩЕНИЮ СВОИХ ДОХОДОВ

¹⁰ НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 14746. Л. 16 об.-17.

¹¹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 11267. Л. 10 об.

¹² НИАБ. Ф. 1297.
Он. 1. Д. 18475.
Л. 4об.

в случае выплаты ссуды от правительства для поддержки быта крестьян по 15 рублей серебром на душу.¹² Дворяне предлагали учредить Комитет для определения обоюдных прав помещичьих крестьян и владельцев. Крестьяне могли заключать с помещиками договоры по своему усмотрению, а владельцы имели право отстранять крестьян от пользования землёй в случае невыполнения условий договора. По сути, это было первое предложение об отмене крепостного права на территории Беларуси, поступившее от высшего сословия. Нужно отметить, что Николая I очень заинтересовал этот проект. После прочтения записки 16 мая 1845 г. он поручил собрать сведения у всех помещиков Витебщины по вопросу будущего освобождения крестьян. Однако, вероятно, передумал, раз 3 октября 1847 г. из Министерства внутренних дел на имя генерал-губернатора П. Н. Дьякова пришло уведомление, согласно которому император настаивал на продолжении инвентарной реформы.¹³

¹³ НИАБ. Ф. 1297.
Он. 1. Д. 18475.
Л. 27-27об.

Нельзя полностью согласиться с тем, что после открытия Витебского (1 сентября 1844 г.) и Могилёвского (25 августа 1844 г.) инвентарных комитетов они не работали. Только дела там шли крайне медленно, что, безусловно, вызывало нарекания со стороны местных властей, министерств и самого императора. Так, уже 19 октября 1844 г. министр внутренних дел критиковал работу Витебского и Могилёвского инвентарных комитетов, считая, что они «вообще мало представляют успеха и удовлетворительности».¹⁴ Комитеты пытались активизировать действия помещиков, требуя подписку от владельцев о предоставлении инвентарей и устанавливая конкретные сроки на их окончательное предоставление властям. Витебский инвентарный комитет на заседании 14 декабря 1844 г. давал на подачу инвентарей два месяца помещикам, имевшим до 200 душ, три месяца – владевшим от 200 до 500 душ, четыре месяца – тем, кто имел 500-1000 душ.¹⁵ Это произвело некоторый эффект. Например, если до середины декабря 1844 г. в Витебский инвентарный комитет поступило лишь 34 инвентаря, то к 1 марта 1845 г. – уже 403, из которых рассмотрели лишь 17, утвердили 3, а 13 возвратили владельцам на доработку.¹⁶ Несколько лучше обстояли дела в Могилёвской губернии. Если на 13 декабря 1844 г. в местный инвентарный комитет поступило 120 инвентарей, то на 1 марта 1845 г. их числилось 601, из которых было рассмотрено 102 инвентаря, предоставлено на утверждение 77.¹⁷ К сентябрю 1845 г. в Витебский инвентарный комитет было

¹⁴ НИАБ. Ф. 1297.
Он. 1. Д. 14746. Л. 57.

¹⁵ НИАБ. Ф. 1297. Он. 1.
Д. 14746. Л. 87-89 об.

¹⁶ НИАБ. Ф. 1297. Он. 1.
Д. 14746. Л. 89 об.;
НИАБ. Ф. 1297. Он. 1.
Д. 14746. Л. 261 об.

¹⁷ Там же.

подано 894 составленных инвентаря, а в Могилёвский – 835.¹⁸ Но практически все они не соответствовали требованиям правительства и были возвращены для исправления. На заседании Комитета западных губерний 28 мая 1846 г. после двухлетней практики составления инвентарей были представлены отчёты генерал-губернаторов по поводу введения и утверждения инвентарных правил во вверенных им губерниях. Так, по донесению киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова на территории Правобережной Украины рассмотренными числились более 6400 инвентарей, в Виленском генерал-губернаторстве Ф. Я. Мирковича – 4110. Поступившие же в Витебский инвентарный комитет 150 инвентарных описей и в Могилёвский – 50 инвентарей подлежали возвращению и исправлению.¹⁹ К январю 1847 г. инвентарные комитеты Виленской и Ковенской губерний из 5781 ожидаемого инвентаря утвердили 4390. По Минской губернии на февраль 1847 г. инвентарным комитетом к исполнению было утверждено 2257 инвентарных описей имений.²⁰

На наш взгляд, можно выделить две главные причины столь затяжного процесса инвентаризации. Первая причина заключалась в технической стороне дела. Комитеты для рассмотрения и составления инвентарей помещичьих имений собирали статистические данные, неоднократно пересоставляли и пересматривали огромное число инвентарей. Всё это сказалось на темпах реформы. Более того, помещики Витебской и Могилёвской губерний при определении крестьянских повинностей, которые зависели, как говорилось ранее, от количества и качества земли, не имели вообще никакого понятия о правилах составления инвентарей, поскольку во многих имениях не было проведено ранее ни специального, ни генерального межевания.²¹

Второе обстоятельство, приведшее к столь затяжной инвентаризации, было связано с враждебным отношением к реформе самих помещиков. Обязательные инвентари, по их мнению, привели бы неминуемо к уменьшению их доходов, поскольку по новым правилам помещиков обязывали «продовольствовать» крестьян и платить за них повинности в случае недостачи.²² После неудачных попыток заморозить введение обязательных инвентарей, помещики вынуждены были спешить с их составлением, максимально укрепляя своё положение. Владельцы не рисковали завышать размер участка и занижать повинности крестьян, поскольку крестьяне могли добиваться выполнения норм, закреплённых в инвентаре.

¹⁸ *НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 15461. Л. 289.*

¹⁹ *РГИА. Ф. 1266. Д. 36. Л. 105 об.-106.*

²⁰ *НИАБ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1772.*

²¹ *НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 11267. Л. 43.*

²² *НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 11267. Л. 43 об.*

Поэтому данные обязательных инвентарей как о размере земельных наделов, так и о величине повинностей вполне можно считать достоверными.

ИНВЕНТАРНАЯ РЕФОРМА БЫЛА МЕНЕЕ УДАЧНОЙ, ЧЕМ МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕРЕВНИ, ПРОВЕДЕННАЯ МИНИСТРОМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ П. Д. КИСЕЛЁВЫМ, ОДНАКО СТОИТ ОТМЕТИТЬ, ЧТО С СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭТА РЕФОРМА ОФИЦИАЛЬНО УСТАНАВЛИВАЛА РАМКИ ПОМЕЩИЧЬЕЙ ВЛАСТИ И СОЗДАВАЛА НЕКОТОРУЮ ЛЕГАЛЬНУЮ ОСНОВУ ДЛЯ ЗАЩИТЫ КРЕСТЬЯНАМИ СВОИХ ИНТЕРЕСОВ

Значение инвентарной реформы для белорусских крестьян в большинстве исследовательских работ даётся однозначное: в экономическом плане она не принесла им облегчения. На наш взгляд, это поверхностная оценка проведённой реформы. В таком случае можно говорить и об узости земельной реформы 1861 г., принимая во внимания тот факт, что крестьянам пришлось выкупить землю по тройной цене. Безусловно, инвентарная реформа была менее удачной, чем модернизация государственной деревни, проведенная министром государственных имуществ П. Д. Киселёвым, однако стоит отметить, что с социально-правовой точки зрения, несмотря на ограниченность и непоследовательность процесса введения инвентарей, эта реформа официально устанавливала рамки помещичьей власти и создавала некоторую легальную основу для защиты крестьянами своих интересов. Более того, инвентарная реформа впервые побудила дворянство белорусских губерний задуматься об отмене крепостного права.

Список использованных источников

1. Жукович, П. И. О русском землевладении в Северо-Западном крае со времени присоединения его к России / П. И. Жукович. – СПб., 1895.
2. Шульгин, В. Я. Юго-западный край в последнее двадцатипятилетие (1838-1863) / В. Я. Шульгин. – Киев, 1864.
3. Неупокоев, В. И. Подготовка проекта инвентарных правил и применение инвентарного положения 1844 г. в Литве / В. И. Неупокоев // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР / Ин-т истории СССР. – Сб. V. – М., 1962.
4. Кернажыцкі, К. Г. Гаспадарка прыгоннікаў на Беларусі ў канцы XVIII і першай палове XIX ст. (Да праблемы разлажэння феадалізма ў Беларусі) / К. Г. Кернажыцкі. – Мн., 1935.
5. Чепко, В. В. Сельское хозяйство Белоруссии в первой половине XIX века / В. В. Чепко. – Мн., 1966.
6. Сосна, У. А. Фарміраванне саслоўна-групавога складу сялянства Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / У. А. Сосна. – Мн., 2000.
7. Российский государственный исторический архив.
8. Национальный исторический архив Беларуси.

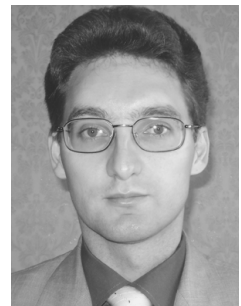
Дата паступлення ў рэдакцыю 26.01.2009.

У. А. Падалінскі

УХВАЛЕННЕ ПАДАТКАЎ НА ВАЛЬНЫХ СОЙМАХ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ ЯК ФАКТАР ПАЛІТЫЧНАЙ БАРАЦЬБЫ (1593-1598 гг.)

Прызначэнне падаткаў заўсёды было адным з важнейшых пытанняў сацыяльна-палітычнага жыцця Рэчы Паспалітай. Пастаянных прыбыткаў дзяржаўны скарб меў мала, кароль польскі і вялікі князь літоўскі не мог ажыццяўляць больш-менш сур'ёзныя крокі ва ўнутранай і знешняй палітыцы толькі за кошт свайго дамена, а прызначаць падаткі можна было выключна са згоды вальнага сойма.¹ У такой сітуацыі пастаянна ўзнікала неабходнасць звяртацца да «палітычнага народа» Рэчы Паспалітай, каб ухваліць новыя аднаразовыя паборы з насельніцтва. Аднак далёка не заўсёды планы кіраўніка дзяржавы супадалі з інтарэсамі шляхты. Вакол прызначэння падаткаў на соймах і соймаках разгараліся напружаныя спрэчкі. Ухваленне пабораў часта пераходзіла з сацыяльна-эканамічнай сферы ў палітычную. Прыкладам гэтаму можа быць канфлікт паміж каралём і вялікім князем Жыгімонтам Вазам і палітычнай элітай Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) вакол ухвалення падаткаў у 1593 і 1595 гг.

Структура і функцыянаванне фінансавай сістэмы Рэчы Паспалітай канца XVI ст. разглядалася галоўным чынам у польскай гістарыяграфіі.² Так, Я. Жоньца адлюстравалі спрэчкі вакол ухвалення падаткаў падчас соймавых кампаній 1597 і 1598 гг. Непасрэдна скарбу ВКЛ прысвечаны працы А. Філіпчак-Коцур. Яна ж закранула ў сваіх даследаваннях і канфлікт вакол падаткаў 1593 і 1595 гг., але толькі ў агульных рысах. Паспрабуем раскрыць гэтае пытанне з дапамогай больш шырокага кола матэрыялаў, што датычаць грамадска-палітычнага жыцця Рэчы Паспалітай 1590-х гг., прыцягнуўшы звесткі з новых крыніц.

Падалінскі Уладзімір Аляксеевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, працуе ў Беларускай дзяржаўным эканамічным універсітэце, кафедра эканамічнай гісторыі. Сферай навуковых інтарэсаў з'яўляюцца парламенцкая сістэма і палітычныя эліты ВКЛ, сацыяльна-палітычныя працэсы на беларускіх землях у XVI – пачатку XVII ст. Аўтар больш 30 навуковых і вучэбна-метадычных публікацый.

¹ *Volumina Constitutionum. T. II, vol. 1. S. 329, 369.*

² *Pałucki W. Drogi i bezdroża skarbowości polskiej XVI i pierwszej połowy XVII wieku.*

Супярэчнасці паміж Жыгімонтам Вазам і палітычнай элітай ВКЛ пачаліся з самага пачатку яго панавання ў Рэчы Паспалітай. Адбілася гэта і на зацвярджэнні падаткаў. Ужо на каранацыйным сойме 1587 / 1588 г. літвіны, спаслаўшыся на рашэнні з'езда 1587 г. у Берасці, адмовіліся ўхваляць падаткі.³ Не прызналі прадстаўнікі ВКЛ і падатковых рашэнняў сойма 1590 г. з-за нежадання Жыгімонта Вазы, насуперак настойлівым просьбам літвінаў, накіраваць у Маскоўскую дзяржаву пасольства і ратыфікаваць з ёй мір, заключаны яшчэ ў 1587 г.⁴ На наступным сойме 1590/1591 г. земскія паслы Вялікага Княства, спаслаўшыся на абмежаваныя паўнамоцтвы, пытанне аб зацвярджэнні пабору перанеслі на абмеркаванне рэляцыйных соймаў у паведах.⁵ У пачатку 1592 г. падаткі зноў сталі прычынай канфлікту паміж Жыгімонтам Вазам і палітычнай элітай ВКЛ. Кароль і вялікі князь склікаў на 23 лютага ў Вільні Галоўны з'езд з мэтай ухвалення падатку на забеспячэнне ўласных фінансавых патрэбаў, у т. л. і звязаных са сваім будучым вяселлем.⁶ Ініцыятыва выклікала сур'ёзны раскол сярод шляхты і кіруючых колаў Княства. Супраць выступіў віленскі ваявода Крыштоф Радзівіл, які лічыў, што з'езд скліканы супраць права, бо прызначаць падаткі можна было толькі са згоды сойма. У той жа час трокскі ваявода Мікалай Крыштоф Радзівіл і канцлер Леў Сапега выступілі на баку караля. Віленскі і лідскі соймакі забаранілі сваім паслам ухваляць нейкія субсідыі, соймак Менскага паведа нават не абраў дэпутатаў, а вось соймак у Троках падтрымаў намеры Жыгімонта Вазы.⁷ У выніку, Галоўны з'езд ВКЛ 1592 г. так і не прыняў аніякіх пастановаў.⁸

Выкажам меркаванне, што адмова ўхваляць падаткі у 1592 г. была звязана не толькі з мэтай склікання Галоўнага з'езда, якая супярэчыла праву. З 1591 г. «палітычны народ» ВКЛ супрацьстаяў прызначэнню Жыгімонтам Вазам на пасаду віленскага біскупа паляка – луцкага біскупа Бернарда Мацяёўскага. Ужо на Галоўным з'ездзе 1591 г. супраць гэтай намінацыі выступілі 11 сенатараў, у т. л. і найбольш уплывовыя дзеячы Вялікага Княства.⁹ Літвіны імкнуліся адстаяць сваё выключнае права займаць усе пасады ў ВКЛ, а адным са сродкаў ціску на пазіцыю Жыгімонта Вазы для палітычнай эліты Княства стала згода на падаткі.

Вальны сойм Рэчы Паспалітай 1593 г. быў у асноўным прысвечаны плануемай паездцы Жыгімонта Вазы ў Швецыю. У лістападзе 1592 г. памёр шведскі кароль Ёхан III, бацька Жыгімонта. Перад каралём польскім і вялікім князем літоўскім

³ *Archiwum Domu Sapieżów... S. 30-31; Lepszy K. Walka stronictw w pierwszych latach panowania Zygmunta III. S. 175-176.*

⁴ *Konopczyński W. Libero veto: studyum porównawczo-histeryczne. S. 433-435.*

⁵ *НГАБ. КМФ-18. Bon. 1. Спр. 283. Арк. 79-79адв., 81-81адв., 82адв. – 83адв.; VL. T. 2. 1859. S. 333.*

AGAD. AR. Dz. II. Nr. 246A; ADS, s. 61;

Rachuba A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569-1763. S. 252-253.

⁶ *Kempa T. Mikołaj Krzysztof Radziwiłł «Sierotka» (1549-1616) wojewoda wileński. S. 281;*

Rachuba A. Wielkie Księstwo... S. 253.

⁷ *ADR. S. 211-213.*

⁸ *Rachuba A. Wielkie Księstwo... S. 253.*

⁹ *AGAD. AR. Dz. II. Nr. 294. S. 4-6.*

адкрывалася магчымасць стаць яшчэ і каралём Швецыі. Скліканы сойм павінен быў даць дазвол Жыгімонту Вазе на выезд за межы Рэчы Паспалітай і забяспечыць фінансаванне.

Сенат і пасольская ізва не вельмі прыхільна аднесліся да мяркуемага падарожжа. Праца ўскладнялася спрэчкамі аб віленскім біскупстве і рэлігійным міры ў краіне. Пасля таго як Жыгімонт Ваза пайшоў на саступкі шляхце, у прыватнасці, абяцаў далучыць да Рэчы Паспалітай Эстляндыю, ён атрымаў згоду на візіт у Швецыю, абяцаўшы на працягу года вярнуцца назад.¹⁰ Быў зацверджаны падатак на выправу Жыгімонта Вазы ў сваё дзедзічнае каралеўства, а таксама на абарону Рэчы Паспалітай у час адсутнасці караля ў краіне. ВКЛ павінна было выдаткаваць на паездку 100000 польскіх злотых. Аднак прадстаўнікі Вялікага Княства, як і некаторыя ваяводствы і землі Польшчы, з-за абмежаваных паўнамоцтваў ад сваіх выбарцаў не згадзіліся ўхваліць пабор на сойме і перанеслі яго абмеркаванне на рэляцыйныя соймікі, прызначаныя на 20 ліпеня 1593 г.¹¹

Жыгімонт Ваза, зацікаўлены ў хутчэйшым зацвярджэнні падаткаў, пасля сойма склікаў у Вільні на 30 ліпеня 1593 г. Галоўны з'езд.¹² Кароль з вялікай доляй верагоднасці мог спадзявацца на спрыяльны для сябе вынік. Палітычная эліта ВКЛ у цэлым падтрымлівала намеры Жыгімонта Вазы паехаць у Швецыю і захаваць за сабой шведскую карону, бо пры адзіным уладары зніклі б падставы для ўзброенага канфлікту Рэчы Паспалітай са Швецыяй за Інфлянты. Шляхта была зацікаўлена і ў далучэнні да Рэчы Паспалітай Эстоніі. У сваю чаргу, спакой у гэтых правінцыях добра адбіўся б на гандлёвым патэнцыяле Рыгі, што з'яўлялася надзвычай важным для экспарту сельскагаспадарчай прадукцыі з ВКЛ.¹³

Сапраўды, Галоўны з'езд 7 жніўня 1593 г. ухваліў патрэбны падаткі. На выправу ў Швецыю накіроўваліся ланавы падатак (стаўка 15 грошай з лану) з шосам і пагалоўны пабор з яўрэяў (15 гр. «з кожнай галавы»). На з'ездзе таксама ўхвалілі чопавы падатак на забеспячэнне абароны ВКЛ ад магчымага ўварвання татар.¹⁴ Аднак пастанова з'езда ўтрымлівала адну надзвычай важную агаворку.

Прысутныя ў Вільні сенатары і паслы ад шляхты прасілі Жыгімонта Вазу надаць перад ад'ездам у Швецыю віленскае біскупства літвіну. Яны лічылі, што намінацыя паляка на першы духоўны ўрад ВКЛ супярэчыць праву, рашуча заяўлялі, што не дапусцяць, каб Б. Мацяёўскі атрымаў біскупства: «У тым аб'ячаем сабе словам нашым шляхецкім, што

¹⁰ AGAD. Archiwum Publiczne Potockich. Zbiór Dyaryuszów seymowych za panowania Zygmunta III. T. 1 (1585-1607). S. 478-531;

Жукович П. Сёмова вая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.). С. 85-89;

ADR. S. 112; ADS. S. 76-77;

Rzońca J. Rzeczpospolita Polska... S. 152; VL. T. 2. S. 341;

Wisner H. Najjaśniejsza Rzeczpospolita. Szkice z czasów Zygmunta III i Władysława IV Wazy. S. 91.

¹¹ VL. T. 2. S. 348.

¹² Rachuba A. Wielkie Księstwo... S. 254.

¹³ Wisner H. *Opinia szlachecka Rzeczpospolitej wobec polityki szwedzkiej Zygmunta III w latach 1587-1632.*

¹⁴ РНБ. Фонд 957. Pol. F. IV. № 130. Л. 33-34;

AGAD. AR. Dz. II. Nr. 257. S. 1-2.

адзін другога адступіць не можам, усе разам стаяць жадаем і будзем». Асабліва зазначалася: «калі б Я [го] К [аралеўская] М [іласць] тых артыкулаў, якія правоў, вольнасцей нашых да тычаць, не задаволіў, тады паны дэпутаты з адасланнем таго пабору да яго каралеўскай міласці затрымацца маюць да таго часу, пакуль бы з усімі намі ў тым паразумеліся і паведамленне ад нас усіх атрымалі, што з тым далей рабіць павінны будуць».¹⁵

¹⁵ Цыт. паводле: РНБ. Ф. 957. Пол. F. IV. № 130. Л. 360тв.– 37, 39-390тв.

Такім чынам, літвіны ўхвалілі падатак на паездку Жыгімонта Вазы ў Швецыю, але яго выплату паставілі ў залежнасць ад сваіх патрабаванняў. Да караля і вялікага князя з Вільні накіравалася пасольства ковенскага земскага пісара Міхаіла Сумарока і Яна Корсака.¹⁶ Аднак Жыгімонт Ваза адправіўся ў Шведскае каралеўства, так і не задаволіўшы пастулатаў Галоўнага з'езда. У сваю чаргу, шляхта ВКЛ успрыняла гэта як «няласку» з боку Жыгімонта і збіраць падатак не стала. У паведах нават не хацелі выбіраць паборцаў. Увосень 1594 г., ужо пасля вяртання са Швецыі, кароль у лісце да менскага ваяводы Яна Абрамовіча нагадаў пра абяцаны літвінамі пабор. Менскі ваявода адказаў, што галоўнай перашкодай у яго выдачы з'яўляецца канфлікт вакол віленскага біскупства.¹⁷ Супярэчнасці паміж Жыгімонтам Вазай і палітычнай элітай ВКЛ паглыбляліся ўсё больш і больш.

¹⁶ Лаппо И. И. Люблинская уния... С. 121.

¹⁷ AGAD. AR. Dz. II. Nr. 305. S. 3; Dz. V. Nr. 16. S. 19;

Filipczak-Kocur A. Skarbowość Rzeczypospolitej... S. 270, 365.

Тым не менш, Жыгімонт Ваза не збіраўся адступаць ні ў справе з віленскім біскупствам, ні ў выплаце ў надворны скарб 100000 зл. З аднаго боку, ён спрабаваў перацягнуць на свой бок частку кіруючых колаў ВКЛ. Яшчэ ў маі 1594 г. з'явілася інфармацыя аб нейкай згодзе паміж братамі Хадкевічамі – Юрыем, старостам жамайцкім, і Еранімам, ваяводам мсціслаўскім. Нібыта ў выпадку атрымання апошнім вельмі прыбыткавага берасцейскага староства Хадкевічы, а значыць і залежная ад іх шляхта, гатовы былі згадзіцца на выплату пабору і не прырэчыць каралю і вялікаму князю ў намінацыі паляка віленскім біскупам.¹⁸ Безумоўна, такія пагадненні не былі магчымы без інспірацыі з боку каралеўскага двара. Былі ў Вялікім Княстве асобы, якія больш лаяльна ставіліся да палітыкі Жыгімонта Вазы і не хацелі абвастрэння адносінаў як паміж каралём і літвінамі, так і паміж ВКЛ ды Польшчай. Л. Сапега ў сакавіку 1594 г. у лісце да К. Радзівіла даводзіў, што літвінам, зважаючы на ўмовы Люблінскай уніі і небяспеку для Польшчы з боку татар, неабходна дапамагчы палякам.¹⁹ Зразумела, што такой дапамогай магла быць і згода на падаткі. З другога боку, двор аказваў ціск на шляхту Вялікага Княства праз судовую сістэму. Вядома, што ў 1594 г. у справе нявыдачы пабору

¹⁸ ADS. S. 89.

¹⁹ ADR. S. 215.

ў Трыбунал ВКЛ быў «пазваны» паборца Аршанскага павета падстолі аршанскі Ян Вадэрацкі. Аднак і на гэты раз шляхецтва праявіла паслядоўнасць і салідарнасць: «Суд Трыбунальскіі всих поборцов на он час волным в том поборе чыначы у вину их не клал, але до згоды всих обывателей великого князства Литовского отложыль». ²⁰ У тым жа 1594 г. аршанская шляхта пацвердзіла, што выдаваць пабор не будзе. ²¹

6 лютага 1595 г. у Кракаве Жыгімонт Ваза склікаў чарговы вальны сойм. Мэтай яго павінна было стаць усебаковае забеспячэнне абароны Рэчы Паспалітай у сувязі з магчымай вайной з Турцыяй і татарамі. У ВКЛ чакалі, што на павятовых сойміках будзе ўзнята пытанне аб выплаце пабору 1593 г., але ў каралеўскай перадсоймавай інструкцыі непасрэдна пра ўхваленне падаткаў нічога не гаварылася, верагодна, каб не абвастраць апазіцыйных настрояў сярод шляхты. Як інфармаваў 23 снежня 1594 г. К. Радзівіла Я. Абрамовіч, «перашкода для выбірання пабору – толькі біскупства». ²²

Скліканне сойма ў Кракаве, а не ў Варшаве, як вызначалі канстытуцыі Люблінскага сойма 1569 г., стала прычынай значнай незадаволенасці і ў Польшчы, і ў ВКЛ. К. Радзівіл фактычна пайшоў на адкрыты канфлікт з каралём і вялікім князем. Віленскі ваявода расцэньюваў правядзенне сойма ў Кракаве як спробу Жыгімонта Вазы і палякаў усё ж дабіцца прызначэння Б. Мацяёўскага віленскім біскупам і прапаноўваў на сойм не ехаць, а толькі адправіць дэлегацыю з Галоўнага сойма ў Слоніме. ²³

Земскія паслы ВКЛ усё ж прыбылі ў Кракаў, але на самым пачатку сойма адмовіліся абмяркоўваць абарону Рэчы Паспалітай ці прыступаць да якіх-небудзь іншых спраў, пакуль віленскае біскупства не будзе нададзена літвіну. Жыгімонт Ваза гэтых патрабаванняў не выканаў і абвінавачваў К. Радзівіла, што той імкнецца сарваць сойм. Тым не менш, паслы Вялікага Княства не сарвалі працу сойма, а далучыліся да яго рашэнняў. ²⁴ Магчыма, гэта было заслугай прысутных у Кракаве сенатараў-раялістаў: М. К. Радзівіла, Ю. Хадкевіча, Л. Сапегі, падканцлера Г. Войны, земскага падскарбія Дзмітрыя Халецкага. ²⁵

Праўда, далучыліся літвіны да рашэнняў сойма толькі часткова. У Кракаве быў ухвалены ланавы (стаўка – 1 зл. з лану) і чопавы падаткі, мыта (цло) і «пагалоўнае жыдоўскае», але прадстаўнікі ВКЛ з-за абмежаваных паўнамоцтваў адмовіліся ўхваляць пабор на сойме і перанеслі яго разгляд на рэляцыйныя соймкі. ²⁶ А на заключным пасяджэнні сойма ад імя ўсіх паслоў ВКЛ перад Жыгімонтам Вазам выступіў

²⁰ НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 285. Арк. 273адв.

²¹ Тамсама. Арк. 273 адв.– 274.

²² AGAD. AR. Dz. II. Nr. 325. S. 1-7 ; Dz. V. Nr. 16. S. 29.

²³ Падалінскі У. Грамадская думка шляхты Вялікага Княства Літоўскага канца XVI ст.... С. 12-24.

²⁴ Лапно И. И. Люблинская уния... С. 127-130; ADR. S. 217; ADS. S. 100, 102-104; AGAD. AR. Dz. V. Nr. 1901. Cz. II. S. 7.

²⁵ ADS. S. 103, 110; Serebnyk J. Senatorowie Rzeczypospolitej na sejmach Zygmunta III Wazy (1587-1632). S. 176.

²⁶ Filipczak-Kocur A. Skarbowość Rzeczypospolitej... S. 270-271; VL. T. 2. S. 355-363.

ашмянскі пасол, каралеўскі сакратар Ян Чыж. Ён заклікаў караля захоўваць правы і свабоды Княства, прызначыць віленскага біскупа «з нашага народа» і папярэдзіў, што ў выпадку невыканання гэтых просьбаў шляхта ВКЛ можа не выканаць рашэнняў сойма.²⁷

²⁷ Лаппо И. И. Люблинская уния... С. 128-129; ADR. S. 221.

Адразу пасля заканчэння сойма Жыгімонт Ваза імкнуўся праз сваіх прыхільнікаў схіліць «палітычны народ» Княства да ўхвалення падатку 1595 г. і выдання пабору 1593 г. У красавіку Л. Сапега ў сваіх лістах перадаваў К. Радзівілу асабістую просьбу Жыгімонта Вазы дапамагчы паўплываць на шляхту з мэтай хутчэйшага зацвярджэння і выдачы патрэбных падаткаў для наёму войска ды дапамогі палякам у вайне з татарамі.²⁸ Заклікаў віленскага ваяводу не абмінуць магчымасці наймаць жаўнераў, як толькі будзе выданы пабор, і Д. Халецкі.²⁹ Цалкам верагодна, што іншыя сенатары-раялісты таксама рабілі падобныя захады. Аднак хваля незадаволенасці сярод шляхты ВКЛ толькі шырылася, і ў значнай ступені гэта было выклікана зместам выданных соймавых канстытуцый і падатковага універсала.

²⁸ ADS. S. 107-108; ADR. S. 218-219.

²⁹ AGAD. AR. Dz. V. Nr. 1901. Cz. II. S. 12.

Ва універсале вызначаўся парадак збору прынятых у Кракаве падаткаў, але не адзначалася, што паслы ВКЛ перанеслі іх ухваленне на паслясоймавыя соймікі. Да таго ж соймам зацвярджаўся і пабор 1593 г., а 100000 зл. з яго накіроўваліся на патрэбы Жыгімонта Вазы. Пра асаблівыя ўмовы літвінаў, прадстаўлення каралю на з'ездзе, ва універсале не згадвалася зусім.³⁰

³⁰ VL. T. 2. S. 362.

Непасрэдна пасля сойма ў люблінскія гродскія кнігі была ўнесена пратэстацыя віленскага пасла Аляксандра Хадкевіча. У ёй гаварылася, што ў надрукавання канстытуцыі і універсал былі ўнесены рэчы, «аб якіх на сойме ніякай згадкі не было», у прыватнасці, аб прызначэнні пабору 1593 г. на патрэбы Жыгімонта Вазы.³¹ У чэрвені 1595 г. Л. Сапега мусіў апраўдвацца, што з-за адмовы паслоў ВКЛ ухваляць пабор, падатковы універсал рэдагавалі канцлер Кароны Ян Замойскі і некалькі польскіх паслоў, а канцылярыя Вялікага Княства ніякага дачынення да гэтага не мела і апавясціла ўсе паветы ВКЛ, што іх паслы на сойме нічога не ўхвалялі, і адпаведны запіс быў унесены ў канцылярскія кнігі.³²

³¹ AGAD. AR. Dz. II. Nr. 326. S. 1; Filipczak-Kocur A. Skarbowość Rzeczypospolitej... S. 271, 365.

³² ADR. S. 220-221.

Больш яскрава настроі шляхты праявіліся на павятовых рэляцыйных сойміках ВКЛ, скліканых Жыгімонтам Вазам 5 мая 1595 г.³³ Што датычыць новых падаткаў, прынятых у Кракаве, то шляхта гатова была іх ухваліць, але з пэўнымі ўмовамі. Віленскі соймік, спасылаючыся на ўмовы уніі,

³³ AGAD. AR. Dz. II. Nr. 294. S. 1-2; Падалінскі У. Грамадская думка шляхты... С. 20-21.

не хацеў зацвярджаць падаткі, пакуль усе жыхары Польшчы не згодзяцца на пабор, вызначаны на сойме.³⁴ Ашмянскі, Аршанскі і Менскі соймакі, зважаючы на небяспеку для Рэчы Паспалітай і ўсяго хрысціянства, а таксама на «братэрскую міласць» да палякаў, якім туркі ды татары пагражалі больш, чым літвінам, згадзіліся на пабор, але збіраць яго можна было толькі пасля згоды ўсіх станаў ВКЛ.³⁵ Калі аршанская шляхта магчымасць для такой «згоды» бачыла на наступным вальным сойме, то віленская і жамоіцкая шляхта для абмеркавання і ўхвалення пабору 1595 г. прасіла склікаць у Княстве Галоўны з'езд.³⁶ Шляхта Упіцкага павета ўвогуле адмаўлялася падтрымліваць што-небудзь з прапаноў караля без згоды «старшых паноў», у прыватнасці, К. Радзівіла, і таксама прасіла склікаць Галоўны з'езд.³⁷

Віленскі, Менскі і Аршанскі соймакі адносна падаткаў 1593 г. нагадалі, што яны былі ўхвалены Галоўным з'ездам з пэўнымі ўмовамі да Жыгімонта Вазы. Кароль іх не выканаў, таму падаткі «нідзе ў ВКЛ не выдавалі».³⁸ Менская шляхта зазначала, што без супольнай згоды ўсіх станаў Княства выдачу 100000 зл. абмяркоўваць не будзе, тым больш, што пра тыя падаткі не было згадкі ні на соймаках перад соймам 1595 г., ні на Галоўным соймаку ў Слоніме, ні на самім сойме ў Кракаве.³⁹ Да «згоды ўсіх станаў» ВКЛ адклала рашэнне па артыкулах з каралеўскай прапазіцыі, «аб якіх на сойме згоды ці згадкі не было», і ашмянская шляхта. Верагодна, пад гэтай фармулёўкай хаваліся і пытанне аб паборы 1593 г. Ашмянскі павет, пры ўсеагульнай згодзе ў Княстве, гатовы быў падтрымаць гэтыя артыкулы, калі яны прынясуць карысць Рэчы Паспалітай, не будуць парушаць правоў і вольнасцей шляхты. Разам з тым выказвалася спадзяванне, што і Жыгімонт Ваза выканае ўсе просьбы ад станаў ВКЛ.⁴⁰

Такім чынам, рэалізаваныя соймакі ў ВКЛ прайшлі зусім не па задуме двара. Шляхта не збіралася без выканання сваіх патрабаванняў выплачваць пабор 1593 г., а ўхваленне падаткаў 1595 г. адклалася на нявызначаны тэрмін. Згода на падаткі стала важным інструментам палітычнага ціску на караля ў справе аб віленскім біскупстве. У сваю чаргу, Жыгімонт Ваза ў 1595 г. Галоўны з'езд ВКЛ не склікаў.⁴¹ Магчыма, ён асцерагаўся таго, што з'езд стане нагодай для «апазіцыйнага» кансалідаванага выступлення шляхты, і паспрабаваў дасягнуць ухвалення і атрымання падаткаў іншым шляхам.

20 ліпеня 1595 г. Жыгімонт Ваза выслаў дзяржаўцам гаспадарскіх уладанняў у ВКЛ лісты, у якіх заклікаў іх хутчэй

³⁴ AGAD. AR. Dz. II. Nr. 303. S. 3-4.

³⁵ Ibidem. Nr. 301. S. 3-4; Nr. 305. S. 1; Nr. 307. S. 1-2.

³⁶ Ibidem. Nr. 301. S. 3-4; Nr. 303. S. 4; Rachuba A. Wielkie Księstwo... S. 255.

³⁷ AGAD. AR. Dz. II. Nr. 300. S. 1-2.

³⁸ Ibidem. Nr. 301. S. 4; Nr. 303. S. 4-5; Nr. 305. S. 3.

³⁹ Ibidem. Nr. 305. S. 3.

⁴⁰ Ibidem. Nr. 307. S. 2.

⁴¹ ADR. S. 220; ADS. S. 107; Rachuba A. Wielkie Księstwo... S. 255.

выдаваць абодва паборы. Адносна падаткаў 1595 г. адзначалася, што на большасці рэляцыйных соймакаў «... на выдаване тогі побору водлуг постанова Вялікага княства Литовскага згодзілі се».⁴² Аб паборы 1593 г. нагадвалася, што ён на Галоўным з'ездзе ВКЛ быў «на потребы нашы позволены» (пра ўмовы, вылучаныя Жыгімонту Вазе тым з'ездам, ні слова не згадвалася) і ўжо нібыта «снат и выбран ест».⁴³ Разам з лістом быў высланы і універсал з апісаннем парадку збору гэтых пабораў.

Зусім іншая трактоўка падзей была, прынамсі, у часткі шляхты Вялікага Княства. У верасні 1595 г. на пасяджэнні Трыбунала ВКЛ у Менску былі прынесены лісты і падатковы універсал, адрасаваныя да Менскага ваяводства. Шляхта выступіла з пратэстам і накіравала да Жыгімонта Вазы Фёдора Волка з адпаведным пасланнем. У ім шляхта ацэньвала выданне падатковага універсала праз некалькі тыдняў пасля заканчэння сойма не інакш як «прыватным станаўленнем пабораў», што было «не толькі вялікай абразай правоў і вольнасцей нашых, але... канчатковай згубай і выкараненнем іх». Яшчэ раз нагадвалася, што пабор 1593 г. быў ухвалены з «пэўнымі кандыцыямі», і выказвалася спадзяванне, што кароль і вялікі князь адменіць гэтыя «прыватныя» і «шкадлівыя» універсалы.⁴⁴ Сярод падпісантаў не было ніводнага сенатара, а толькі прадстаўнікі павятовай шляхты, у т. л. падкаморы ашмянскі Мікалай Зяновіч, гаспадарскі маршалак Васіль Зянковіч Ціхінскі, полацкі земскі суддзя Ёсіф Корсак, падкаморы слоніцкі Рыгор Трызна, Ян Корсак Галубіцкі, Каспар Сясіцкі, Крыштоф Юндзіл і інш.⁴⁵ У пратэсце можна прасачыць уплыў К. Радзівіла. М. Зяновіч быў намеснікам віленскага ваяводы, Ф. Волк – кліентам біржанскіх Радзівілаў. Блізкімі да Радзівілаў былі і роды Сясіцкіх, Трызнаў, Юндзілаў, Корсакаў Галубіцкіх.⁴⁶

Таксама ў верасні 1595 г., у сувязі з абраннем новага жамойцкага староства, у Жамойць былі накіраваны каралеўскія лісты, якія заклікалі шляхту выдаваць падскарбію Д. Халецкаму два паборы і без склікання Галоўнага з'езда. Вядома, што Я. Абрамовіч упэўніваў жамойцкую шляхту, каб «цвёрда трымалася», г. зн. пабора не выдавала.⁴⁷

Аднак Жыгімонт Ваза не адступаў і зноў 18 верасня 1595 г. заклікаў сенатараў Вялікага Княства пачаць выплачваць падаткі і паўплываць на шляхту, але безвынікова – грошы да канца года ў скарб не паступілі.⁴⁸ Было відавочна, што ўхваленне спрэчных падаткаў не можа быць вырашана без абмеркавання на будучым вальным сойме.

⁴² AGAD. AR. Dz. II. Nr. 311. S. 1.

⁴³ Тамсама.

⁴⁴ Biblioteka Miejska im. Raczyńskich w Poznaniu. Rkps. 88. Listy do Sapiehów z lat 1502-1659. K. 91.

⁴⁵ Усяго падпісалася 17 шляхціцаў.

⁴⁶ Kempa T. Urzędnicy i klienci... S. 200; Ragauskienė R. Lietuvos Didžiosios... P. 325, 335, 368, 372, 373.

⁴⁷ AGAD. AR. Dz. V. Nr. 16. S. 41-42.

⁴⁸ Filipczak-Kocur A. Skarbowość Rzeczypospolitej... S. 272.

Тым не менш, настроі ў ВКЛ адносна выплаты падаткаў пачалі змяняцца. Верагодна, гэта было звязана са складаным знешнепалітычным становішчам Рэчы Паспалітай. Зноў з'явілася небяспека ўварвання татар. Восенню 1595 г. на абарону паўднёвых межаў рушыў Я. Замойскі з польскім войскам. У Польшчы нарасталала незадаволенасць пазіцыяй літвінаў у справе абароны краіны, палякі наракалі, што Вялікае Княства не выконвае ўмоў уніі. Я. Замойскі ў пачатку 1596 г. у лісце да К. Радзівіла па сутнасці абвінавачваў Княства ў ігнараванні патрэбаў абароны Рэчы Паспалітай. Ды і ў ВКЛ былі незадаволеныя тым, што нічым не дапамаглі польскаму войску (напр., Л. Сапега).⁴⁹ І калі абарона паўднёвых межаў Польшчы магла не вельмі турбаваць шляхту ВКЛ, то хутка небяспека прыйшла і ў іх дом.

У тую ж восень 1595 г. казацкія аддзелы Севярына Налівайкі з Украіны перайшлі на тэрыторыю Беларусі, захапілі Слуцк, а 13 снежня – Магілёў.⁵⁰ У пачатку 1596 г. шляхта некаторых павеатаў і ваяводстваў ВКЛ выходзіла ў паспалітае рушанне ці наймала за свае грошы жаўнераў для падаўлення бунту.⁵¹ Жыгімонт Ваза гатовы быў накіраваць на дапамогу 2000 жаўнераў, але нагадваў, што грошай на гэта няма ні ў надворным, ні ў земскім скарбе.⁵² І хаця канфлікт вакол віленскага біскупства толькі паглыбляўся, сярод палітычнай эліты расло разуменне, што без новых фінансавых сродкаў эфектыўнае і бяспечнае існаванне краіны немагчыма. 25 студзеня 1596 г., незадоўга да перадсоймавых соймаў ВКЛ, Л. Сапега выказаў думку, напэўна, бліzkую значнай частцы «палітычнага народа» Княства: «Трэба трымацца біскупства цвёрда, але і іншых спраў з-за гэтага не ўпускаць, асабліва, што датычыць бяспекі дзяржавы».⁵³ Відавочна, ужо з'яўляецца імкненне не звязваць пытанне аб прызначэнні літвіна віленскім біскупам з пытаннем аб ухваленні падаткаў.

На разгляд павятовых соймаў ВКЛ, скліканых перад вальным соймам 13 лютага 1596 г., Жыгімонт Ваза выносіў і пытанне аб падатках, прызначаных у 1593 і 1595 гг., але так і не выдадзеных.⁵⁴ На гэты раз пазіцыя шляхты ВКЛ была куды больш памяркоўнай.

У некаторых павеатах пабор, прызначаны ў Кракаве, сталі збіраць ужо ў тым жа 1595 г. Да пачатку 1596 г. частку гэтых падаткаў выбралі паборцы Ашмянскага, Віцебскага і Аршанскага павеатаў.⁵⁵ На Галоўным соймаку ВКЛ у сакавіку 1596 г. літвіны тлумачылі затрымку ў выданні пабору 1595 г. тым, што такое пытанне «не магло быць вырашана без з'езда»,

⁴⁹ *ADR. S. 116; ADS. S. 111, 116.*

⁵⁰ *Свяжынскі У. М. «Гістарычныя запіскі» Ф. Еўлашоўскага. С. 115; Кемпа Т. *Mikołaj Krzysztof...* S. 286-287.*

⁵¹ *РНБ. Ф. 971. Собрание автографов П. П. Дубровского. Авт. 321/1. № 21. Л. 1; AGAD. AR. Dz. II. Nr. 329. S. 1; Nr. 336. S. 1; Nr. 338. S. 1; VL. T. 2. S. 364.*

⁵² *ADS. S. 127.*

⁵³ *Ibidem. S. 125-126.*

⁵⁴ *РНБ. Ф. 957. Pol. F. IV. № 130. Л. 205, 206отв.; AGAD. AR. Dz. II. Nr. 346. S. 1-4.*

⁵⁵ *НГАБ. КМФ-18. Вон. 1. Спр. 285. Арк. 249, 256; AGAD. AR. Dz. II. Nr. 338. S. 1.*

⁵⁶ РНБ. Ф. 957. Пол. F.IV. №130. Л. 205.

⁵⁷ НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 285. Арк. 283.

⁵⁸ AGAD. AR. Dz. II. Nr. 346. S. 4.

⁵⁹ AGAD. AR. Dz. II. Nr. 356. S. 1-3.

⁶⁰ *Ibidem. S. 1; Ragauskienė R. Lietuvos Didžiosios... P. 168, 306-307.*

⁶¹ РНБ. Ф. 957. Пол. F.IV. №130. Л. 206отв.

⁶² Там же. Л. 204отв.— 205; AGAD. AR. Dz. II. Nr. 344. S. 2-3.

⁶³ AGAD. AR. Dz. II. Nr. 348a; VL. T. 2. S. 363-364.

⁶⁴ VL. T. 2. S. 364.

г. зн. без Галоўнага з'езда. Тым самым яны выракаліся абвінавачванняў ў ігнараванні патрэбаў Рэчы Паспалітай.⁵⁶

Аб выданні пабору 1593 г. меркаванні разышліся. Соймік Новагародскага павета даручыў сваім паслам, каб яны на сойме «*тот побор... дат позволили*», аднак толькі пры ўмове, «если бы на то згода всех станов великого князства Литовского была».⁵⁷ Аршанская шляхта ў соймавай інструкцыі нагадвала, што пабор ухваляўся з пэўнымі ўмовамі, якія не былі выкананы («на тот чась досыть не стало»), таму той падатак не выбіралі і грошай не маюць.⁵⁸ А вось вышэйшая частка палітычнай эліты ВКЛ, асабліва тыя, хто займаў прыдворныя ўрады, гатовы былі пагадзіцца выдаць пабор 1593 г. без усялякіх умоў. Так, на пасяджэнні перадсоймавага соймака ў Вільні ў лютым 1596 г. за тое, каб аддаць 100000 зл. Жыгімонту Вазе, выказаліся Д. Халецкі, падчашы Крыштоф Дарагастайскі, крайчы Андрэй Война, віленскі цівун Ян Пац (заклікаў шляхту выдаць і пабор 1595 г.) і, увогуле, большасць прысутных.⁵⁹ Цікава, што кліенты біржанскіх Радзівілаў смаленскі кашталян Вацлаў Агрыпа, віленскія гродскія суддзя і пісар Габрыэль Рыпінскі і Шчасны Багуматка ў сваіх выступах на тым соймаку ні словам не закранулі пытанне выплаты спрэчнага падатку.⁶⁰

Галоўны соймак 1596 г. схіляўся згадзіцца на збор падатку (1593 г.), але пры гэтым паслы павінны былі ўказаць каралю на вялікія спусташэнні ў Княстве (верагодна, гаворка ішла пра набег казакоў).⁶¹ Сенатарам і паслам даручалася дамовіцца ў Варшаве, каб шляхце тых зямель ВКЛ, якая выходзіла ў Паспалітае рушанне ці выдавала пабор на наём жаўнераў супраць казакоў, былі прадстаўлены льготы пры выплаце падаткаў, калі іх усё ж ухваляць на сойме, а найбольш пацярпелая шляхта Мазырскага і Рэчыцкага паветаў каб увогуле была вызвалена ад грашовых выплат.⁶²

На вальным сойме 1596 г. паслы ВКЛ згадзіліся выдаць на патрэбы абароны Рэчы Паспалітай падаткі «паводле універсалу сойма кракаўскага», таксама ва ўсёй краіне было прызначана «пагалоўнае жыдоўскае».⁶³ Агаворвалася, што шляхта Менскага, Новагародскага і Упіцкага паветаў, якая ў пачатку года ўжо выплочвала пабор на абарону ад казацкага бунту, атрымае адпаведныя льготы пры выплаце падаткаў.⁶⁴ Дарэчы, маршалкам пасольскай ізбы быў абраны К. Дарагастайскі, які, што яскрава выявілася яшчэ на соймаку ў Вільні, займаў пракаралеўскую пазіцыю ў пытанні ўхвалення падаткаў.

Хаця ў соймавых канстытуцыях зусім не адзначалася, што прадстаўнікі ВКЛ згаджаюцца і на выплату пабору 1593 г.,

каралеўская ўлада разумела іх змест менавіта так. Пасля заканчэння сойма ў ваяводства і паветы Княства на рэляцыйныя соймакі былі накіраваны гаспадарскія лісты «о выданье того побору», у якіх усім паборцам загадвалася адвозіць сабраныя грошы ў Вільню і рабіць перад падскарбіем справаздачу.⁶⁵ Жыгімонт Ваза, безумоўна, лічыў рашэнні гэтага сойма сваёй перамогай.

Аднак рэляцыйныя соймакі ў ВКЛ, якія павінны былі адбывацца ў пачатку чэрвеня 1596 г., прайшлі, прынамсі частка з іх, зусім не па сцэнары Жыгімонта Вазы. З аднаго боку, ухваленне пабору 1595 г. на мінулым сойме амаль не выклікала прэрэчання.⁶⁶ За выключэннем толькі шляхты Рэчыцкага павета, якая заяўляла, што падаткі ў сувязі з набегам казакоў «давати не могут и не хочут», і прасіла Жыгімонта Вазу «о одьпушченье взглядом знищенья того краю от козаковь, абы на них тотъ поборъ вытеганъ не былъ».⁶⁷ Грошы з гэтага пабору (1595 г.) сталі паступаць у земскі скарб ВКЛ недзе ўлетку 1596 г., і ўсяго было сабрана 118000 зл., без уліку воднага мыта і чопавага, якія трымаў у арэндзе скарбны ВКЛ Лукаш Мамоніч. З іх 67000 зл. былі выплачаны на ліквідацыю запазычанасці перад войскам, сабраным на падаўленне бунту С. Налівайкі.⁶⁸ Праўда, грошы збіраліся марудна, і не ўсе ваяводства іх выдалі, таму Жыгімонт Ваза вынес пытанне выплаты падатку і на разгляд наступнага сойма, скліканага 10 лютага 1597 г.⁶⁹

З іншага боку, з выдачай пабору 1593 г. зноў узніклі праблемы. У адных паветах згаджаліся на яго выплату, у іншых – не. Як паведамляў К. Радзівілу ў кастрычніку 1596 г. смаленскі ваявода Я. Абрамовіч, «пабор... у некаторых паветах і ваяводствах выбіраюць. У Вільні таксама, прыехаўшы з сойма, некалькі паноў маладых пастанавілі выдаваць (пабор – Ул. II.). У Ашмянах і ў Лідзе нават і не думаюць аб тым».⁷⁰ У такой сітуацыі Я. Абрамовіч прапаноўваў склікаць з'езд Віленскага ваяводства, на якім К. Радзівіл схіліў бы «Ашмяны, Ліду і іншыя паветы» да выдачы падаткаў. Разам з тым смаленскі ваявода гатовы быў цалкам даверыцца меркаванню віленскага ваяводы і зазначаў, што калі К. Радзівіл дасць згоду выдаць пабор, то пагодзяцца і іншыя.⁷¹ Невядома, каб такі з'езд адбыўся, але, напрыклад, ашмянская шляхта ўсё ж пачала выдаваць падатак. Да канца 1596 г. амаль увесь пабор, прынамсі, як сцвярджалася на соймаках перад соймам 1597 г., быў выдадзены ў Віленскім і Ашмянскім паветах.⁷² Падаткі былі сабраны і ў Берасцейскім павеце, шляхта толькі прыспешвала

⁶⁵ НГАБ. КМФ-18. Вон. 1. Спр. 285. Арк. 283, 409адв.

⁶⁶ НГАБ. КМФ-18. Вон. 1. Спр. 285. Арк. 239, 256, 287адв.

⁶⁷ Тамсама. Арк. 270-270адв.

⁶⁸ AGAD. AR. Dz. II. Nr. 355. S. 2; Filipczak-Kocur A. Skarbowość Rzeczypospolitej... S. 273, 357; Rzońca J. Rzeczpospolita Polska w latach... S. 11-15.

⁶⁹ Dyaryusze sejmowe roku 1597. S. 322-331

⁷⁰ AGAD. AR. Dz. V. Nr. 16. S. 46.

⁷¹ Ibidem.

⁷² Dyaryusze sejmowe roku 1597. S. 405, 409-410.

⁷³ АВАК. Т. 2. С. 151-152;
*Dyaryusze sejmowe
roku 1597. S. 417.*

⁷⁴ *Dyaryusze sejmowe
roku 1597. S. 422.*

⁷⁵ НГАБ. КМФ-18.
*Воп. 1. Спр. 285.
Арк. 283.*

⁷⁶ *Dyaryusze sejmowe
roku 1597. S. 413.*

⁷⁷ НГАБ. КМФ-18.
*Воп. 1. Спр. 285.
Арк. 283-283адв.*

⁷⁸ Тамсама.
Арк. 283адв.

⁷⁹ Тамсама.
Арк. 272-272адв.

⁸⁰ *Dyaryusze sejmowe
roku 1597. S. 413-414.*

⁸¹ АГАД. АР. Dz. II.
Nr. 361, 383.

⁸² *Kempa T. Urzędnicy
i klienci... S. 199-200,
204, 206-208;
Ragauskienė R. Lie-
tuvos Didžiosios...
P. 365, 369, 374-376.*

мясцовага паборцу сабраць грошы ў тых, хто іх яшчэ не выплаціў, і аддаць у рукі Д. Халецкага.⁷³ На Галоўным сойміку ВКЛ 30 студзеня 1597 г. пасол ад Жамойці Радзімінскі выказваўся за выплату абяцанага каралю пабору і заклікаў зрабіць тое ж самае і тых, хто не хоча яго выдаваць.⁷⁴

Затое шляхта Лідскага, Новагародскага і Менскага павеатаў заняла іншую пазіцыю. Галоўнае адрозненне было ў тым, што лідская і новагародская шляхта мелі зусім адрозны ад Жыгімонта Вазы погляд на вынікі мінулага сойма. А менавіта яна аспрэчвала падатковыя рашэнні сойма, каб мець такім чынам поўную свабоду дзеяння. В. Зянквіч Ціхінскі, новагародскі пасол на сойме 1596 г., адзначаў, што на тым сойме не было ўсеагульнай згоды дэлегацыі ВКЛ аб выдачы пабору 1593 г. і «оповедання многіе противь тому уросли», г. зн. супраць такога рашэння ўносіліся пратэстацыі.⁷⁵ У інструкцыі паслам на сойм 1597 г., складзенай на сойміку ў Лідзе, адзначалася, што на мінулым сойме выплата падатку 1593 г. «не дазволена і апрагэставана».⁷⁶ Разам з тым новагародская шляхта на рэляцыйным сойміку пасля сойма 1596 г. абрала паборцам В. Зянквіча Ціхінскага, але сваім лістом абмежавала яго паўнамоцтвы: забараніла яму аддаваць сабраныя грошы каму-небудзь «без згоды всіх обывателей земли Новгородское».⁷⁷ А тая частка шляхты, якая не прысутнічала на сойміку, увогуле адмовілася ўхваляць і выдаваць пабор, спаслаўшыся на тое, што на рэляцыйным сойміку «нового на нем ничего становится не могло».⁷⁸ Менскі рэляцыйны соймак таксама абраў павятовага паборцу – Васіля Балгарына. Аднак ён, як і паборца ў Новагародскім павеце, выбраўшы падатак, не мог нікому аддаваць грошы без волі і ведама ўсіх «абывацеляў» Менскага павеата, пакуль тыя не ўбачаць «в том усега великого князства Литовского згуду певную одностайную...».⁷⁹ Лідскі соймак увогуле не дазволіў выдаваць падатак. Яшчэ раз лідская шляхта нагадвала, што пабор 1593 г. абяцала выдаць толькі пры выкананні пэўных умоў, чаго не адбылося. Шляхта Лідскага павеата гатова была выдаць гэты пабор толькі пры ўмове, што на будучым сойме будзе на тое ўсеагульная згода і толькі на абарону ад небяспекі з боку Турцыі ды на наём жаўнераў.⁸⁰ Якую пазіцыю займалі іншыя павеаты ВКЛ, нам невядома. Заўважым, што лідская шляхта ў другой палове 1590-х гг. знаходзілася пад значным уплывам К. Радзівіла.⁸¹ Моцныя пазіцыі біржанская лінія Радзівілаў мела сярод новагародскай шляхты, залежалі ад іх і некаторыя ўплывовыя шляхецкія роды ў Менскім павеце – Валадковічы, Кавячынскія.⁸² Падобна, што

К. Радзівіл не асабіста, але праз залежную шляхту імкнуўся блакіраваць выдачу пабору, прызначанага на асабістыя патрэбы Жыгімонта Вазы.

Палітычная эліта ВКЛ у пытанні выплаты пабору 1593 г. падзялілася. Частка па-ранейшаму трымалася ўмоў, вылучаных Жыгімонту Вазе на Галоўным з'ездзе ў 1593 г., і супраціўлялася выдаваць пабор да ўрэгулявання канфлікту вакол віленскага біскупства. Іншыя ж згаджаліся на яго выплату. Да пошукаў кампрамісу падштурхоўвалі як знешнія і ўнутраныя небяспекі для Рэчы Паспалітай, так і павага шляхты да каралеўскай улады. Усё ж ісці на адкрыты канфлікт з каралём і вялікім князем былі гатовыя далёка не ўсе. На сойміку ў Вільні ў лютым 1596 г. частка шляхты аргументавала сваю згоду выдаць пабор тым, што яна гэта Жыгімонту Вазе абяцала.⁸³ Так шляхцічы і саступалі патрабаванням караля, і захоўвалі свой твар адначасова. Разам з тым адзначым, што да пачатку 1598 г. «палітычны народ» ВКЛ скансалідавана абараняў свае правы і выступаў супраць намінацыі паляка на ўрад віленскага біскупа.⁸⁴

На вальным сойме 1597 г. пытанне аб ухваленні новых падаткаў было адным з асноўных. Фінансавыя сродкі былі неабходныя на арганізацыю абароны Рэчы Паспалітай ад татар і турак, выплату запазычанасці жаўнерам, забеспячэнне памежных замкаў зброяй і людзьмі, на чарговыя «падарункі» татарам.⁸⁵ У ВКЛ ідэя чарговага пабору шырокай падтрымкі не атрымала. На Галоўным сойміку ў студзені 1597 г. за новыя падаткі выказаліся толькі паслы Віленскага і Новагародскага паветаў.⁸⁶ З сенатараў ВКЛ фінансавыя ініцыятывы Жыгімонта Вазы падтрымалі віленскі кашталян Е. Хадкевіч, які яшчэ ў канцы снежня 1596 г. у лісце на перадсоймавы соймік Віленскага павета заклікаў шляхту згадзіцца на падатак, а таксама Г. Война, які падчас сойма прапанаваў на абарону дзяржавы накіраваць некалькі пабораў разам.⁸⁷

Сойм 1597 г. праходзіў у напружаных спрэчках паміж каралём, сенатарамі і пасламі, паміж Польшчай і Вялікім Княствам. Прадстаўнікі ВКЛ настойвалі на адмене намінацыі паляка Б. Мацяёўскага на пасаду віленскага біскупа. Ад вырашэння канфлікту залежала і пазіцыя літвінаў у справе абароны дзяржавы, але Жыгімонт Ваза па-ранейшаму настойваў на сваім рашэнні. У выніку, паслы ВКЛ у апошнія дні сойма фактычна байкатавалі паседжанні пасольскай ізбы і не ўдзельнічалі ў абмеркаванні соймавых спраў.⁸⁸ У перадапошні дзень сойма, 24 сакавіка, ад імя земскіх паслоў ВКЛ перад Жыгімонтам Вазам, сенатам і пасольскай ізбой выступіў

⁸³ AGAD. AR. Dz. II. Nr. 356. S. 2.

⁸⁴ Lanno И. И. Люблинская уния... С. 89-150; Rzońca J. Rzeczpospolita Polska w latach... S. 67-82.

⁸⁵ Dyaryusze sejmowe roku 1597. S. 322-331.

⁸⁶ Ibidem. S. 58-59, 85, 420-422.

⁸⁷ РНБ. Ф. 971. Авт. 125. Л. 53отв.; Dyaryusze sejmowe roku 1597. S. 85.

⁸⁸ Dyaryusze sejmowe roku 1597. S. 1-124; Жукович П. Сеймовая борьба... С. 247-293; Lanno И. И. Люблинская уния... С. 137-141; Rzońca J. Sejmy z lat 1597 i 1598...; Idem. Rzeczpospolita Polska w latach...

пасол Ашмянскага павета, каралеўскі сакратар Гальяш Пельгрымоўскі. Ён заявіў, што земскія паслы ВКЛ не згаджаюцца на ўхваленне падаткаў, але ў выпадку ўсеагульнай згоды на пабор гатовы будучь выставіць жаўнераў за свае грошы і пад кіраўніцтвам свайго гетмана.⁸⁹

Аднак сойм закончыў працу, так і не прыняўшы ніякіх рашэнняў. Гэта прымусіла Жыгімонта Вазу больш актыўна шукаць крыніцы паступлення новых фінансавых сродкаў. Зразумела, што ў ВКЛ кароль і вялікі князь у першую чаргу разлічваў на атрыманне пабору, ухваленага ў 1593 г., і на выплату рэшты з пабору 1595 г. Пасля сойма ў паветы і ваяводства Вялікага Княства, да ўсіх паборцаў, былі накіраваны гаспадарскія лісты аб выданні падатку 1593 г.⁹⁰ Падобна, што і К. Радзівіл заняў больш кампрамісную пазіцыю: у ліпені 1597 г. ён выступае ўжо як прыхільнік збору і поўнай выдачы спрэчнага пабору ў ВКЛ.⁹¹ І ў 1597 г. грошы нарэшце сталі паступаць у каралеўскі скарб.

Захавалася справаздача Д. Халецкага, зробленая яшчэ да яго смерці, г. зн. недзе да 20 студзеня 1598 г., аб атрыманні грошай ад павятовых паборцаў. Так, у 1597 г. скарб атрымаў толькі 43341 зл. 4 гр. і 14 пенязяў.⁹² Для параўнання, у 1591 г. падатак у ВКЛ па той жа стаўцы, што і ў 1593 г. (15 гр. з валокі), прынёс 74057 зл.⁹³ У поўным аб'ёме (прынамсі, скарб не меў да іх аніякіх прэтэнзій) пабор 1593 г. выплацілі толькі Віленскі, Ашмянскі, Вількамірскі, Ковенскі, Слонімска і Ваўкавыскі паветы, Жамойцкае староства і Полацкае ваяводства. Часткова падатак выбралі Віленскі капітул, Лідскі, Браслаўскі, Троцкі, Гарадзенскі, Берасцейскі і Пінскі паветы. Увогуле не выдалі пабор 1593 г. ва Упіцкім, Навагародскім, Аршанскім, Менскім і Рэчыцкім паветах і ў Мсціслаўскім ваяводстве. На жаль, зусім не маем звестак аб выплаце падатку ў Віцебскім і Мазырскім паветах. Каля паловы атрыманых грошай, 20000 зл., былі ў тым жа 1597 г. перададзены на ўласныя патрэбы Жыгімонта Вазы, астатнія грошы пайшлі на выплаты служэбнікам каралеўскага двара, а таксама на пакрыццё выдаткаў, звязаных уласна са зборам у ВКЛ гэтага пабору (расылка гаспадарскіх лістоў і мандатаў, аплата каморнікаў, скарбовых слуг, пасланцоў, возных і інш.).

Зразумела, скарб і на гэты раз разлічваў атрымаць прыкладна тую ж суму, што ў 1591 г. Таму з ініцыятывы Д. Халецкага як земскага падскарбія ВКЛ спецыяльнымі мандатамі былі «пазваны» адказваць перад гаспадарскім судом паборцы Віленскага капітула, Лідскага, Троцкага, Гарадзенскага,

⁸⁹ *Dyaryusze sejmowe roku 1597. S. 119.*

⁹⁰ *НГАБ. КМФ-18. Вон. 1. Спр. 285. Арк. 409адв.*

⁹¹ *AGAD. AR. Dz. V. Nr. 1901. Cz. II. S. 87.*

⁹² *НГАБ. КМФ-18. Вон. 1. Спр. 285. Арк. 408адв.–409.*

⁹³ *Filipczak-Kocur A. Skarbowość Rzeczypospolitej... S. 252, 270.*

Упіцкага, Новагародскага, Аршанскага, Берасцейскага, Пінскага, Менскага і Рэчыцкага паветаў і Мсціслаўскага ваяводства. Яны абвінавачваліся ў тым, што не выдалі пабору 1593 г. у скарб і не зрабілі адпаведнай справаздачы. Сума нявыплачанага паборцамі падатку, па версіі Д. Халецкага, складала больш за 33338 зл. (не ведаем, на жаль, дакладнай сумы прэ-тэнзій скарбу да Аршанскага і Менскага паветаў). У суд быў «пазваны» і староста браслаўскі Януш Скумін-Тышкевіч, які нібыта не прыняў ніякіх захадаў супраць той шляхты свайго староства, якая не выплаціла паборы 1593 і 1595 гг.⁹⁴ Такім чынам, пра атрыманне надворным скарбам 100000 зл. гаворкі ўжо не ішло.

Гаспадарскі суд 29 кастрычніка 1597 г. першай разглядаў справу Я. Скуміна-Тышкевіча. Абвінавачванні з браслаўскага староства ў выніку былі зняты, яго абавязалі 1 студзеня 1598 г. зрабіць справаздачу («лічбу») перад скарбам з рэшты пабору 1593 г.⁹⁵

Астатнія справы разглядаліся 10 лістапада. Ад Віленскага капітула, з Лідскага, Трокскага, Упіцкага, Берасцейскага, Пінскага, Рэчыцкага паветаў і з Мсціслаўскага ваяводства на суд увогуле не з'явіліся ані паборцы, ані іх прадстаўнікі. Было вырашана, што яны павінны будуць прыбыць у Варшаву праз 4 тыдні ад абвясчэння ім гэтага выраку і аддаць не толькі пабор, але і штрафы («віны») за несвоечасовую выплату грошай.⁹⁶ На судзе былі толькі прадстаўнікі паборцаў з Гарадзенскага, Новагародскага, Аршанскага і Менскага паветаў. Яны, як і прадстаўнік Я. Скуміна-Тышкевіча, адразу заявілі, што, адпаведна соймавым канстытуцыям і падатковым універсалам, адказваць павінны перад Трыбуналам ВКЛ, а не перад гаспадарскім судом. Аднак інстыгатар ВКЛ Мальхер Каменскі даводзіў, што справа датычыць непасрэдна скарбу і караля, таму і разглядаць яе павінен менавіта гаспадарскі суд.⁹⁷ Прадстаўнік гарадзенскага паборцы паведаміў, што Ян Клюкоўскі большую частку пабору ўжо аддаў у скарб і абяцаў выплаціць рэшту. Затое прадстаўнікі В. Зянковіча Ціхінскага, Я. Вадэрацкага і В. Балгарына тлумачылі нявыдачу пабору 1593 г. нязгодай сярод шляхты ВКЛ. Прычым калі новагародская і менская шляхта пабор плаціла, але забараняла сваім паборцам аддаваць грошы ў скарб без «аднастайнай згоды» ўсіх абывацеляў Вялікага Княства, то аршанская шляхта і да гэтага часу нічога не збірала.⁹⁸ І хця непасрэдна прычына гэтай нязгоды не называлася, але яна была відавочнай – працягваўся канфлікт вакол віленскага біскупства, г. зн. умова, вылучаная

⁹⁴ НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 285. Арк. 234–234адв., 239–240адв., 272–275адв., 276адв.–277адв., 280–282, 283–287адв. Скарб ацэньваў суму нявыплачанага пабору наступным чынам: Віленскі капітул – 2092 зл. 15 гр., Лідскі павет – 629 зл., Браслаўскі павет – 434 зл. 7½ гр., Трокскі павет – 3090 зл. 15 гр. 14½ п., Гарадзенскі павет – 2931 зл. 8 гр. 17 п., Упіцкі павет – 5628 зл. 19 гр. 10½ п., Новагародскі павет – 9000 зл., Берасцейскі павет – 6597 зл. 16 гр. 14½ п., Пінскі павет – 1592 зл. 2 гр. 4 п., Мсціслаўскае ваяводства – 307 зл. 27 гр., Рэчыцкі павет – 1034 зл. 11 гр.

⁹⁵ Тамсама. Арк. 234–234адв., 239–240адв.

⁹⁶ НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 285. Арк. 274адв.–275адв., 280–282, 284адв.–287адв.

⁹⁷ Тамсама. Арк. 239адв.–240, 272–272адв., 273адв.–274, 276адв., 283–283адв.

⁹⁸ НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 285. Арк. 272–274, 283–283адв.

каралю Галоўным з'ездам ВКЛ у 1593 г., так і не была выканана. М. Каменскі ад імя Жыгімонта Вазы адмаўляў падобныя аргументы і спасылаўся на рашэнні сойма 1596 г.: «дей тот побор на сойме в году девятдесят шостом от всех обывателей великого князства Литовского згодне выдати нам г [оспо]д [а] ру позволено».⁹⁹ Цалкам верагодна, што частковая ці поўная нявыплата пабору 1593 г. у некаторых іншых паветах ВКЛ таксама можа тлумачыцца незадаволенасцю шляхты канфліткам вакол віленскага біскупства.

Падчас разгляду гэтых спраў выявіўся яшчэ адзін аспект канфлікту паміж Жыгімонтам Вазам і шляхтай: каралеўская ўлада імкнулася захаваць свой аўтарытэт. Так, на просьбу прадстаўніка В. Зянковіча Ціхінскага аб скліканні ў Новагародскім павеце сойма, на якім бы шляхта канчаткова згадзілася на выдачу пабору ў надворны скарб, інстыгатар катэгарычна адмовіў: «бо бы дей то не з достоенствомъ нашымъ (Жыгімонта Вазы – Ул. П.) было о то, што нам реч посполитая по тры кроти даровала большъ и частей того просит».¹⁰⁰ Кароль і паны-рада пастанавілі, каб 8 снежня 1597 г. паборцы (аршанскі паборца – 6 студзеня 1598 г.) прадставілі ў Варшаве перад скарбам справаздачу аб зборы пабору і выдалі грошы.¹⁰¹

У гэты ж час у Варшаве суд разглядаў пазвы і аб нявыдачы падаткаў 1595 г. Як ужо адзначалася, грошы з гэтага пабору паступалі вельмі павольна і не ў поўным аб'ёме. У выніку, у 1597 г. жаўнеры войска ВКЛ, пакуль чакалі выплаты належнага ім заробку, разрабавалі гаспадарскія ўладанні ў Берасцейскім павеце.¹⁰² Віну за несвоечасовую выплату падаткаў усклалі на мясцовых паборцаў, якія «немалыя сумы... пры сабе затрымалі, лічбу не ўчынілі і грошы не аддалі», за што і былі «пазваны» Д. Халецкім у гаспадарскі суд.¹⁰³ На момант правядзення судоў у лістападзе 1597 г. пабор не быў цалкам выплачаны ў Браслаўскім, Гарадзенскім, Віцебскім і Рэчыцкім паветах. Па ацэнках скарбу, у Браслаўскім павеце «многімі асобамі» не было выплачана падаткаў на суму 583 зл. 26 гр., у Віцебскім павеце сабралі толькі 300 зл., таму для выдачы пабору гэтым паветам прызначаліся пазнейшыя тэрміны.¹⁰⁴ Прадстаўнік гарадзенскага паборцы Я. Клюкоўскага настойваў, спасылаючыся на канстытуцыі соймаў 1593, 1595 і 1596 гг., каб справа аб выплаце пабору была перанесена на разгляд Трыбунала ВКЛ. У адрозненне ад справы з паборам 1593 г., Жыгімонт Ваза і паны-рада задаволілі гэтую просьбу.¹⁰⁵ Такое рашэнне можа тлумачыцца тым, што пабор 1593 г. прызначаўся асабіста каралю, а пабор 1595 г. – на дзяржаўныя патрэбы, а менавіта на абарону Рэчы Паспалітай.

⁹⁹ НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 285. Арк. 272 адв., 283 адв.

¹⁰⁰ Тамсама. Арк. 284. Напэўна, маюцца на ўвазе рашэнні Галоўнага з'езда ВКЛ 1593 г., вальных соймаў Рэчы Паспалітай 1595 і 1596 гг.

¹⁰¹ Тамсама. Арк. 272 адв.–273, 274-274адв., 277адв., 284-284адв.

¹⁰² НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 285. Арк. 239-239адв.;

AGAD. AR. Dz. V. Nr. 1901. Cz. II. S. 75, 78; Rzońca J. Rzeczpospolita Polska w latach... S. 19.

¹⁰³ AGAD. AR. Dz. II. Nr. 355. S. 3.

¹⁰⁴ НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 285. Арк. 239-240адв., 256-257.

¹⁰⁵ Тамсама. Арк. 287адв.; AGAD. AR. Dz. II. Nr. 355. S. 3-4.

Фактычна, з пачатку 1598 г. пытанне збору ў ВКЛ падаткаў 1593 і 1595 гг. зыходзіць з палітычнай арэны. Павятовыя соймакі, якія праходзілі ў студзені 1598 г. перад чарговым вальным соймам, непасрэдна пра іх не ўзгадвалі.¹⁰⁶ Браслаўская шляхта, напрыклад, падкрэслівала, што яна паборы выдала, і кароль «... *in isto non caperet detrimentum*» [у тым не панёс шкоды].¹⁰⁷ Сойм 1598 г. склікаўся Жыгімонтам Вазам, каб зноў атрымаць згоду і фінансавыя сродкі на паездку ў Швецыю для захавання за сабой тытула шведскага караля. Соймікі ВКЛ адназначна забаранілі сваім паслам згаджацца на ўхваленне новых падаткаў. У якасці альтэрнатыўнай крыніцы атрымання грошай шляхта называла рэшты падаткаў, што збіраліся ў Княстве з 1590 г., напрыклад, з пабору 1595 г.¹⁰⁸ Новагародскі соймак прапанаваў на фінансаванне паездкі накіраваць чопавае, ухваленае Галоўным з'ездам 1593 г. на абарону межаў ВКЛ, а пры ўсеагульнай згодзе станаў Вялікага Княства, – і новападвышанае мыта, прызначанае на адзін год.¹⁰⁹

У сувязі са складанай сітуацыяй у Швецыі, Жыгімонт Ваза не мог дапусціць зрыву сойма і пайшоў на пэўны кампраміс у канфлікце вакол віленскага біскупства. Ён адклаў разгляд гэтага пытання на наступны сойм, гарантаваўшы, што да таго моманту Б. Мацяёўскі не зойме месца віленскага біскупа ў сенаце і не будзе кіраваць уладаннямі біскупства.¹¹⁰ У інтарэсах літвінаў былі і рашэнні аб адпраўцы ў Маскву ганцоў, каб пачаць перамовы аб уніі з Маскоўскай дзяржавай, ды прыняцце «Ардынацыі Інфлянцкай зямлі», што гарантавала сацыяльна-палітычныя правы шляхты ВКЛ у гэтай правінцыі.¹¹¹ Гэта відавочна задаволіла, хаця і часткова, дэлегацыю Княства. Да таго ж, палітычная эліта ВКЛ і раней падтрымлівала «шведскую» палітыку Жыгімонта Вазы, што было звязана з яе эканамічнымі інтарэсамі.

Вальны сойм 1598 г. падтрымаў планы Жыгімонта Вазы паехаць у Швецыю і згадзіўся выдаткаваць яму на паездку 300000 зл. польскіх, 1 / 3 з якіх прыпадала на долю ВКЛ. Польскі бок ухваліў дзеля гэтага пабор на адзін год, а вось літвіны, з-за голаду і неўраджаяў, прызначаць любыя падаткі адмовіліся. Патрэбныя 100000 зл. ВКЛ выдаткоўвала з рэшты пабораў 1591 і 1595 гг.¹¹² Па сутнасці, сойм ставіў кропку і ў справе з выплатай падатку 1593 г. У канстытуцыі «Аб мінулых паборах у ВКЛ» адзначалася, што рэшты таго пабору павінны быць аддадзены каралю і вялікаму князю. Цікава, што ў канстытуцыі да ланавага падатку далучалася і чопавае, ухваленае ў 1593 г., разам з мытам.¹¹³ Напэўна, такім

¹⁰⁶ AGAD. AR. Dz. II. Nr. 243, 368, 370, 373, 400, 401, 402.

Радаман А. Інструкцыя Новагародскага сойма паслам на Варшаўскі сойм 1598 г.;

Filipczak-Kocur A. Skarbowość Rzeczypospolitej... S. 273;

Rzońca J. Rzeczpospolita Polska w latach... S. 29, 47.

¹⁰⁷ AGAD. AR. Dz. II. Nr. 400. S. 1.

¹⁰⁸ Ibidem. Nr. 401. S. 1; Nr. 402. S. 2.

¹⁰⁹ Ibidem. Nr. 373. S. 1;

Радаман А. Інструкцыя Новагародскага сойма... С. 100-102.

¹¹⁰ Lanno И. И. Люблинская уния... С. 148-149;

Rzońca J. Rzeczpospolita Polska w latach... S. 80-82.

¹¹¹ РНБ. Ф. 971. Авт. 234. №157. Л. 1;

Rzońca J. Rzeczpospolita Polska w latach... S. 59-61, 143-144; VL. T. 2. S. 377-378.

¹¹² VL. T. 2. S. 366-367, 370.

¹¹³ Ibidem. S. 370.

¹¹⁴ Чопавае ў ВКЛ у канцы XVI–пачатку XVII ст. прыносіла каля 40 000 зл. Так, у 1591 г. яго сабралі на суму ў 40 000 зл., а ў 1613 г. – на 44 976 зл.:

Filipczak-Kocur A. Skarbowość Rzeczypospolitej... S. 253, 270.

¹¹⁵ VL. T. 2. S. 370.

¹¹⁶ 63 405 зл. 10 гр. з пабору 1591 г. і каля 51 000 зл. з пабору 1595 г.;

AGAD. AR. Dz. II. Nr. 355. S. 1-2;

Filipczak-Kocur A. Skarbowość Rzeczypospolitej... S. 227, 273, 357.

¹¹⁷ НГАБ. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 285. Арк. 603адв.

Квітанцыя падскарбія А. Завішы дацэпавана 21 мая 1599 г.

¹¹⁸ За 6 гадоў, з 1593 па 1598 гг., было склікана 5 соймаў. Вількамірскі і ваўкавыскі павятовыя соймакі ў студзені 1598 г. нават пратэставалі супраць такога частага склікання соймаў, бо гэта прыносіла значную шкоду шляхецкім маёнткам: *AGAD. AR. Dz. II. Nr. 401. S. 1; Nr. 402. S. 4.*

чынам надворны скарб імкнуўся ўсё ж сабраць пабор у суме, блізкай да 100 000 зл.¹¹⁴ Для рэвізіі выплаты ўсіх падаткаў, ухваленых з 1591 г., прызначаліся дэпутаты і вызначалася, што справы аб нявыдачы падаткаў павінны будуць разглядацца ў Трыбунале.¹¹⁵

У ВКЛ з пабораў 1591 і 1595 гг. заставалася недзе каля 114 405 зл., з якіх літвіны і выдаткавалі на паездку ў Швецыю неабходныя 100 000 зл.¹¹⁶ З гэтага часу ў скарб паступала толькі невялікая рэшта пабору 1593 г.: у 1599 г. у Вялікім Княстве было сабрана 7 000 зл.¹¹⁷ Хутчэй за ўсё, гэты пабор так і не быў сабраны ў ВКЛ у поўным аб'ёме. Жыгімонт Ваза атрымаў адпаведную грашовую субсідыю ў 1598 г., а з 1600 г., калі Рэч Паспалітая ўступіла ў вайну са Швецыяй, шляхта была вымушана плаціць новыя і частыя падаткі.

Такім чынам, у 1590-я гг. ухваленне падаткаў было важным фактарам палітычнай барацьбы ў Рэчы Паспалітай і адным з найбольш праблемных момантаў у стасунках паміж Жыгімонтам Вазам і палітычнай элітай ВКЛ. Літвіны выкарыстоўвалі сваю згоду на паборы як сродак ціску на караля і вялікага князя. Канфлікт з выдачай падаткаў 1593 і 1595 гг. быў непасрэдна звязаны з прызначэннем паляка на пасаду віленскага біскупа і імкненнем літвінаў вымусіць Жыгімонта Вазу адмяніць гэтую намінацыю. Лідэрам апазіцыі быў віленскі ваявода К. Радзівіл, які актыўна выкарыстоўваў у супрацьстаянні каралю свае пратэццыйніцкія ўплывы сярод сенатараў і шляхецтва. Жыгімонт Ваза настойліва дабіваўся выплаты абодвух пабораў, бо меў патрэбу ў грашовых сродках на арганізацыю абароны Рэчы Паспалітай і забеспячэнне сваіх дзедзічных правоў у Швецыі. Акрамя таго, быў закрануты і аўтарытэт караля. Канфлікт паказаў адносную слабасць каралеўскай улады і яе залежнасць ад шляхты ў галіне фіскальнай палітыкі. Кароль і вялікі князь не меў уласнага апарату па зборы ў ВКЛ прызначаных соймам падаткаў. Збор пабораў знаходзіўся ў руках шляхты і абраных ёю паборцаў (падскарбіі толькі атрымлівалі ўжо сабраныя грошы і кантралявалі іх выкарыстанне). Кароль вымушаны быў ужываць іншыя сродкі ўплыву на шляхту: частае скліканне соймаў,¹¹⁸ на якіх імкнуўся дабіцца ад паслоў згоды на падаткі; выклік паборцаў у Трыбунал і гаспадарскі суд; нарэшце, ціск на павятовую шляхту праз сенатараў-раялістаў і дворных ураднікаў. На баку Жыгімонта Вазы апынуліся М. К. Радзівіл, Л. Сапега, Д. Халецкі, К. Дарагастайскі і інш. Кароль і вялікі князь усё ж здолеў у пэўнай ступені дабіцца выплаты спрэчных падаткаў. Пералом у пазіцыі шляхты ВКЛ адбыўся ў 1596 г.,

калі быў у значнай ступені выплачаны пабор 1595 г., і частка «палітычнага народа» Вялікага Княства згадзілася на выдачу пабору 1593 г. Гэта можна растлумачыць шэрагам фактараў: пэўныя колы палітычнай эліты ВКЛ шукалі кампрамісу з каралём і вялікім князем, дзяржаўныя інтарэсы Рэчы Паспалітай выходзілі на першы план (абарона ад Турцыі і татар, захаванне за Жыгімонтам Вазам шведскай кароны), шляхецтва захоўвала значную павагу да каралеўскай улады. Падатак 1593 г. быў часткова выплачаны ў 1597 г., сойм 1598 г. яшчэ раз нагадаў шляхце ВКЛ аб выдачы каралю грошай з пабору. Аднак, хутчэй за ўсё, пабор у належным памеры (100000 зл.) так і не быў выбраны.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Pałucki, W. Drogi i bezdroża skarbowości polskiej XVI i pierwszej połowy XVII wieku / W. Pałucki. – Wrocław, 1974.
2. Skarbowość w Polsce i jej dzieje za Stefana Batorego / Wyd. A. Pawiński. – Warszawa, 1881.
3. Wisner, H. Próby utworzenia skarbu stałego na Litwie / H. Wisner // Kwartalnik Historyczny. – 1982. – R. 89. – № 1. – S. 85-89.
4. Rzońca, J. Sejmy z lat 1597 i 1598 / J. Rzońca; Opolskie t-wo przyjaciół nauk. – Warszawa-Wrocław, 1989. – Cz. I. Bezowocny sejm z 1597 r.
5. Rzońca, J. Rzeczpospolita Polska w latach 1596-1599. Wybrane zagadnienia polityki wewnętrznej i zagranicznej / J. Rzońca // Wyższa szkoła pedagogiczna im. Powstańców Śląskich w Opolu. – Studia i monografie, 156. – Opole, 1990.
6. Filipczak-Kocur, A. Podatki Litewskie w świetle uchwał sejmowych (1587-1632) / A. Filipczak-Kocur // Acta Universitatis Wratislaviensis. – Nr. 945. – Historia LXVI. Studia z dziejów Rzeczypospolitej szlacheckiej. – Wrocław, 1988. – S. 113-132.
7. Filipczak-Kocur, A. Z dziejów litewskiego skarbu nadwornego za Zygmunta III Wazy / A. Filipczak-Kocur // Między Wschodem a Zachodem. Rzeczpospolita XVI – XVIII w. – Warszawa, 1993. – S. 77-86.
8. Filipczak-Kocur, A. Skarb litewski za pierwszych dwu Wazów. 1587-1648 // A. Filipczak-Kocur. – Wrocław, 1994.
9. Filipczak-Kocur, A. Skarbowość Rzeczypospolitej 1587-1648. Projekty-ustawy-realizacja // A. Filipczak-Kocur. – Warszawa, 2006.
10. Archiwum Domu Sapiehów wydane staraniem rodziny (ADS) / Wyd. dr. A. Prochaska. – T. I (listy z lat 1585-1606). – Lwów, 1892.
11. Lepszy, K. Wa ka stronnictw w pierwszych latach panowania Zygmunta III / K. Lepszy. – Kraków, 1929.
12. Konopczyński, W. Liberum veto: studium porównawczo-historyczne / W. Konopczyński. – Kraków, 1918.
13. Rachuba, A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569-1763 / A. Rachuba. – Warszawa, 2002.
14. Kempa, T. Mikołaj Krzysztof Radziwiłł «Sierotka» (1549-1616), wojewoda wileński / T. Kempa. – Warszawa, 2000.
15. Лаппо, И. И. Люблинская уния и третий Литовский статут / И. И. Лаппо // Журнал Министерства народного просвещения. – 1917. – № 5. – С. 89-150.

16. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты, Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцикл.; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мн., 1989. – С. 118-119.
17. Жукович, П. Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.) / П. Жукович. – Спб., 1901. – С. 85-89.
18. Wisner, H. Najjaśniejsza Rzeczpospolita. Szkice z czasów Zygmunta III i Władysława IV Wazy / H. Wisner. – Wydanie II. – Warszawa, 2001.
19. Wisner, H. Opinia szlachecka Rzeczypospolitej wobec polityki szwedzkiej Zygmunta III w latach 1587-1632 / H. Wisner // Zapiski Historyczne. – 1973. – Т. 38. – З. 2. – С. 12.
20. Спірыдонаў, М. Полаччына ў сярэдзіне XVI ст. / М. Спірыдонаў // Полацкія гістарычныя запіскі. – Т. 1. – 2004. – С. 10-15.
21. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией (АВАК): В 39 т. – Вильна, 1865-1915. – Т. 2. – 1862.
22. Падалінскі, У. Грамадская думка шляхты Вялікага Княства Літоўскага канца XVI ст. (на прыкладзе соймавай кампаніі Рэчы Паспалітай 1595 г.) / У. Падалінскі // Спадчына. – 2008. – № 1. – С. 12-24.
23. Seredyka, J. Senatorowie Rzeczypospolitej na sejmach Zygmunta III Wazy (1587-1632) / J. Seredyka // Rozprawy z dziejów XVI i VII wieku. – Poznań, 2003.
24. Ragauskienė, R. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kancleris Mikalojus Radvila Rudasis (Apie 1515-1584 m.) / R. Ragauskienė. – Vilnius, 2002.
25. Kempa, T. Urzędnicy i klienci Mikołaja Krzysztofa Radziwiłła Sierotki / T. Kempa. // Lituano-Slavica Posnaniensia. Studia historica. – Poznań, 2003. – Т. IX.
26. Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1582-1696): spis / pod red. A. Rachuby; oprac. H. Lulewicz i A. Rachuba; Instytut historii PAN. – Warszawa, 2007.
27. Свяжынскі, У. М. «Гістарычныя запіскі» Ф. Еўлашоўскага / У. М. Свяжынскі. – Мн., 1990.
28. Seredyka, J. Marszałkowie izby poselskiej za Zygmunta III Wazy / J. Seredyka // Władza i społeczeństwo w XVI i XVII w. Prace ofiarowane A. Mączakowi w sześćdziesiątą rocznicę urodzin. – Warszawa, 1989.
29. Dyaryusze sejmowe roku 1597. W dodatkach: akta sejmikowe i inne odnoszące się do tego sejmu / Wyd. E. Barwiński. – Kraków, 1907.
30. Радаман, А. Інструкцыя Новагародскага соймака паслам на Варшаўскі сойм 1598 г. / А. Радаман // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2005. – № 2. – С. 97-109.
31. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску (НГАБ).
32. Volumina Constitutionum. – Т. II (1550-1609), vol. 1 (1550-1585). – Warszawa, 2005
33. Volumina Legum (VL). Przedruk zbioru praw staraniem XX. Pijarów w Warszawie od roku 1732 do roku 1782 wydanego: W 8 t. – Petersburg, 1859-1860. – Т. 2. – 1859.
34. Archiwum Główne Aktów Dawnych w Warszawie. Archiwum Radziwiłłów (AGAD. AR).
35. Archiwum Domu Radziwiłłów (ADR). – Kraków, 1885.
36. AGAD. Archiwum Publiczne Potockich.
37. Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге (РНБ).
38. Biblioteka Miejska im. Raczyńskich w Poznaniu.

Дата паступлення ў рэдакцыю 12.06.2008.

**В. В. Почекина
И. А. Умпирович**

КОРРУПЦИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Одной из наиболее актуальных проблем международной экономики является выработка механизмов эффективного противодействия коррупции, которая представляет серьезную угрозу экономической безопасности и дестабилизирует государственное управление и экономическое развитие. Борьба с коррупцией как негативным социальным явлением в международной экономике будет более успешной и эффективной, если антикоррупционный механизм будет базироваться не только на правовом, но и на экономическом механизме и соответствовать международным стандартам и правилам ВТО. В прессе и в юридическом сообществе давно и настойчиво ставится вопрос об антикоррупционной экспертизе проектов законов о ВЭД. Несмотря на то, что правительство объявило кампанию по борьбе с коррупцией, результат мог бы быть существеннее.

Коррупция – дело тайное и выявить ее масштабы напрямую невозможно. Условия, порождающие взяточничество и злоупотребление в международной торговле, продолжают действовать. Поэтому в ходе любого экономического исследования на эту тему одним из важнейших вопросов является надежность методов экономической оценки коррупции и ее последствий. В статье рассмотрен комплекс экономических

Пачэкіна Віталіна Вітал'еўна, кандыдат эканамічных навук, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела сусветнай эканомікі і міжнародных адносін Інстытута эканомікі НАН Беларусі. Сфера навуковых інтарэсаў: стратэгія ўваходжання Рэспублікі Беларусь у сусветны рынак тавараў, працы, капіталу і паслуг, тэорыя і метадалогія эфектыўнасці міжнароднага гандлю. Аўтар больш 100 апублікаваных навуковых работ, у тым ліку 8 манаграфій.

Умпіровіч Інна Антонаўна – аспірант Інстытута эканомікі НАН Беларусі, працуе ў органах унутраных спраў. Сфера навуковых інтарэсаў – супрацьдзеянне карупцыі. Мае шэраг публікацый па дадзенай тэматыцы.

проблем, особенно корпоративного управления, не только в ВЭД Республики Беларусь, но и в Китае и России.

Проблемы корпоративного управления в Беларуси в последнее пятилетие стали отчетливо осознаваться в качестве основного препятствия на пути экономического роста. Во многих развитых и развивающихся странах средством смягчения проблем корпоративного управления стало внедрение кодексов корпоративного управления, принимаемых как на государственном, так и на корпоративном уровнях. Однако проблема корпоративной коррупции остается за пределами тематики этих документов.

Практика ведения бизнеса корпорациями ряда стран показывает, что этот вид коррупции является наиболее серьезной проблемой, сдерживающей развитие. К сожалению, эта тема остается, как правило, вне публичных обсуждений. Между тем, влияние коррупции простирается от крупных компаний с государственным участием до самых мелких компаний, захватывает практически все секторы экономики.

Рассмотрение корпоративной коррупции следует начать с ее определения. Известно несколько определений коррупции: «действие, направленное на то, чтобы дать кому-либо преимущество, не сопоставимое с правами или привилегиями, гарантируемыми официальными полномочиями»; «нарушение добродетели и моральных принципов»,¹ ни одно из них не является удовлетворительным. Обычно в качестве таких интересов фигурируют цели личного обогащения, однако речь может также идти о расширении своих возможностей или влияния. Такое определение предполагает, прежде всего, наличие служебного положения, которое позволяет распоряжаться хотя бы минимальным объемом ресурсов компании. Так, например, практика взаимоотношений с любыми внешними контрагентами в случае, если процедура их выбора не носит абсолютно прозрачный и четко регламентированный характер, оставляет существенный диапазон для принятия решений. Как показывает практика установления договорных цен, особенно в крупных компаниях, а также в компаниях с государственным участием, этот диапазон зачастую используется лицами для присвоения части выручки, связанной с коррупционной ценовой договоренностью.

Насколько распространена корпоративная коррупция, можно судить по нескольким факторам. Например, в 2007 году в России был составлен «Рейтинг прозрачности», характеризующий эффективность закупок государственных,

¹ *Marshall B. Corporate Common: The Abuse of Power; Spencer M. Corporate Misconduct.*

муниципальных и корпоративных структур, притом что у всех опрошиваемых компаний был стимул завышать реальные показатели, только для двух из 61 компании (т. е. 3,2%), участвовавших в исследовании, оценки эффективности были высокими («ЦентрТелеком» и ММК), а 44 участника (72%) получили оценки «базовая/низкая прозрачность». То есть даже с учетом «саморегулирования» оказалось, что 72% компаний реально не имеют барьеров для борьбы с коррупцией. Насколько велика рассматриваемая проблема в сравнительном плане, можно судить по месту, которое Россия занимает в антикоррупционном рейтинге Transparency International: по результатам 2007 г. со 126-го места Россия в 2006 г. опустилась до 143-го. Хотя этот индекс предполагает измерение общего уровня коррупции, а не только корпоративной, они взаимосвязаны, и, более того, корпоративная коррупция во многом играет ведущую роль, поскольку объем ресурсов, приходящихся на корпорации, превосходит объем ресурсов, приходящихся на домохозяйства.

Согласно оценкам фонда «Индем», коррупция в России в денежном выражении составляет 55% ВВП страны. Кроме того, проанализировав интенсивность взяточничества с 2001 по 2005 гг., исследователи из фонда «Индем» пришли к выводу о том, что, хотя интенсивность взяточничества за этот период сократилась вдвое, средний размер взятки вырос в 13,5 раз. Это свидетельствует о том, что коррупция стала институциональным явлением.

Однако наиболее охваченной коррупцией является сфера взаимодействия работников компании и посредников с крупными компаниями-потребителями внешних товаров и услуг. Здесь практически любые значимые закупки, поставки сырья, предоставление услуг по рекламе или даже внешние IT-проекты оказываются вовлеченными в корпоративную коррупцию.

Насколько же глубока проблема корпоративной коррупции, каковы ее причины, есть ли способ ее искоренить или хотя бы снизить масштабы?

Корпоративная коррупция носит институциональный характер и является столь широко распространенной, что, скорее, ее отсутствие воспринимается как отклонение от нормы. При этом крупные и средние компании в большей степени подвержены корпоративной коррупции. Это связано, прежде всего, с двумя факторами: во-первых, со сложностью управления более крупными компаниями (несколько уровней менеджмента, географическая раздробленность, вовлечение в деятельность

компаниях различных отраслей и т. д.) и, во-вторых, с объемом ресурсов, находящихся в ведении менеджмента как высшего, так и среднего звена. Очевидно, что в более крупных компаниях объем ресурсов больше и, соответственно, представляет больший соблазн для коррупции. Уровень концентрации собственности и вид контролирующего собственника также являются значимыми факторами. С одной стороны, сильный контролирующий собственник, заинтересованный в консолидации управления и денежных потоков компании, способен внедрить такую систему управления, которая в значительной степени ограничит корпоративную коррупцию на среднем управленческом уровне. Однако это не означает, что он «замкнет на себя» корпоративную коррупцию, консолидировав ее потоки. Появление возможностей привлечения акционерного капитала за счет первичного и вторичного размещения акций, как правило, благоприятно влияет на снижение уровня корпоративной коррупции, поскольку собственники, заинтересованные в размещении акций, прилагают значительные усилия для «причесывания компании» перед выходом на фондовый рынок. Наличие раздробленной акционерной собственности имеет как положительные, так и отрицательные последствия для корпоративной коррупции. С одной стороны, наличие многочисленных заинтересованных акционеров теоретически должно приводить к большему контролю с их стороны. С другой стороны, практическое отсутствие реального контроля за менеджментом или его фактическая независимость (в силу раздробленности акционерного капитала) зачастую стимулируют рост корпоративной коррупции в компании.

В публичных компаниях, контролируемых государством, задача контроля над корпоративной коррупцией оказалась еще более сложной, чем в частных. Это объясняется целым рядом причин, среди которых – отсутствие единого собственника (в государстве, как правило, есть несколько министерств и ведомств, делящих между собой функции собственника), а также концентрация контроля у конкретных физических лиц, представляющих государство. Интересы этих лиц далеко не всегда соответствуют интересам государства как собственника² (эффект «экономики физических лиц»). Наконец, процесс принятия управленческих решений, требующий в таких компаниях многоступенчатых и длительных согласований, приводит к значительной независимости и бесконтрольности менеджмента, что также является фактором, стимулирующим корпоративную коррупцию.

² Клеймер Г. Нано-экономика.

Ограничивать коррупцию могут следующие методы и факторы: 1) эффективный экономический механизм выявления и предупреждения коррупции; 2) информационный механизм; 3) система мотивирования менеджера, принимающего решения, которая поощряла бы добровольный отказ от коррупции; 4) развитие корпоративной культуры, направленной на достижение общекорпоративных целей; 5) общечеловеческая культура и моральные ценности общества; 6) неотвратимость наказания.

Нынешняя система борьбы с коррупцией в Республике Беларусь построена либо на базе наследия социалистической системы, либо на прямом копировании механизма зарубежных систем, либо только на основе юридических систем. При этом большая часть институтов и механизмов была унаследована от социалистической или административной системы. Результатом стало то, что на практике корпоративная коррупция практически не сокращается. Крайне редко можно услышать, что менеджер понес наказание за нанесение ущерба компании, в которой он работает.

Система мотивации менеджеров на белорусских предприятиях, как правило, находится на примитивном уровне либо носит исключительно субъективный характер и зависит от компетенции и настроения начальства. В результате менеджерам оказывается «проще» воспользоваться теми экономическими возможностями, которые предоставляют их полномочия.

Корпоративная культура включает в себя несколько понятий: это и наличие четкой и понятной сотрудникам стратегии компании, и создание в коллективе атмосферы достижения общей цели, и стимулирование инициативы и решений, направленных на рост бизнеса компании. Все эти элементы характерны для систем управления и уровня квалификации менеджмента ведущих мировых корпораций. К сожалению, единичные компании постсоветских стран могут похвастаться такой корпоративной структурой. Более того, такие элементы, как наличие продуманной и известной сотрудникам экономической стратегии развития компании или создание командного духа вообще не практикуются в подавляющем большинстве корпораций. Таким образом, в большинстве случаев существующие механизмы и корпоративная культура не способствуют борьбе с коррупцией.

Моральные ценности нашего общества претерпели, возможно, самые значительные изменения за последние 20 лет. По сути, основополагающие принципы общественной морали

оказались под сомнением. Ранее общество осуждало тягу к торговле, перепродаже, ростовщичеству и предпринимательству. Сегодня эти же стремления рассматриваются в качестве добродетелей. Еще более серьезный урон моральному уровню общества нанесла экономически неоправданная приватизация и залоговые аукционы. Для участия в этих процессах наиболее подготовленными оказались те, кто обладал доступом к денежным ресурсам и низким уровнем морали. Многие из этих людей, особенно в России, стали миллионерами и миллиардерами. Тем самым общество получает устойчивый и внятный сигнал о том, что воровство – если и не добродетель, то, по крайней мере, не худший способ обогащения. Естественно, что в такой ситуации моральные ценности становятся слабым барьером для корпоративной коррупции.

Что можно сделать для изменения ситуации? Можно наметить комплекс мер, постепенно снижающих уровень корпоративной коррупции. Основное – это выработка экономических и правовых механизмов предупреждения и борьбы с коррупцией.

В борьбе с коррупцией можно использовать и «воспитание». Такими «воспитателями» для корпоративного менеджмента должны стать, прежде всего, механизмы, выработанные акционерами, владельцами крупных долей собственности ком-

НЕОБХОДИМО ИМЕТЬ ЗАКОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ НАКАЗАНИЯ ЗА КОРПОРАТИВНОЕ ВОРОВСТВО, КОТОРЫЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ДОСТАТОЧНО СЕРЬЕЗНЫМИ, ЧТОБЫ ВЫЗЫВАТЬ СТОЙКОЕ ОТВРАЩЕНИЕ К КОРРУПЦИИ, ХОТЯ И НЕ СТОЛЬ СУРОВЫМИ, КАК НАКАЗАНИЕ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

пании. Они должны стремиться дать менеджменту надежный механизм финансовой прозрачности и контроля над финансовыми потоками. Руководители компаний должны понять, что создание антикоррупционных механизмов и корпоративной культуры – один из необходимых шагов на пути борьбы с коррупцией. Необходимо иметь законные механизмы наказания за корпоративное воровство, которые должны быть достаточно серьезными, чтобы вызывать стойкое отвращение к коррупции, хотя и не столь суровыми, как наказание за преступления против личности.

В общественном смысле самым важным является признание наличия в международных экономических отношениях самой проблемы корпоративной коррупции, необходимости ее изучения, анализа, мониторинга, привлечения к ней публичного внимания. Все это должно сопровождаться осуждением тех, кто участвует в коррупционных процессах в компаниях. В антикоррупционную кампанию необходимо вовлечь как можно больше общественных институтов и слоев общества.

Во-первых, научную общественность, которая при поддержке государства должна анализировать и вырабатывать экономические и правовые механизмы борьбы с корпоративной коррупцией. Те же научные круги должны доводить результаты своих исследований до студентов экономических вузов, чтобы формировать у них понимание наличия проблемы, ее негативного влияния на экономику страны и, главное, негативного отношения к ней со стороны тех, кто несет знания новым поколениям специалистов. Во-вторых, должны уделять влияние этой проблеме средства массовой информации. Им следует информировать общество о практических примерах коррупции и борьбы с ней, а также представлять общественности результаты обобщающих исследований на эту тему. Все это должно послужить формированию негативного отношения общества к корпоративной коррупции – по сути, единственному надежному средству снижения ее масштабов в стране.

Борьба с коррупцией в условиях модернизации экономики (на примере Китая)

Весьма интересен в этом отношении опыт Китая. Преобладавшая до последнего времени в Китае модель экономического роста, опиравшаяся на экстенсивное использование дешевой рабочей силы и почти бесплатных природных ресурсов и ориентировавшая общество на увеличивающееся по экспоненте поглощение все больших объемов товаров и услуг по примеру потребительских обществ Запада, явно входит во все большее противоречие с привычными для Китая этическими установками на скромность и бережливость. Корректировка этой модели в сторону увязки экономических задач с ресурсным потенциалом и потребностями развития человека в значительно большей мере соответствует китайским традициям и в этом смысле может соответствовать целям оптимизации управления общественными процессами.

Вместе с тем, поступательному развитию модернизации не только в экономике, но и в других областях в огромной степени способствует активное включение Китая в процессы глобализации. Китайское руководство с самого начала провозгласило неразрывную связь рыночных реформ с открытостью. Стремление повысить конкурентоспособность Китая в мировой экономике и тем самым утвердить его в качестве одной из ведущих держав мира становится важным аргументом для преодоления консервативного сопротивления реформистскому

курсу внутри страны. Оно доказывает, что авторитаризм может способствовать модернизации только в условиях максимальной внешней открытости. Необходимость постоянно совершенствовать инвестиционную среду для привлечения иностранного капитала и обеспечивать наибольшее благоприятствование для экспансии собственных товаров и капиталов служит важным стимулом для приведения многих внутренних норм и институтов в соответствие с международными стандартами. Наиболее очевидным образом этот стимул стал проявляться в связи со вступлением Китая в ВТО. Нет сомнения в том, что предстоящее снятие таможенных и нетарифных барьеров между китайской и мировой экономикой в таких областях, как финансы и страхование, туризм и образование, транспорт и коммуникации, окажет огромное воздействие на процессы модернизации китайского общества, далеко выходящие за рамки экономики.

Однако, наряду с нарастанием процессов развития рыночной экономики и ростом ее эффективности, в Китае стала нарастать коррупция, и уже в первой половине 1990-х годов ее стали считать крайне серьезной. За годы рыночных реформ индикаторы коррупции в Китае, определяемые наличными международными организациями, существенно ухудшились. Так, индекс восприятия коррупции упал почти в 2 раза: с 5,13 по 10-балльной шкале в 1980-1985 годах до 2,43 в 1996 году. Принятые затем антикоррупционные меры принесли определенный эффект: в 1998 году указанный показатель поднялся до 3,5. Но дальнейшее продвижение в борьбе с коррупцией затормозилось: индекс восприятия коррупции в 2000 году вновь упал до 3,1; в следующем году его удалось повысить лишь до уровня 1998 года; но в 2002 году он опять снизился до 3,4. Субъективные оценки подкрепляются и объективными данными. В 1979-1982 годах было расследовано 98225 случаев коррупции; в 1983-1987 годах – 155 тыс.; в 1988-1992 годах – 214318; в 1993-1997 годах – 387352, то есть ежегодно число расследованных дел возрастало на 22%.³

³ Хэ Цзэнкэ. *Типы, степень и развитие политической коррупции в Китае в переходный период.*

По масштабам коррупции Китай занимает в мире среднее положение, равно удаленное как от государств, пораженных коррупцией в наименьшей степени, так и от самых коррумпированных. К первым, как известно, относятся развитые, богатые, социально и политически стабильные и, как правило, небольшие страны Европы, а также Канада, Новая Зеландия, Австралия, Сингапур; к последним – многие бедные и отсталые страны Африки, Южной Азии, Латинской Америки,

а также некоторые республики, образовавшиеся после распада Советского Союза и Югославии. В списке из 133 стран Китай занимает 66-е место, Россия – 86-е.

Коррупция традиционно вплетена в контекст специфических для Китая межличностных общественных отношений (гуаньси). Сами эти отношения далеко не обязательно носят криминальный характер, но они определяют некий общий код поведения людей, усвоение которого обязательно при совершении как легальных, так и нелегальных общественных действий. Этот код воспринимается лишь посвященными, ибо он содержит сигналы, позволяющие воспринять человека как «своего», то есть заслуживающего доверия, будь он занят на государственной службе или в бизнесе.

Гуаньси – это социальная инфраструктура, вне которой немыслим никакой успех – как в индивидуальной, так и в общественной деятельности, включая, естественно, и хозяйственную. Как правило, человек, активно функционирующий в том или ином виде общественно значимой деятельности, включен сразу в несколько сетей *гуаньси*. Считается, что чем шире раскинуты эти сети и чем они прочнее, тем успешнее будут результаты. Ячейками сетей могут служить родственники, земляки, соученики, однополчане, коллеги по работе, товарищи по партии. Но связи устанавливаются и за рамками таких общностей, по рекомендации тех, кто уже стал «своим».

Гуаньси связывают не только людей одинакового социального статуса. Они также возникают между теми, кто занимает более высокое и более низкое положение в социальной или административной иерархии. В этом случае их в значительной степени можно квалифицировать как клиентские. В рамках таких отношений более слабый партнер, рассчитывающий на получение от более сильного услуги, за которую он не может ответить чем-либо равноценным, расплачивается личной преданностью.

При переходе к рыночной экономике наличие необходимых связей *гуаньси* открывает доступ к ограниченным ресурсам, в том числе и к достоверной и своевременной информации, что является важнейшим условием выживания в условиях жесткой конкуренции. Сеть *гуаньси* позволяет сократить риски для предпринимателей, вступающих в рыночные отношения, поскольку в качестве своих контрагентов они выбирают, прежде всего, тех, кто находится в этой сети, то есть «своих». Кроме того, она предполагает определенную взаимную выручку, поддержку и кооперацию усилий, что

также помогает выстоять и даже преуспеть в конкурентной среде. Не исключено, например, распространение таким путем современных западных технологий, полученных по лицензии или благодаря созданию совместных предприятий.

Гуаньси всегда важнее формальных отношений, в том числе и иерархических. Нередко они ставятся и выше корпоративной лояльности и даже норм закона. Тем самым «правление закона», будучи опосредовано более существенными межличностными связями, утрачивает свой безусловный характер. Пределы легально дозволенного и недозволенного тем самым сближаются, что становится особенно очевидным в криминальных случаях.

Гуаньси помогают продвигаться вверх по иерархической лестнице и удерживаться на каждой ее ступени, противостоять при этом проидам конкурентов. Официальное лицо, занимающее определенный пост, может пользоваться значительно большим влиянием и большими полномочиями, чем позволяет его должность, в том случае, если оно опирается на связи с более могущественными людьми во власти.

Коррупция в Китае часто носит клановый или семейный характер. В этих случаях она принимает обычно наиболее широкие масштабы, и общество несет особо крупные потери. Высокопоставленный чиновник многократно умножает возможности присваивать государственные и общественные ценности, расставляя на соответствующих постах в коммерческих и некоммерческих структурах родственников и близких людей. Семейную и клановую коррупцию, выстраивающую прочную круговую поруку, особенно трудно выявить и расследовать. Стремясь побороть ее, китайские власти еще в 1995 году ввели порядок обязательной регистрации имущества чиновников. Однако система оказалась неэффективной. Последующие судебные процессы показали, что коррупционеры, совершавшие преступления на миллионы юаней, формально никаким ценным имуществом не владели.

Хотя коррупция в Китае имеет определенные культурно-исторические корни, главным фактором, способствующим ее росту в последние десятилетия, стали социально-экономические трансформации, связанные с переходом страны к рынку. При этом в ходе накопления институциональных изменений коррупция постоянно трансформировалась, приспособливаясь к новым условиям: старые формы уходили в прошлое, уступая дорогу новым, более изощренным.

(Працяг у наступним нумарі)

Список использованных источников

1. Клеймер, Г. Наноэкономика / Г. Клеймер // Вопросы экономики. – 2004. – № 12.
2. Максимов, В. К. Коррупция (социально-экономические и криминологические аспекты) / В. К. Максимов, Ю. Г. Наумов. – М.: Академия управления МВД России, 2005.
3. Marshall, B. Corporate Common: The Abuse of Power / B. Marshall. – Praeger Publishers, 1990.
4. Spencer, M. Corporate Misconduct / M. Spencer, R. Sims // The Legal, Societal, and Management Issues Quorum Books. – 1995.
5. Хэ Цзэнкэ. Типы, степень и развитие политической коррупции в Китае в переходный период [Электронный ресурс] / Хэ Цзэнкэ. – Режим доступа: <http://www.cesrecom/text/50.html>.

Дата поступления в редакцию 15.02.2009.

Т. М. Стоменок

ТАМОЖЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ

Стоменок Тамара Михайлаўна – аспірант кафедри міжнароднага бізнесу БДЭУ. Даследуе пытанні рэгулявання мытнай справы. Мае шэраг публікацый па дадзенай тэматыцы.

Поступательный рост объемов международной торговли, либерализация и устранение таможенно-тарифных и нетарифных барьеров требуют от национальных таможенных органов применения инновационных методов таможенного администрирования. В связи с этим актуальным представляется выявление современных тенденций таможенного регулирования международной торговли с целью их дальнейшей адаптации к национальной системе таможенного регулирования. Упрощение торговых процедур, находящееся в центре внимания международных организаций (Всемирная торговая организация, Центр ООН по упрощению процедур торговли и электронным деловым операциям (СЕФАКТ ООН)), требует, в том числе, упрощения таможенных процедур как значительно влияющих на процесс импорта/экспорта.

Настоящее исследование ставит целью развитие теоретические основы упрощения таможенных процедур, используя следующие источники:

- 1) «Реформируя регулирующие процедуры импорта и экспорта: руководство для практиков» (Reforming the Regulatory Procedures for Import and Export: Guide for Practitioners);
- 2) «Упрощение торговых процедур и экономическое развитие: оценивая эффект» (Trade Facilitation and Economic Development: Measuring the Impact);
- 3) «Меняя таможенную: вызовы и стратегии для реформы таможенной администрации» (Changing Customs: Challenges and Strategies for the Reform of Customs Administration);
- 4) Электронный ресурс «Делая бизнес» / «Doing Business» (<http://www.doingbusiness.org/>).

Мировая торговля после второй мировой войны переживала период расцвета. Объемы международной торговли значительно выросли на фоне всеобщей деловой активности. Так, если в 1970 г. общий экспорт составлял 318 млрд. долл., то в 1990 г. он уже равнялся 2 трлн. долл., а к 2004 г. превышал 7,5 трлн. долл. Общий импорт же за эти годы также значительно вырос: с 222 млрд. долл. в 1970 г. до более 2,4 трлн. в 1990 г. и 7,5 трлн. долл. в 2004 г.¹ В 2007 г. общий экспорт составлял 13,6 трлн. долл., а импорт равнялся 13,9 трлн. долл.² Такой рост объемов мировой торговли вызван, в первую очередь, развитием информационных и коммуникационных технологий.

С конца 2007 г. темпы роста объемов мировой торговли упали в связи с мировым финансовым кризисом. Текущий кризис, начавшийся в 2007 году с ипотеки в США и захвативший все рынки мира, эксперты считают самым серьезным со времен Великой депрессии в США, так как он уже привел к снижению темпов производства и объемов мировой торговли. Очевидно, что следует ожидать негативных последствий и в будущем. По мнению экспертов, затянувшийся кризис может вызвать торговые войны между развитыми странами и возврат к протекционизму. Однако усложнившиеся условия для продвижения товаров на мировой рынок требуют от национальных экономик еще большего повышения конкурентоспособности товаров, прозрачности и упрощения процедур доступа на мировые рынки, в том числе за счет упрощения таможенных процедур.

Среди тенденций международной торговли в конце XX века – начале XXI века необходимо отметить либерализацию торговых режимов, как в развитых, так и в развивающихся странах. Связано это, в первую очередь, с деятельностью с 1947 г. Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ), которое с 1994 г. заменила Всемирная торговая организация (ВТО). Изначально в центре внимания стран-участниц ВТО находились вопросы снижения тарифных барьеров, затем к важнейшим направлениям переговоров было добавлено снижение нетарифных барьеров, переговоры по сельскохозяйственной продукции и т. д. Однако реалии международной торговли показали, что увеличение объемов международной торговли зависит не только от решения данных вопросов. Важным также стал вопрос об упрощении торговых процедур (trade facilitation). Данное упрощение

¹ *Мировая экономика и международные экономические отношения.* С. 277.

² *Фирсов К. Маршруты глобализации.* С. 17.

**ЗАТЯНУВШИЙСЯ КРИЗИС
МОЖЕТ ВЫЗВАТЬ ТОРГОВЫЕ
ВОЙНЫ МЕЖДУ РАЗВИТЫМИ
СТРАНАМИ И ВОЗВРАТ
К ПРОТЕКЦИОНИЗМУ**

включает комплекс мер, направленных на увеличение товарооборота между странами.

Упрощение торговых процедур стало предметом обсуждения в рамках последнего раунда переговоров Всемирной торговой организации – раунда Дохи (Катар, 2001). Среди прочих вопросов, включенных в повестку, значилась выработка определения «упрощения торговых процедур».

Исследования в области упрощения торговых процедур рассматривают несколько определений данного термина. Четкого определения не выработано до сих пор в связи со сложностью понятия. В узком смысле под упрощением торговых процедур понимается логистика перемещения товаров через порты или более эффективное перемещение документации, требуемой для международной торговли. В последние годы определение было расширено и теперь включает также и условия, в которых совершаются торговые операции, включая прозрачность таможенного регулирования и нормативной базы в целом, а также гармонизацию стандартов и соответствие их международным и региональным нормам.³ В широком смысле этого термина упрощение требуется во внутренней политике, институтах и инфраструктуре, обслуживающих перемещение товаров через границу. Это касается портов, таможенного администрирования, транзита, транспортных систем. Общим для этих эле-

³ Wilson J. *Trade Facilitation and Economic Development*. P. 23.

**СПОСОБНОСТЬ ДОСТАВЛЯТЬ
ТОВАРЫ И УСЛУГИ В КРАТЧАЙ-
ШИЕ СРОКИ ПО ВОЗМОЖНО
НИЗКИМ ЦЕНАМ ЯВЛЯЕТСЯ
КЛЮЧЕВЫМ ФАКТОРОМ ДЛЯ
ИНТЕГРАЦИИ СТРАНЫ В МИРО-
ВУЮ ЭКОНОМИКУ**

ментов является использование информационных и коммуникационных технологий. Такое понимание упрощения торговых процедур переместило акцент с международных операций на внутренние – регулирование внешней торговли в каждой стране.

В эру динамично меняющейся практики торговли стоимость перемещения товаров через границы так же важна для определения конечной рыночной стоимости товаров, как и тарифы (если не важнее). Способность стран доставлять товары и услуги в кратчайшие сроки по возможно низким ценам является ключевым фактором для интеграции страны в мировую экономику.

Исследования показывают, что уменьшение срока доставки грузов хотя бы на один день (по причине отсутствия простоя в порту или задержек на таможене) в среднем по миру сокращает рыночную стоимость товаров на 0,8%. Иначе говоря, для развивающихся стран это означает экономию примерно 240 млрд долл. в год, если бы время, необходимое для процесса импорта-экспорта, было сокращено в среднем хотя бы на один день.⁴

⁴ Bagai S. *Trade Facilitation*. P. 2.

В то же время развитие логистической инфраструктуры также влияет и на инвестиционный климат. Внутрифирменная мировая торговля составляет сейчас около 33% объемов мировой торговли. Транснациональные компании с производственными мощностями по всему миру принимают решения о размещении своих заводов, в том числе учитывая состояние нормативной базы, регулирующей внешнюю торговлю страны. В общем, прозрачное законодательство в сфере ВЭД может привлечь больше инвестиций и ускорить экономический рост.

В научных кругах предлагается ряд методик для оценки упрощения торговых процедур. Предлагаем рассмотреть исследование, проведенное специалистами Всемирного банка, посвященное изучению упрощения процедур торговли в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.⁵ В качестве параметров развития торговли избран ряд показателей.

1. Качество портовой (морской и авиационной) инфраструктуры.
2. Таможенное регулирование (уровень таможенных платежей и прозрачность таможенного законодательства).
3. Нормативная база, регулирующая ВЭД.
4. Развитость электронного бизнеса (наличие необходимой инфраструктуры (телекоммуникационной, финансовой, логистической); использование информации в сети Интернет и Интранет для повышения эффективности бизнеса).

Использование нескольких показателей вместо одного (транспортные издержки на международные перевозки; производительность транспортного сектора) объясняется именно расширенным толкованием понятия «упрощения торговых процедур». Для расчетов применяется гравитационный анализ (среди переменных в модели – расстояния между странами-контрагентами). В результате авторы приходят к выводу, что для изучаемых стран в целом приоритетным является развитие портовой инфраструктуры, что неслучайно, учитывая высокую долю морских перевозок при доставке продукции на мировой рынок (особенно для Китая). Однако в некоторых странах на первое место выходят иные показатели. Так, в России для увеличения объемов торговли необходимо в первую очередь развивать таможенное регулирование. Следует учесть, что данное исследование проводилось в 2003 году на основе данных 2000 года. Конечно, за это время в России было много сделано на пути усовершенствования таможенного администрирования: в 2004 году принят новый таможенный кодекс, максимально учитывающий требования Всемирной

⁵ *Wilson J. Trade Facilitation and Economic Development. P. 23.*

таможенной организации. На практике начинает применяться электронное декларирование, разрабатывается и внедряется система управления рисками.

Важность и необходимость упрощения торговых процедур вызвана тем, что торговые транзакционные издержки (trade transaction costs) оцениваются примерно в 7-10% стоимости мировой торговли, из них издержки на таможенную очистку при импорте/экспорте составляют 5-7%.⁶ Здесь выделяют прямые и косвенные торговые издержки. Прямые издержки включают стоимость сбора информации и оформления документации, необходимой для проведения операции по импорту/экспорту, а также расходы на услуги, сопутствующие торговле (страхование, хранение груза, погрузочно-разгрузочные работы и т.д.). К косвенным издержкам относятся расходы на задержки, происходящие в процессе импорта/экспорта (задержки в таможенном оформлении, процессе транспортировки), упущенные выгоды. Снижение транзакционных издержек хотя бы на 1% может привести к значительному увеличению экспорта страны за счет повышения конкурентоспособности продукции на мировом рынке при снижении ее стоимости. Важным доводом в пользу упрощения торговых процедур представляется также ограниченность ресурсов контролирующих органов при увеличивающемся год от года товаропотоке.

Исследования показывают, что процесс импорта товаров (морским или сухопутным транспортом) занимает только четверть всего времени, необходимого на импорт. В то же время подготовка товаросопроводительной документации, таможенная очистка и инспектирование занимает 75% времени процесса импорта.

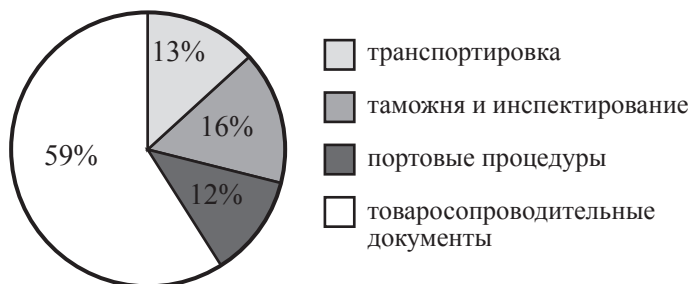

Рисунок 1. Время, необходимое на импорт⁷

На современном этапе в мировой практике совершение сделки по импорту/экспорту в среднем занимает 39 дней.

⁶ De La Campa A. A. *Reforming the Regulatory Procedures for Import and Export*. P. 18.

⁷ Ibid. P. 19.

Для Беларуси, по оценкам специалистов, время на импорт составляет 36 дней.⁸ Как следует из таблицы 1, импорт из стран ОЭСР занимает в среднем 14 дней, а из стран Восточной Азии и стран Тихого океана – 28 дней.

⁸ *Trading on Time.*

Таблица 1.
Время, необходимое для завершения каждой стадии импорта (в днях)⁹

Регион	Подготовка документации	Портовые процедуры	Таможенные формальности	Транспортировка до склада	Всего времени
Высокоразвитые страны ОЭСР	8	2	2	2	14
Восточная Азия и страны Тихого океана	18	3	4	3	28
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	24	4	5	3	36
Ближний Восток и Северная Африка	25	5	9	4	43
Европа и Центральная Азия	25	4	7	7	43
Южная Азия	24	6	7	10	47
Африка южнее Сахары	33	8	10	9	60
Мир	23	5	6	5	39

Нетрудно понять, что ускорение процесса совершения сделок в международной торговле приведет к значительным увеличениям объемов мировой торговли в целом. Так, по оценкам экспертов Всемирного Банка, реформа таможенной службы и упрощение процесса внешнеэкономической деятельности в Сингапуре, Филиппинах и Таиланде приведет к увеличению годового дохода этих стран на 3,9 миллиона долл. США. Снижение торговых издержек на 5% в странах Азиатско-Тихоокеанского региона приведет к увеличению ВВП региона на 154 миллиона долл. США, или к приросту ВВП на 0,9% ежегодно.¹⁰

⁹ *De La Campa A. A. Reforming the Regulatory Procedures for Import and Export. P. 20.*

¹⁰ *Ibid.*

Таким образом, упрощение торговых процедур стало важным вопросом для развития международной торговли. Как было сказано выше, упрощение торговых процедур, среди прочего, подразумевает упрощение процедур таможенных, так как они требуют максимального количества времени в процессе импорта/экспорта.

Упрощение торговых процедур в рамках переговоров ВТО сводится к обсуждению более узкого круга вопросов, в числе которых ст. V, VIII, X ГАТТ, а также Соглашения о таможенной

стоимости, лицензировании импорта, предотгрузочной инспекции, правилах страны происхождения. Предметом же обсуждения в рабочей группе в течение переговоров в Сингапуре и Дохе стали только статьи V, VIII, X ГАТТ. Эти статьи закладывают основные принципы торговли, заключающиеся в прозрачности, предсказуемости, недискриминации и устранении излишних ограничений в торговле.

В частности Статья V ГАТТ (свобода транзита) создает базу, при которой транзит товаров свободен от транспортных барьеров и дискриминации поставщиков из разных стран. Статья VIII ГАТТ (сборы и формальности при импорте – экспорте) относится в основном к процессу таможенной очистки грузов и содержит общее обязательство недискриминации и прозрачности при уплате платежей и таможенном регулировании товаров, пересекающих границу. Статья X ГАТТ (опубликование и администрирование таможенных правил) посвящена необходимости своевременно опубликовывать положения нормативных актов в области ВЭД.

В рамках обсуждений по Статье V ГАТТ (транзит) предлагается упрощение и стандартизация процедур при транзите, унификация требований к товаросопроводительным документам. Есть также предложения по расширению перечня способов транспортировки и включению в него трубопроводного транспорта. Отмечается также особый интерес к данной статье у представителей стран, не имеющих выхода к морю. По Статье VIII ГАТТ (сборы) предлагается использование подхода «одного окна» на границе. По Статье X ГАТТ предложения включают более систематическое сотрудничество между таможенными органами и бизнесом, установление гармонизированных процедур при апелляции в отношении таможенных платежей и прочее.

Переговоры в рамках раунда Дохи близятся к завершению. И хотя противоречия между развитыми и развивающимися странами не раз ставили их под угрозу срыва, тем не менее, обсуждение мер по упрощению торговых процедур шло наиболее успешно. В окончательном варианте соглашения, скорее всего, будут указаны следующие положения:

- необходимость создания информационно-справочного бюро по мерам регулирования импорта-экспорта, правилам таможенной очистки и т. д.
- требование опубликования и размещения в сети Интернет информации о платежах, правилах и процедурах импорта-экспорта;

- необходимость создания официального механизма сотрудничества и обмена информацией в сфере ВЭД между государственными органами;
- улучшение обработки грузов в процессе транзита, что особенно важно для стран, не имеющих выхода к морю;
- применение методов управления рисками при таможенной очистке грузов, что приведет к уменьшению времени обработки грузов и снизит транзакционные издержки предпринимателей.

Таможенное регулирование международной торговли на современном этапе имеет ряд особенностей:

1. Ограниченность ресурсов таможни при ежегодно возрастающем грузопотоке. Мировой финансовый кризис, конечно, внес корректировки в объемы внешней торговли, они снизились. Однако, по мнению аналитиков, это явление временное, которое никоим образом не может повлиять на переход к новым технологиям и методам таможенного регулирования внешней торговли.

2. Активное применение новых подходов в таможенном регулировании, основанных на внедрении информационных технологий: управление таможенными рисками, электронное декларирование, предварительное информирование таможни назначения о грузе для возможности определения объектов выборочного контроля.

3. Формирование таможенной системы как системы таможенного сервиса при установлении партнерских взаимоотношений таможенных служб и бизнеса. Концепция таможенного сервиса подразумевает переход от сугубо контрольных функций таможни к взаимодействию с субъектами ВЭД, установлению партнерских отношений с участниками ВЭД, оказывающими услуги в сфере таможенного регулирования, а также импортерами и экспортерами. Сервисная функция таможенных органов заключается в необходимости обслуживания клиентов ВЭД на высоком уровне: снижение бюрократических барьеров, снижение транзакционных издержек, снижение времени на пересечение таможенной границы и таможенное оформление.

4. Рост значимости нетарифных методов регулирования международной торговли, особенно в связи с мировым финансовым кризисом, в том числе активное использование процедур таможенного регулирования в качестве нетарифных барьеров на пути товаров на мировой рынок. В качестве примера можно привести ситуацию в 2005 году с экспортом белорусского сахара в Россию. У российской стороны появились подозрения в том, что из Республики Беларусь экспортируется не только

сахар, изготовленный из белорусской свеклы (который может продаваться в Россию беспошлинно), но также и сахар из тростникового сырья, которое Беларусь импортировала, перерабатывала и якобы продавала в Россию (такая продукция облагается пошлиной). В связи с этим таможенная служба РФ включила белорусский сахар в профиль риска. Следствием данной меры стала необходимость стопроцентной выгрузки белорусской продукции на склад временного хранения в одной из таможен Москвы и проверки на качество и происхождение. В итоге процесс экспорта сахара в Российскую Федерацию оказался под угрозой.

5. Рост значимости международных организаций в регулировании международной торговли. В первую очередь речь идет, конечно, о Всемирной торговой и Всемирной таможенной организациях. Переговоры в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) являются важным элементом системы регулирования международной торговли. Наличие противоречий между развитыми и развивающимися странами в процессе переговоров (последний раунд переговоров – Раунд Дохи) подчеркивает необходимость такого форума для решения споров, возникающих в процессе международной торговли. Работа Всемирной таможенной организации (ВТамО) сосредоточена в сфере разработки международных инструментов таможенного регулирования внешней торговли. Главной целью ВТамО является повышение эффективности работы таможенных служб стран-членов в таких сферах, как укрепление национальной безопасности, увеличение сборов таможенных платежей, ведение статистики внешней торговли. Наиболее активно работа ведется в рамках следующих конвенций: Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Киотская конвенция), Международная конвенция о гармонизированной системе описания и кодирования товаров (ГС).

6. Рост значимости правоохранительной функции таможенного регулирования (предотвращение незаконных перемещений оружия, наркотических веществ и т. п.). Увеличение количества террористических актов за последнее десятилетие, их интернациональный характер вызвал повышение значимости правоохранительной функции таможенных органов. Именно таможенные органы в силу специфики работы призваны контролировать перемещение через границы оружия, товаров двойного назначения, наркотических веществ и т. п. Особенно актуальным это стало после террористических актов

11 сентября 2001 года, когда перед таможенными органами многих стран была поставлена задача по обеспечению национальной безопасности стран, в частности обеспечению безопасности цепи поставок грузов.

Выявленные тенденции позволяют определить соответствие белорусской практики таможенного регулирования международным нормам. Очевидно, что белорусская таможня в последние годы значительно улучшила качество таможенного администрирования. В новом таможенном кодексе, вступившем в силу в 2007 году, заложены практически все нормы современного таможенного регулирования, указанные в Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Киотская конвенция) в редакции Протокола 1999 года. Однако нельзя не отметить, что некоторые нормы до сих пор носят скорее декларативный характер и на практике не имеют широкого применения, например, электронное декларирование и управление таможенными рисками. Одной из причин такой ситуации представляется психологическая неподготовленность как сотрудников таможенных органов, так и представителей бизнеса к новым методам регулирования. Однако данное препятствие является устранимым при повышении уровня информирования участников ВЭД.

**БЕЛОРУССКАЯ ТАМОЖНЯ
В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЗНА-
ЧИТЕЛЬНО УЛУЧШИЛА КА-
ЧЕСТВО ТАМОЖЕННОГО
АДМИНИСТРИРОВАНИЯ**

Таким образом, очевидно, что и для Республики Беларусь уменьшение времени таможенного оформления приведет к снижению прямых и косвенных транзакционных торговых издержек, и, следовательно, к повышению конкурентоспособности отечественных товаров на мировом рынке, в том числе за счет повышения деловой репутации белорусских производителей при поставках товаров «точно в срок», и увеличению объемов внешней торговли Республики Беларусь. Упрощение таможенных процедур возможно при использовании современных таможенных технологий: системы управления рисками, электронного декларирования. При этом следует отметить, что управление рисками позволяет не только сократить время таможенного оформления за счет снижения количества таможенных досмотров, но и одновременно улучшить качество таможенного контроля, увеличить поступления таможенных платежей в бюджет.

Список использованных источников

1. Мацкевич, В. В. Упрощение таможенных процедур во внешней торговле Беларуси / В. В. Мацкевич // Белорусский союз предпринимателей и нанимателей [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://bspn.by> – Дата доступа: 04.02.2009.
2. Мировая экономика и международные экономические отношения: [в 2 ч.] Ч. 2 / Под ред. Р. И. Хасбулатова. – М.: Гардарики, 2006. – 718 с.
3. Турбан, Г. В. Международная торговля стремится к упрощению / Г. В. Турбан // Таможня и ВЭД. – 2004. – № 12. – С. 35-37.
4. Фирсов, К. Маршруты глобализации. Как перемещались товары, люди и деньги в XIX – XX вв. / К. Фирсов // Белгазета. – 2008. – № 35. – 1 сент. – С. 17.
5. Цеханович, Т. Ф. Инновационные тенденции в развитии международного института таможни / Т. Ф. Цеханович // Беларусь в современном мире: материалы VI Междунар. науч. конф., посвящ. 86-летию Белорус. гос. ун-та Минск, 30 октября 2007 г. / редкол. А. В. Шарапо, В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск: БГУ, 2007. – С. 267-269.
6. Bagai, S. Trade Facilitation: Using WTO Disciplines to Promote Development / S. Bagai, R. Newfarmer, J. S. Wilson. – Washington, D. C.: World Bank, 2004.
7. De La Campa, A. A. Reforming the Regulatory Procedures for Import and Export: Guide for Practitioners / A. A. De La Campa. – Washington, D. C.: IFC, 2003.
8. International Convention on the Simplification and Harmonization of Customs Procedures (as Amended) // World Customs Organization [Electronic Resource]. – 2006. – Mode of access: http://www.wcoomd.org/ie/En/Topics_Issues/FacilitationCustomsProcedures/Kyoto_New/Content/body_content.html – Date of access: 01.09.2006.
9. Keen, M. Changing Customs: Challenges and Strategies for the Reform of Customs Administration / M. Keen. – Washington, D. C.: IMF, 2003.
10. Trading on Time // Doing Business [Electronic Resource]. – 2007. – Mode of access: http://www.doingbusiness.org/documents/trading_on_time_full_report.pdf. – Date of access: 30.03.2007.
11. Wilson, J. Trade Facilitation and Economic Development: Measuring the Impact / J. S. Wilson, C. L. Mann, T. Otsuki. – Washington, D. C.: World Bank, 2003.

Дата поступления в редакцию 17.09.2009.

И. А. Полякова

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ УСЛУГИ КАК СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

В последние годы наблюдается повышенный интерес к сфере образования. Специалисты различных направлений – педагоги, психологи, экономисты, математики, менеджеры, маркетологи – изучают различные аспекты образования, формируя новые направления исследований. И это не является случайностью. Глобализация, переход мировой экономики к постиндустриальной (информационной) «экономике знаний» и становление образовательного общества привели к переосмыслению места человека в экономике и предопределили повышенное внимание к сфере формирования человеческого капитала, в первую очередь, к его образовательной составляющей. Интеграция Республики Беларусь в мировое экономическое пространство, переход к социально ориентированной рыночной экономике и реализация стратегической цели устойчивого развития нашей страны определили приоритетное развитие системы образования и актуализировали исследования в данной сфере.

Определение базовых экономических понятий является одним из основополагающих вопросов при изучении сферы образования. «Если в качестве объекта исследования определить «традиционную фабрику», то «... каких-либо трудностей, связанных с определением того, что собой представляют сырье, материалы, готовая продукция и сам процесс производства, не возникает. А вот взгляд на образование как на производственный процесс приводит к целому ряду очень непростых вопросов: что или кто является здесь сырьем? Кто собственно осуществляет производственный процесс? Что является

Полякова Ирина Анатольевна – старшы выкладчык кафедры эканамічнай тэорыі і гісторыі УА «Віцебская ордэна «Знак Паішаны» акадэмія ветэрынарнай медыцыны», суіскальнік кафедры эканомікі і кіравання вышэйшай школы РІВШ. Сфера навуковых інтарэсаў – эканамічныя адносіны ў галіне вышэйшай адукацыі. Мае шэраг публікацый па дадзенай тэматыцы.

¹ Тимошенко И. В. Система образования в зеркале экономической науки. С. 117-118.

готовым продуктом?».¹ Категориальное содержание понятий образовательная услуга, продукт и результат деятельности образовательного учреждения, а также содержание, формы проявления и характер экономических отношений в сфере образования все еще остаются дискуссионными и не до конца исследованными, что и явилось причиной данной работы.

Образовательная услуга: различие подходов и взглядов

Для определения сущности образовательной услуги обратимся к определению понятия «образование».

В большом экономическом словаре термин *образование* трактуется в трех аспектах: 1) получение систематизированных знаний, навыков, обучение, просвещение; 2) совокупность знаний, полученных в результате обучения; 3) отрасль народного хозяйства, предоставляющая гарантированное Конституцией образование.²

² Большой экономический словарь. С. 541.

В законе Республики Беларусь «Об образовании» образование определяется как процесс обучения и воспитания в интересах человека, общества, государства, направленный на сохранение, приумножение и передачу знаний новым поколениям, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном, нравственном, физическом развитии, на подготовку квалифицированных кадров для отраслей экономики.

ПОД ОБРАЗОВАНИЕМ ПОНИМАЕТСЯ ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СПОСОБНОСТЕЙ И ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ, ПРИ КОТОРОМ ОНА ДОСТИГАЕТ СОЦИАЛЬНОЙ ЗРЕЛОСТИ И ИНДИВИДУАЛЬНОГО РОСТА

По определению, принятому 20-ой сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО, под образованием понимается процесс и результат совершенствования способностей и поведения личности, при котором она достигает социальной зрелости и индивидуального роста. Данный подход получил дальнейшее развитие в работах ряда ученых и, в частности, В. Чекмарева: «образование (как общественное благо) – результат усвоения систематизированных знаний, конституирующих способности к труду и являющихся условием социально-экономического процесса», «образование (как процесс) – многосферная и многоуровневая система формирования отношений между человеком и средой обитания, между обществом и природой, между человеком и социумом (обществом)».³

³ Чекмарев В. В. Система экономических отношений в сфере образования. С. 21.

В приведенных определениях прослеживается двусторонний подход к образованию. Во-первых, с одной стороны, образование определяется как процесс совершенствования

личности посредством передачи и получения знаний, навыков, с другой – как результат усвоения знаний и совершенствования личности. Во-вторых, образование трактуется также, с одной стороны, как процесс подготовки специалистов для работы в отраслях экономики, а с другой – как процесс формирования и совершенствования личности. Также образование определяется и как отрасль народного хозяйства, предоставляющая гарантированное Конституцией образование. При этом образование выступает как гармоничная совокупность всех выделенных особенностей, в чем и проявляется его социально-экономический феномен.

Образовательный процесс реализуется посредством образовательной услуги. Анализ литературы и периодики показал, что единое мнение по поводу понятия «образовательная услуга» (ОУ) среди исследователей, изучающих данную проблему, отсутствует и относится к разряду дискуссионных.

Одним из устоявшихся определений ОУ является следующее: «Услуги в сфере образования – это услуги, оказываемые образовательными учреждениями в части их уставной непредпринимательской деятельности независимо от их организационно-правовых форм: государственными, муниципальными, негосударственными (частными, общественными и религиозными)».⁴ Ограниченность данного определения с позиций экономической науки заключается в том, что оно не раскрывает сущность ОУ как социально-экономической категории. Ряд исследователей, в частности В. П. Щетинин, под образовательными услугами понимает «совокупность знаний, информации, умений и навыков, которые используются для удовлетворения многообразных потребностей человека, общества и государства».⁵ Опираясь на понятие услуги как *целесообразной деятельности*, направленной на удовлетворение каких-либо потребностей человека и общества в целом, автор не разделяет данную позицию и является сторонником позиции В. В. Почекиной, которая определила образовательную услугу как «процесс передачи значимого объема знаний, навыков, умений от производителя (обучающего) к потребителю (обучаемому)».⁶ В данном определении отражен существенный признак образовательной услуги: она характеризуется как особый вид деятельности, как процесс. Эту особенность подчеркивают и другие исследователи, в частности А. В. Вифлеемский: «сущность (образовательной услуги – авт.) состоит

УСЛУГИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ – ЭТО УСЛУГИ, ОКАЗЫВАЕМЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ В ЧАСТИ ИХ УСТАВНОЙ НЕПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕЗАВИСИМО ОТ ИХ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМ

⁴ *Большой экономический словарь. С. 1096.*

⁵ *Щетинин В. П. Своеобразие российского рынка образовательных услуг. С. 127.*

⁶ *Почекина В. В. Международный рынок услуг. С. 141.*

⁷ Вифлеемский А. В. Экономика образования. С. 89.

⁸ Менеджмент, маркетинг и экономика образования. С. 256.

⁹ Бурденко Е. В. Рынок образовательных услуг в трансформируемой экономике. С. 65.

¹⁰ Лукашенко М. А. Высшее учебное заведение на рынке образовательных услуг: актуальные проблемы управления. С. 12.

¹¹ Чекмарев В. В. Система экономических отношений в сфере образования. С. 58.

¹² Лавлок К. Маркетинг услуг: персонал, технология, стратегия. С. 34.

в передаче знаний другим».⁷ Аналогичен и маркетинговый подход. В рамках маркетинга образования образовательная услуга определяется в трех аспектах, с позиций трех групп потребителей – личности, предприятия и государства:

- «с позиций отдельной личности ОУ – это процесс передачи потребителю знаний, умений и навыков общеобразовательного и профессионального характера, необходимых для удовлетворения его личных потребностей в приобретении профессии, саморазвитии и самоутверждении, осуществляемый в тесном контакте с потребителем по установленной форме и программе;
- с позиций предприятия ОУ – это процесс профессиональной подготовки кадров, необходимой для обеспечения его работоспособности, поддержания конкурентоспособности и развития в постоянно изменяющихся рыночных условиях;
- с позиций государства ОУ – это процесс, обеспечивающий расширенное воспроизводство совокупного личного и интеллектуального потенциала общества».⁸

На выделенных выше особенностях образования как процесса и результата строятся понятия образовательной услуги у ряда исследователей данного вопроса. В частности, Ю. Бурденко утверждает: «Образовательная услуга как товар – это полезный вид труда, непосредственно удовлетворяющий потребность человека в образовании и как материально-вещественный продукт, позволяющий удовлетворять образовательную потребность человеком самостоятельно (учебники, обучающие программы, пособие и т. п.)».⁹ По мнению М. А. Лукашенко: «ОУ – это совокупность целесообразной деятельности, удовлетворяющей потребность субъекта в образовании, и промежуточных образовательных продуктов в форме вещи, сопровождающих такую деятельность».¹⁰

В приведенных определениях авторы включают в понятие ОУ и вещественную составляющую образовательного процесса, несущую определенную совокупность знаний, которую В. В. Чекмарев определил как «материальные условия или субстрат образования»,¹¹ что является некорректным с позиций определения, во-первых, непосредственно услуги («услуга – это то, что можно купить и продать, но нельзя уронить себе на ногу»¹²), во-вторых, продукта образовательного производства. Для того, чтобы разобраться в данной ситуации и предложить авторское определение социально-экономической категории «образовательная услуга», проанализируем процесс образовательного производства, а также определим продукт и непосредственно

результат данного производства. Учитывая то, что образовательная услуга, как и любая другая экономическая категория, должна отражать наиболее существенные свойства и признаки соответствующего экономического процесса или системы экономических отношений, охарактеризуем данные экономические отношения и проанализируем свойства образовательных услуг.

Продукт и результат сферы образовательного производства

В настоящее время большинство исследователей сходятся во мнении, что «образовательные услуги, а не знания, умения, навыки... могут рассматриваться как товарная продукция учебного заведения».¹³ «Именно образовательная услуга является продуктом образовательного производства, осуществляемого в различных типах и видах образовательных заведений, а не «выпускник», «специалист» и т. п.».¹⁴ По мнению О. В. Сагиновой, «с точки зрения основной деятельности вуза и классической теории маркетинга продуктом является образовательная программа». При этом «образовательная программа – это комплекс образовательных услуг, нацеленный на изменение образовательного уровня или профессиональной подготовки потребителя и обеспеченный соответствующими ресурсами образовательной организации».¹⁵

М. А. Лукашенко предлагает оперировать двумя дифференцированными понятиями – «конечный образовательный продукт как образованность индивида и промежуточный образовательный продукт как результат промежуточных этапов образовательного производства, выраженный в образовательных товарах и услугах».¹⁶ В данном случае имеет место определенная некорректность: образованность индивида не может рассматриваться как продукт, т. к. продукт можно купить, продать, обменять, а образованность купить нельзя, она является результатом образовательного производства, результатом совместной деятельности производителя и потребителя ОУ, что является одной из особенностей образовательного процесса. Тем не менее нельзя не согласиться с автором в том, что «образовательный процесс включает в себя последовательность этапов, направленных на достижение «образования» как результата»¹⁷, а также с необходимостью различать процесс производства образовательных услуг и процесс оказания образовательных услуг как составную часть процесса производства, предполагающую включение непосредственного потребителя в образовательный процесс.

¹³ Попов Е. Н. Услуги образования и рынок. С. 44.

¹⁴ Чекмарев В. В. Система экономических отношений в сфере образования. С. 25.

¹⁵ Сагинова О. В. Маркетинг образовательных услуг.

¹⁶ Лукашенко М. А. Высшее учебное заведение на рынке образовательных услуг: актуальные проблемы управления. С. 113.

¹⁷ Там же. С. 10.

Процесс производства ОУ включает в себя ряд важных и необходимых промежуточных звеньев, многие из которых носят завершённый характер и имеют конкретный результат. В частности, процесс оказания ОУ предваряет: 1) разработка образовательного стандарта и образовательной программы; 2) подготовка учебно-методического и программного обеспечения; 3) разработка образовательных и управленческих технологий. «На определенном этапе образовательного производства промежуточный образовательный продукт может покинуть процесс производства посредством отчуждения... Такой продукт имеет самостоятельную полезность и перемещается как отдельный товар на рынок, смежный по отношению к рынку образовательных услуг. Это может быть рынок учебной литературы, рынок прикладного программного обеспечения и т. д.»¹⁸

¹⁸ Лукашенко М. А. Высшее учебное заведение на рынке образовательных услуг: актуальные проблемы управления. С. 13.

Основываясь на дифференциации образовательного продукта, В. В. Чекмарев предлагает разграничить экономические категории «образовательные услуги» и «услуги образования». Последние он определяет как «результаты образовательного производства, удовлетворяющие потребность в образовании не на основе производства ОУ, а за счет самообразования на основе потребления продуктов образовательного производства в виде товаров (учебники, дидактические материалы и т. п.)».¹⁹ В основе разграничения данных категорий лежит различие в характере экономических отношений, опосредованное способом получения образования. В случае самообразования экономические отношения между субъектами образовательного процесса носят скрытый характер в связи с тем, что отсутствует субъект-субъектный процесс производства как «целесообразные субъектные действия», а возникающие при этом издержки также «носят скрытый имплицитный характер и не только не подлежат учету, но и не учитываются вообще, хотя реально и существуют».²⁰ К тому же в основе образовательной услуги лежит живой труд, в то время как основой услуг образования является сочетание прошлого труда производителя, овеществленного в образовательном продукте, и живого труда потребителя, что связано со свойствами образовательной услуги, о чем речь пойдет позже. Услуги образования требуют специального анализа, что остается за пределами данного исследования.

¹⁹ Чекмарев В. В. Система экономических отношений в сфере образования. С. 59.

²⁰ Там же.

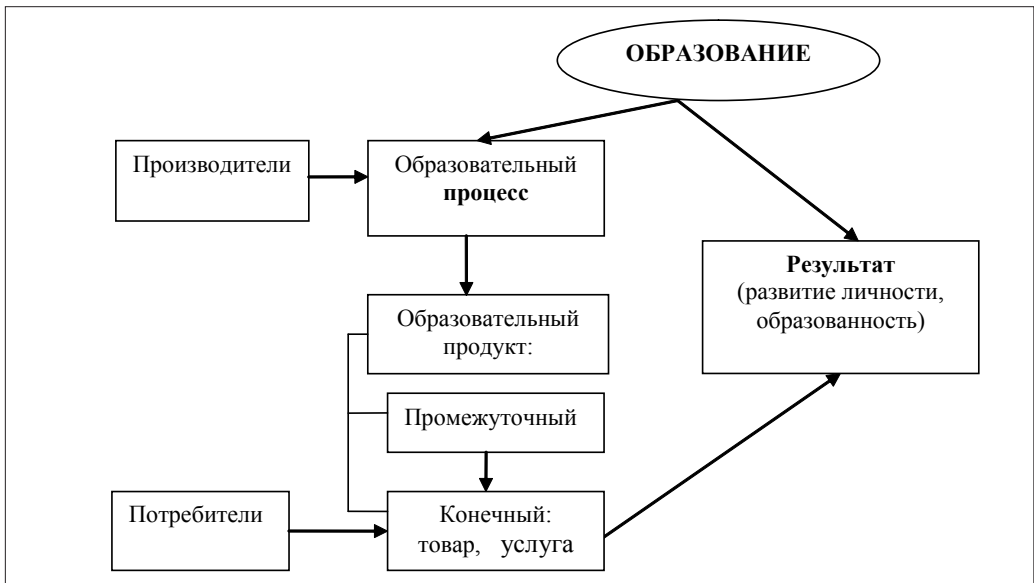
Из вышеизложенного становится ясно, что продуктом образовательного производства являются образовательные

услуги, а также товары, которые несут в себе определенную сумму знаний в форме учебной и научной литературы, образовательных программ.

Исследование процесса образовательного производства и анализ литературы по данному вопросу сформировали авторскую позицию о необходимости разделения и недопустимости смешения понятий «продукт образовательного производства» и «результат образовательного производства». Данная позиция основана на том, что целью деятельности в сфере образования является человек, а образовательные услуги и вещественные составляющие – продукт образовательного производства – выступают в качестве средства развития личности. «После производства ОУ как бы овеществляется в способностях человека... приобретает не вещественную форму, а своего материального носителя».²¹ К тому же не следует забывать и о том, что, по сути, образование, как уже определялось выше, это и есть *результат* усвоения систематизированных знаний, умений и навыков (рис. 1).

²¹ Чекмарев В. В. Система экономических отношений в сфере образования. С. 79.

Рис. 1. Продукт и результат образовательного производства

Источник: авторская разработка

Итак, продуктом образовательного производства являются образовательная услуга и образовательный товар (учебная литература, методический материал), в то время как результат образовательного производства заключается в развитии личности, в формировании способностей, навыков, повышении умений, в образованности.

Экономические отношения в сфере образования

Еще одной особенностью образовательных услуг является наличие двух фаз в их реализации. Первая фаза предполагает предоставление образовательных услуг учебным заведением обучающимся. На второй фазе обучающийся (первичный потребитель) реализует полученные знания, навыки и умения на рынке труда. Выделенная особенность позволяет говорить о субъектной множественности производства и потребления образовательных услуг. Охарактеризуем экономических субъектов данных отношений – производителей и потребителей – на примере высшей школы.

Производителями образовательных услуг высшей школы являются юридические лица, в частности классические университеты, профильные университеты (академии, консерватории), институты, и высшие колледжи, имеющие соответствующее разрешение на данный вид деятельности. По правовому статусу их можно разделить на государственные вузы и вузы частной формы собственности.

ПРОИЗВОДИТЕЛЯМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЯВЛЯЮТСЯ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА, В ЧАСТНОСТИ КЛАССИЧЕСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ, ПРОФИЛЬНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ (АКАДЕМИИ, КОНСЕРВАТОРИИ), ИНСТИТУТЫ И ВЫСШИЕ КОЛЛЕДЖИ, ИМЕЮЩИЕ СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ РАЗРЕШЕНИЕ НА ДАННЫЙ ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Потребителей образовательных услуг можно классифицировать, используя различные признаки. В научной литературе исследователями выделяются: во-первых, первичные индивидуальные потребители (студенты) и конечные индивидуальные потребители (близкие, родственники, коллеги). Во-вторых: производственные потребители (фирмы, организации) и конечные массовые потребители (учреждения культуры, общество и государство).

В-третьих, потребителей ОУ целесообразно дифференцировать еще на две категории: потребитель-покупатель, которым может быть непосредственно сам обучающийся, его родители, организация (фирма) и органы управления образованием, а также потребитель-клиент, непосредственно получающий образование. Правомерность данного разделения связана с тем, что «сам индивид потребляет свою функциональную грамотность (обучение, просвещение) через возможность общаться с миром вещей. Общество потребляет функциональную грамотность (воспитание, обучение) индивида через включение его в социальную жизнь. Производство потребляет функциональную грамотность (проф. подготовка) через использование рабочей силы индивида. Среда обитания потребляет функциональную грамотность (образование) через возможность

человека уберечь природу от самого себя, т. е. не производить действия, могущие привести к изменению хода исторических событий».²² С другой стороны, финансирование образовательной услуги ложится большей частью не на самого потребителя, а на другого экономического субъекта – государство, родителей, предприятие и т. п.

От потребителя требуется не пассивное желание, а активное участие в процессе создания и потребления образовательных услуг. Данное свойство позволяет выделить еще одну особенность образовательных услуг: обучающийся, являясь участником образовательного процесса, выступает одновременно и потребителем, и производителем образовательных услуг. Различие целей, которые ставят перед собой непосредственные (первичные) потребители образовательных услуг, позволяет продолжить классификационный перечень потребителей, и в группе потребителей-клиентов выделить следующие подгруппы:

- субъекты, имеющие четкую профессиональную направленность и представление о необходимом уровне образования;
- субъекты, ориентированные на максимально возможный личный доход в будущем – «сильный тип»;
- субъекты, ориентированные на минимизацию внешних и внутренних издержек при выборе образования – «слабый тип».²³

Экономические отношения в системе образовательных услуг высшей школы носят сложный характер, поскольку: 1) в процессы производства-потребления вовлечен ряд экономических субъектов – как физических, так и юридических лиц; 2) образование является составной частью национального хозяйства, следовательно, экономические отношения реализуются не только внутри сферы образования, но и во взаимодействии сферы образования с другими сферами хозяйственной деятельности; 3) образование характеризуется как социально значимое благо, противоречивая природа которого «создает объективную основу для коллизии между текущими индивидуальными и долгосрочными общественными предпочтениями в отношении потребления и использования такого рода благ».²⁴

В центре экономических отношений сферы образования находится, во-первых, носитель потребности в образовании, потому как именно его экономические интересы должны реализовываться; во-вторых, образовательная услуга, по поводу производства которой и складываются все экономические отношения в сфере образования.

²² Чекмарев В. В. Система экономических отношений в сфере образования. С. 79.

ОТ ПОТРЕБИТЕЛЯ ТРЕБУЕТСЯ НЕ ПАССИВНОЕ ЖЕЛАНИЕ, А АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ И ПОТРЕБЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

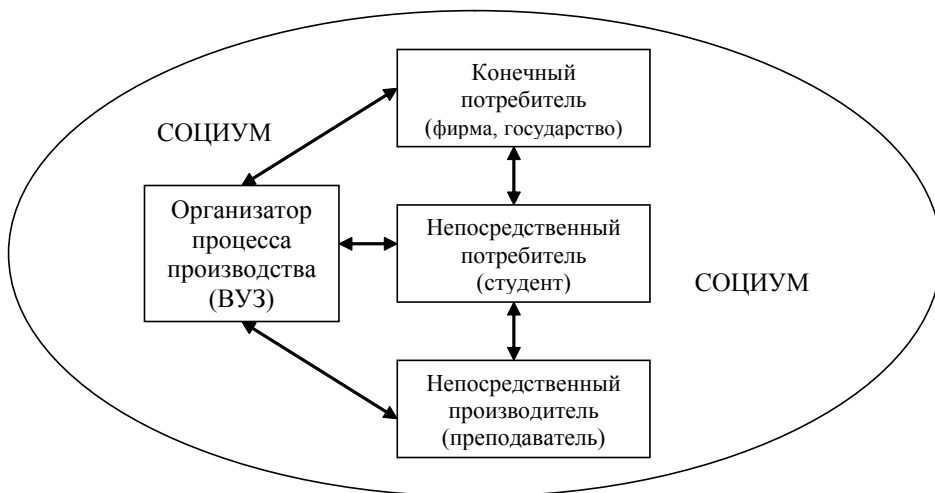
²³ Лукашенко М. А. Высшее учебное заведение на рынке образовательных услуг: актуальные проблемы управления. С. 65.

²⁴ Жильцов Е. Н. Экономика общественного сектора и некоммерческих организаций. С. 21.

Не имея возможности в рамках данной публикации провести подробный анализ всего спектра экономических отношений по указанной проблеме, выделим основные отношения, наиболее явно возникающие в процессе производства и потребления образовательной услуги, а также экономические отношения, возникающие при взаимодействии сферы образования с иными сферами хозяйствования. Экономические отношения, возникающие в процессе производства и потребления образовательной услуги, включают в себя, в частности, следующие отношения (рис. 2):

- первичный потребитель (студент) ↔ непосредственный производитель (преподаватель);
- первичный потребитель (студент) ↔ организаторы процесса производства ОУ (ВУЗ);
- непосредственный производитель (преподаватель) ↔ организаторы процесса производства ОУ (ВУЗ);
- первичный потребитель (студент) ↔ конечный потребитель (фирма, государство, общество);
- организаторы процесса производства ОУ (ВУЗ) ↔ конечный потребитель (фирма, государство, общество).

Рис.2. Экономические отношения, возникающие по поводу производства и потребления образовательных услуг, на примере высшей школы

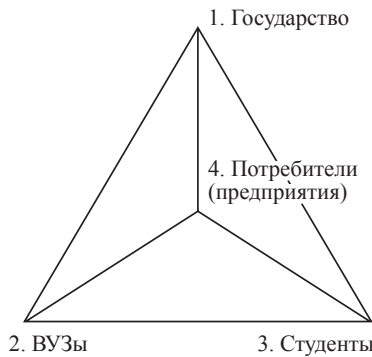
Источник: авторская разработка

Необходимо отметить одно важное обстоятельство. Первичный потребитель, не являясь постоянным участником экономических отношений, связанных с процессом производства и потребления образовательных услуг, находится под воздействием социума, с одной стороны, и производителя, с другой стороны. Невостребованность тех или иных характеристик

образовательной услуги со стороны социума приводит к ряду противоречий, которые решаются либо за счет производителя – путем повышения (понижения) его профессиональных компетенций, либо за счет преобразования среды, что является длительным процессом, либо за счет непосредственного потребителя, которому приходится разрешать возможное противоречие между производителем и социумом. В последнем варианте, «низкий уровень социального окружения предполагает наличие материальных компенсаций потребителю образовательной услуги либо его изоляцию от социума».²⁵

Экономические отношения, которые возникают и реализуются во взаимодействии сферы образования с иными сферами хозяйственной деятельности, можно проследить, используя предложенную А. Браверманом концептуальную объемно-пространственную модель отношений в системе высшего образования (рис. 3).²⁶

Рис. 3. Концептуальная объемно-пространственная модель отношений в системе высшего образования (по А. Браверману)

А. Браверман предлагает следующим образом рассматривать плоскости пирамиды: 1-2-3 – общественные отношения, характеризующие учебный процесс; 1-2-4 – общественные отношения, связанные с финансирование высшей школы; 1-3-4 – отношения, характеризующие социальное обеспечение студентов; 2-3-4 – рыночные отношения в системе высшего образования.

Авторская интерпретация данной модели заключается в следующем: содержание пирамиды 1-2-3-4 представляет рынок образовательных услуг, плоскость 1-2-3 – государственное регулирование рынка образовательных услуг; 2-3-4 – сектор профессиональной подготовки; 1-3-4 – сектор рынка труда; 1-2-4 – сектор рынка научно-исследовательских работ.

Данная модель, как и любая другая, акцентирует внимание на самых существенных сторонах, абстрагируясь при этом

²⁵ Чекмарев В. В. Система экономических отношений в сфере образования. С. 63.

²⁶ Мамонтов С. А. Сфера образования как многоуровневая маркетинговая система.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ УСЛУГУ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ МОЖНО ОПРЕДЕЛИТЬ КАК ЦЕЛЕСОБРАЗНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЗАКЛЮЧАЮЩУЮСЯ В ФОРМИРОВАНИИ ОСОБОЙ, НЕОТДЕЛИМОЙ ОТ ЛИЧНОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ

от многих аспектов действительности. В частности, с образовательной услугой связаны кредитные отношения, возникающие между непосредственным потребителем либо членами его семьи, с одной стороны, и кредитными учреждениями, с другой стороны, а также политико-экономические отношения, связанные с финансированием сферы образования и т. д. Данные отношения не являются предметом настоящего исследования, однако позволяют характеризовать образовательную услугу как сложную экономическую категорию.

Подводя итог, образовательную услугу высшей школы можно определить как целесообразную деятельность, заключающуюся в формировании особой, неотделимой от личности потребительной стоимости, направленную на становление и совершенствование личностных и профессиональных компетенций потребителя в процессе передачи определенного объема информации и знаний.

Заключение

Проведенное исследование, направленное на рассмотрение категориально-понятийного аппарата, связанного со спектром экономических отношений рынка образовательных услуг, позволяет сделать следующие выводы:

- переход к рыночным отношениям привел к формированию рынка образовательных услуг и актуализировал исследования в сфере образования;
- анализ мнений исследователей показал неоднозначность трактовки содержания понятий, характеризующих экономические отношения в сфере образования;
- продукт образовательного производства может подразделяться на конечный и промежуточный. Образовательные услуги и вещественные составляющие образовательного процесса, несущие определенную совокупность знаний, являются конечным продуктом образовательного производства и выступают в качестве средства развития личности как результата образовательного производства;
- экономические отношения в системе образовательных услуг носят сложный характер в связи с тем, что возникают и реализуются не только в непосредственном процессе производства и потребления образовательной услуги, но и во взаимодействии образовательного производства с иными сферами хозяйственной жизни.

Список использованных источников

1. Тимошенко, И. В. Система образования в зеркале экономической науки / И. В. Тимошенко. – Харьков: Изд-во НУА, 2005. – 296 с.
2. Большой экономический словарь / А. Н. Азрилиян [и др.]; под ред. А. Н. Азрилияна. – 4-е изд. – М.: Институт новой экономики, 1999. – 1248 с.
3. Образование: Закон Респ. Беларусь, 29 октяб. 1991 г., N 1202-ХП: с изм. и доп.: текст по состоянию на 11 июля 2007 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 171. – 2/1350.
4. Чекмарев, В. В. Система экономических отношений в сфере образования / В. В. Чекмарев. – Кострома: Изд-во Костромского госпедуниверситета им Н. А. Некрасова, 1998. – 239 с.
5. Щетинин, В. П. Своеобразие российского рынка образовательных услуг / В. П. Щетинин // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 11. – С. 127-135.
6. Почечкина, В. В. Международный рынок услуг / В. В. Почечкина, Ю. П. Якубук; Под ред. В. Ф. Медведева. – Минск.: НО ООО «БИП-С», 2004. – 264 с.
7. Вифлеемский, А. Б. Экономика образования: Учебное пособие в 2 кн. Книга 1 / А. Б. Вифлеемский. – М.: Народное образование, 2003. – 368 с.
8. Менеджмент, маркетинг и экономика образования: учеб. пособие / под ред. А. П. Егоршина, Н. Д. Никандрова. – 2-е изд. – Н. Новгород: НИМБ, 2004. – 526 с.
9. Бурденко, Е. В. Рынок образовательных услуг в трансформируемой экономике: дис... канд. экон. наук: 08.00.01 / Е. В. Бурденко. – М., 2005. – 194 л.
10. Лукашенко, М. А. Высшее учебное заведение на рынке образовательных услуг: актуальные проблемы управления / М. А. Лукашенко. – М.: Маркет ДС, 2003. – 358 с.
11. Лавлок, К. Маркетинг услуг: персонал, технология, стратегия / К. Лавлок. – 4-е изд. – Пер. с англ. – М.: Изд. дом «Вильямс», 2005. – 1008 с.
12. Попов, Е. Н., Услуги образования и рынок / Е. Н. Попов // Российский экономический журнал. – 1992. – № 6. – С. 43-49.
13. Сагинова, О. В. Маркетинг образовательных услуг / О. В. Сагинова // Корпоративный менеджмент [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: http://www.cfin.ru/press/marketing/1999-1/05_shtml. – Дата доступа: 10.12.2008.
14. Жильцов, Е. Н. Экономика общественного сектора и некоммерческих организаций: учеб. пособие / Е. Н. Жильцов. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 185 с.
15. Мамонтов, С. А. Сфера образования как многоуровневая маркетинговая система / С. А. Мамонтов // Маркетинг в России и за рубежом. – 2001. – № 5. – С. 3-12.

Дата поступления в редакцию 16.03.2009.

Ананьев Д. А.

ДИНАМИКА ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ОПЕРАЦИЙ НА РЫНКЕ ПИВОВАРЕННЫХ ТОВАРОВ И ПУТИ УВЕЛИЧЕНИЯ ЭКСПОРТА

*Ананьеў Дзмітрый
Аляксандравіч – аспі-
рант кафедры эка-
номікі кіравання
прадпрыемствамі
гандлю і паслуг БДЭУ.
Даследуе пытанні ар-
ганізацыі знешняга
гандлю. Мае шэраг
публікацый па дадзе-
най тэматыцы.*

На формирование пивоваренного рынка Республики Беларусь, кроме факторов спроса и внутреннего производства пивоваренной продукции, значительное влияние оказывает внешнеторговый аспект, который отражает взаимосвязь мирового и внутреннего рынка пивоваренной продукции. Это воздействие объективно обусловлено спецификой рыночных законов спроса и предложения в пивоваренной сфере и предопределяется особенностями конъюнктуры мирового рынка пивоваренной продукции. Оно выражается в том, что независимо от фазы экономического цикла, будь то подъем, кризис или депрессия, существует постоянная необходимость в удовлетворении потребности человека в продуктах питания.

Анализ результатов социально-экономического развития рынка пивоваренной продукции за последние годы свидетельствует об активном росте емкости внутреннего рынка пива, что связано с увеличением потребления пивоваренной продукции на душу населения. Однако темп роста отечественного производства пивоваренной продукции существенно отстает от темпов роста емкости рынка пива, что и обуславливает постоянное увеличение доли импорта на рынке пивоваренной продукции. Отсталость от импортного продукта в создании и распространении отечественной пивоваренной продукции привела к падениям объемов экспорта и усилению позиций импортных производителей на рынке пива Республики Беларусь.

Деятельности рынка пивоваренной продукции уделяли внимание, в основном, российские ученые (Ю. А. Андриенко,

А. П. Немцов, А. В. Быкова, Ю. С. Жукова). Однако в трудах белорусских ученых проблемы рынка пивоваренной продукции отражения не нашли, а поскольку состояние внешнеторговых операций оказывает существенное влияние на экономику страны, актуальность данной темы очевидна.

В работе дана комплексная оценка состояния рынка пивоваренной продукции и предлагаемый алгоритм развития экспортного потенциала. Алгоритм основан на консолидации усилий всех отечественных пивоваренных компаний и концерна «Белгоспищепром» с целью развития экспортного потенциала национального пивоваренного продукта. Этапы развития экспортного потенциала отечественной пивоваренной продукции предполагают создание специализированного дистрибьютора, осуществляющего свою деятельность при помощи агентских технологий и системы агентских проектов за пределами Республики Беларусь с целью выхода и закрепления на экспортные рынки и развития продаж.

В Республике Беларусь в структуре потребления отечественной и импортной пивоваренной продукции происходят значительные изменения (рис.1). В 2002 г. спрос на пивоваренную продукцию на 98 % удовлетворялся отечественными производителями и лишь на 2 % импортным продуктом. В последующем предпочтения потребителей стали трансформироваться, и в 2008 г. доля национального продукта в общем потреблении составила 75 % и импортного 25 %.

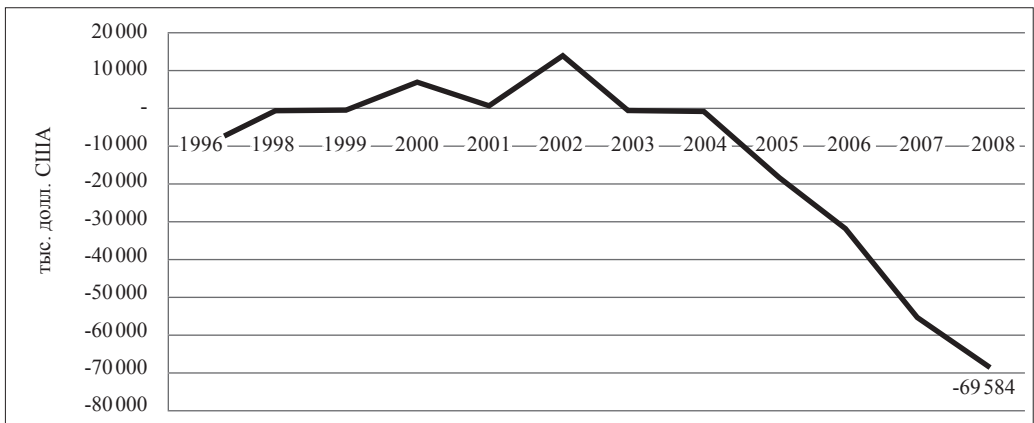

Рис. 1. Структура реализации пивоваренной продукции в Республике Беларусь.

Стремительно увеличивающаяся доля импортных производителей отражает более быстрые процессы приватизации пивоваренных предприятий и, соответственно, модернизации как производственной, так и сбытовой деятельности

в странах-соседах, в частности, в России и Украине. Следовательно, более агрессивная маркетинговая политика в области создания и продвижения импортной продукции на рынок Республики Беларусь повлияла на предпочтения потребителей пива.

Для оценки экспортно-импортных операций пивоваренной продукции рассмотрим динамику сальдо от внешней торговли (рис.2).

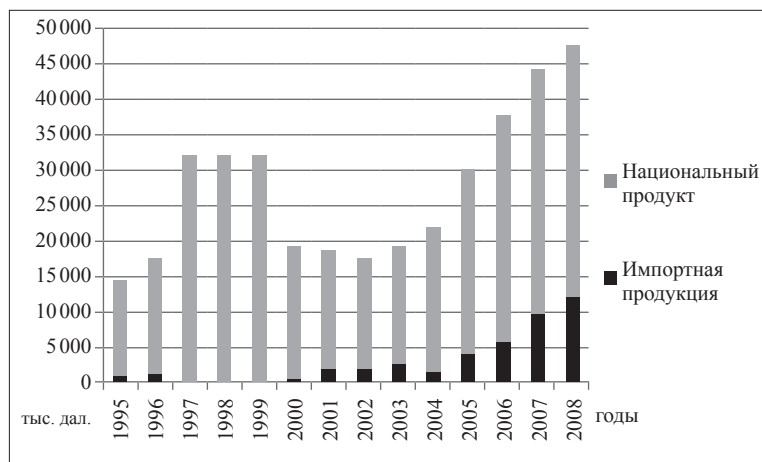

Рис. 2. Динамика внешнеторгового сальдо торгового баланса пивоваренной продукции с 1995 по 2008 гг.

Как следует из анализа внешнеторговой деятельности, отрицательное сальдо внешней торговли в 2008 году составило 69,5 млн. дал, что в 2,2 раза больше аналогичного показателя 2006 года. Увеличение отрицательного внешнеторгового сальдо обусловлено низкой величиной экспорта и значительным увеличением импорта пивоваренной продукции (рис.3).

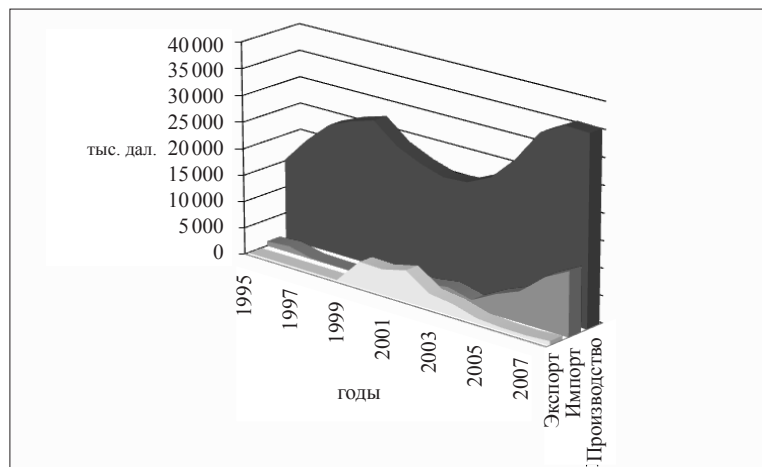

Рис. 3. Динамика экспорта, импорта и национального производства за 1995-2008 гг.

Рост импорта пивоваренной продукции происходит преимущественно за счет ввоза пивоваренной продукции из стран СНГ, в 2007 г. – 95888 тыс. долл., а в 2008 г. – 119542 тыс. долл. (табл. 1). Основными поставщиками импортного пива являются Россия и Украина. В 2008 году их вклад в общий объем импорта составил 64% и 35% в натуральном выражении соответственно, для сравнения – в 2007 году 80% и 18%.

Таблица 1.

Структура импорта пивоваренной продукции с 2004 г. по 2008 г. в Республику Беларусь

Страна	2005		2006		2007		2008	
	тыс. л.	тыс. долл. США	тыс. л.	тыс. долл. США	тыс. л.	тыс. долл. США	тыс. л.	тыс. долл. США
СНГ	38801	20503	57168	33333	95888	57350	119542	71324
Россия	35050	18933	53008	31171	78127	49931	76964	53481
Украина	3751	1570	4160	2162	17761	7419	42578	17843
вне СНГ	449	749	546	1006	802	1585	922	1943
ВСЕГО	39250	21252	57714	34339	96690	58935	120464	73267

Основным импортером в Республику Беларусь пивоваренной продукции является российский производитель ОАО «Пивоваренная компания «Балтика». В 2007 г. она ввезла 53% от общего импорта против 64% в 2006 г. В 2006 году рыночная доля компании в Беларуси составила 8,3% в физическом и 10,5% в стоимостном выражении. В 2007 году доля компании на белорусском рынке составила уже 8,9 в натуральном и до 11,9% в денежном выражении.

Сильным барьером для ограничения импорта пива из стран, не входящих в СНГ, служит таможенная пошлина, равная 1,6 Евро за литр, а также ограничение по минимальной стоимости ввозимого пива – 1,4 Евро за литр. Данные меры являются основным сдерживающим фактором для роста импорта, так как после таможенной отчистки стоимость одной бутылки пива 0,5 литра в розничной торговле достигает 7000-9000 белорусских рублей. К основным странам, экспортирующим в 2008 г. свою продукцию в Республику Беларусь, относятся Германия и Чехия – признанные мировые лидеры пивоваренного производства. Однако общий объем импорта данных стран в 2008 году составил менее 1% в натуральном выражении от всего импорта.

К основным законам, которые смогли упорядочить импорт пивоваренной продукции, следует отнести постановление

совета министров Республики Беларусь № 208 от 19.02.2003 г. «Об упорядочении ввоза и оборота на территории Республики Беларусь пива солодового, происходящего из стран таможенного союза, с которыми отменены таможенный контроль и таможенное оформление». В рамках этого постановления оговаривалось введение маркировки специальными контрольными знаками сопроводительных документов, введение временных складов досмотра и иных мер регулирования импорта. Также следует упомянуть и указ Президента Республики Беларусь № 444 от 14.09.04 «О введении маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками». В результате проведенных мероприятий перестал существовать теневой рынок импорта пивоваренной продукции.

СОСТОЯНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ МОЩНОСТЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПИВОВАРЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ЯВЛЯЕТСЯ КЛЮЧЕВЫМ ФАКТОРОМ, ОТВЕЧАЮЩИМ НЕ ТОЛЬКО ЗА СПОСОБНОСТЬ ПРОИЗВОДИТЬ ПИВО ВЫСОКОГО КАЧЕСТВА, НО И ЗА ВОЗМОЖНОСТЬ В ПОЛНОЙ МЕРЕ ОБЕСПЕЧИВАТЬ ВНУТРЕННИЙ И ВНЕШНИЙ СПРОС НАСЕЛЕНИЯ НА ПРОДУКЦИЮ ПИВОВАРЕННОЙ ОТРАСЛИ

Одним из основных факторов, определяющих экспортный потенциал Республики Беларусь, является состояние производственных мощностей. Состояние производственных мощностей отечественных пивоваренных производителей является ключевым фактором, отвечающим не только за способность производить пиво высокого качества, но и за возможность в полной мере обеспечивать внутренний и внешний спрос населения на продукцию пивоваренной отрасли.

Как следует из данных Национального статистического комитета, начиная с 1999 года наблюдается уменьшение производственных мощностей отечественных пивоваренных компаний с 34866 тыс. дал. до 30851 тыс. дал в 2002 г. В результате деятельности новых иностранных и отечественных инвесторов производственные мощности увеличились в 2008 г. по сравнению с 2002 г. на 70,3 %.

Для оценки достаточности производственных мощностей отечественных пивоваренных компаний следует сопоставить величину реализованной пивоваренной продукции 47311 тыс. дал. в 2008 г. и прибавить величину экспорта этого же года 812 тыс. дал. В результате получается 48123 тыс. дал. и при сравнении с суммой производственных мощностей отечественных пивоваренных компаний (52534 тыс. дал.) получается, что при отсутствии импортной продукции на территории Республики Беларусь, производственные мощности национальных производителей были бы использованы на 92%. Учитывая тот факт, что сроки годности на отечественную пивоваренную продукцию колеблются от трех до шести месяцев, а потребление

пива носит ярко выраженный сезонный характер, можно сделать вывод, что при отсутствии импортной продукции либо при росте потребления или экспорта пивоваренные компании не смогут полностью обеспечить спрос на собственную продукцию.

Фактический процент использования производственных мощностей в 2008 г. составил 67,4%, что предопределяет потенциал для развития экспорта, который при неизменности рынка равен около 17000 тыс. дал. и был использован в 2008 г. на лишь на 4,8%. Следовательно, производственные мощности способны удовлетворить рост экспорта практически в 21 раз.

На фоне увеличивающегося импорта привлекает внимание состояние экспорта. Объемы экспорта пива остаются весьма скромными. За 2007 год белорусские предприятия экспортировали 517 тыс. дал. пива или около 1,1% от суммарного национального выпуска, что явилось наихудшим показателем за весь исследуемый период с 1995 по 2008 гг., между тем в 2002 г. экспорт составлял 5762 тыс. дал или 21560 тыс. долл., что более чем в 11 раз превышает экспорт 2007 года.

В 2008 г. экспорт пивоваренной продукции увеличился и составил 812 тыс. дал (3,6 млн. долл. США) или 2,3% от валового национального производства, что при оцененном потенциале экспорта в 17000 тыс. дал. является чрезвычайно малым показателем. А исходя из того, что при полной реализации экспортного потенциала экспортная выручка составила бы около 76 млн. долл. США, то и сальдо от внешней торговли стало бы положительным, так как импорт в 2008 г. был оценен на уровне 73 млн. долл. США.

К основным факторам, негативно повлиявшим на состояние экспорта пивоваренной продукции в период с 2005 г. по 2008 г., можно отнести:

- активное развитие российских и украинских производителей на национальном рынке Республики Беларусь;
- высокая стоимость отечественного пивоваренного продукта, так как даже с учетом дорогостоящих транспортных перевозок из Российской Федерации, занимающих в себестоимости пивоваренной продукции от 7 до 10%, стоимость некоторого национального пива оказывается выше либо равна российской, следовательно, при экспорте отечественной продукции возникают дополнительные расходы, которые влияют на уже высокую стоимость белорусского пива;
- невысокое, в первую очередь, по сравнению с российскими производителями, качество национального продукта;

- отсутствие существенных финансовых расходов на экспорт продукции. Большинство национальных производителей уделяет основное внимание внутренней конкуренции, а эффективная экспортная торговля возможна благодаря существенным финансовым расходам на рекламу, продвижение пивоваренной продукции, созданию представительств, открытию складов и т. д.

Выход на экспортные рынки пивоваренной продукции связан как с колоссальными финансовыми ресурсами, так и организационными усилиями. Все крупные отечественные пивоваренные производители пытаются сегодня выходить на экспортные рынки в одиночку, и в результате получается только обозначить факт экспорта производителя.

Создание торговых посредников за пределами Республики Беларусь предлагается произвести в несколько этапов:

1. Для первоначального вхождения на экспортные рынки целесообразно при помощи агентских проектов воспользоваться услугами одного специализированного дистрибьютора-экспортера, созданного с целью продвижения отечественной пивоваренной продукции за рубежом. Выбор именно системы агентских проектов со всеми национальными производителями обусловлен следующим:

- минимизация затрат на создание специализированного дистрибьютора и его материально-технической базы;
- сложностью вхождения в розничные торговые точки;
- уменьшение затрат логистического характера доставки пивоваренной продукции и его таможенной очисткой;
- минимизация затрат оплаты труда управленческого и обслуживающего персонала.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ДИСТРИБЬЮТЕРА-ЭКСПОРТЕРА НА ОПРЕДЕЛЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ЦЕЛЕСООБРАЗНО ОСУЩЕСТВИТЬ С ОДНОЙ ТОРГОВОЙ КОМАНДОЙ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ ИНТЕРЕСЫ ВСЕХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Необходимо, чтобы участие в уставном фонде специализированного дистрибьютора приняло как государство в лице концерна «Белгоспищепром», так и все пивоваренные производители, согласно доли их производства в валовом национальном объеме, и другие инвесторы, пожелавшие участвовать в проекте. Величину денежных средств на продвижение своей продукции (реклама, торговое оборудование) каждый отечественный производитель определяет сам.

Осуществление торговой деятельности специализированного дистрибьютора-экспортера на определенной территории целесообразно осуществить с одной торговой командой, представляющей интересы всех национальных

производителей. Для данного этапа лучше использовать лишь самые лучшие бренды каждого отечественного производителя.

2. Второй этап деятельности дистрибьютора-экспортера начинается после вхождения в розничные торговые точки и преследует своей целью развитие торговых отношений.

Отличительной особенностью второго этапа является создание на базе дистрибьютора-экспортера торговых команд каждого отечественного производителя. Каждая торговая команда будет заниматься исключительно реализацией и расширением ассортимента продукции определенного завода.

3. На третьем этапе реализации проекта рекомендуется создать независимые представительства каждого пивоваренного предприятия. Целью представительств будут рекламные мероприятия, управление торговым персоналом на базе существующего дистрибьютора-экспортера.

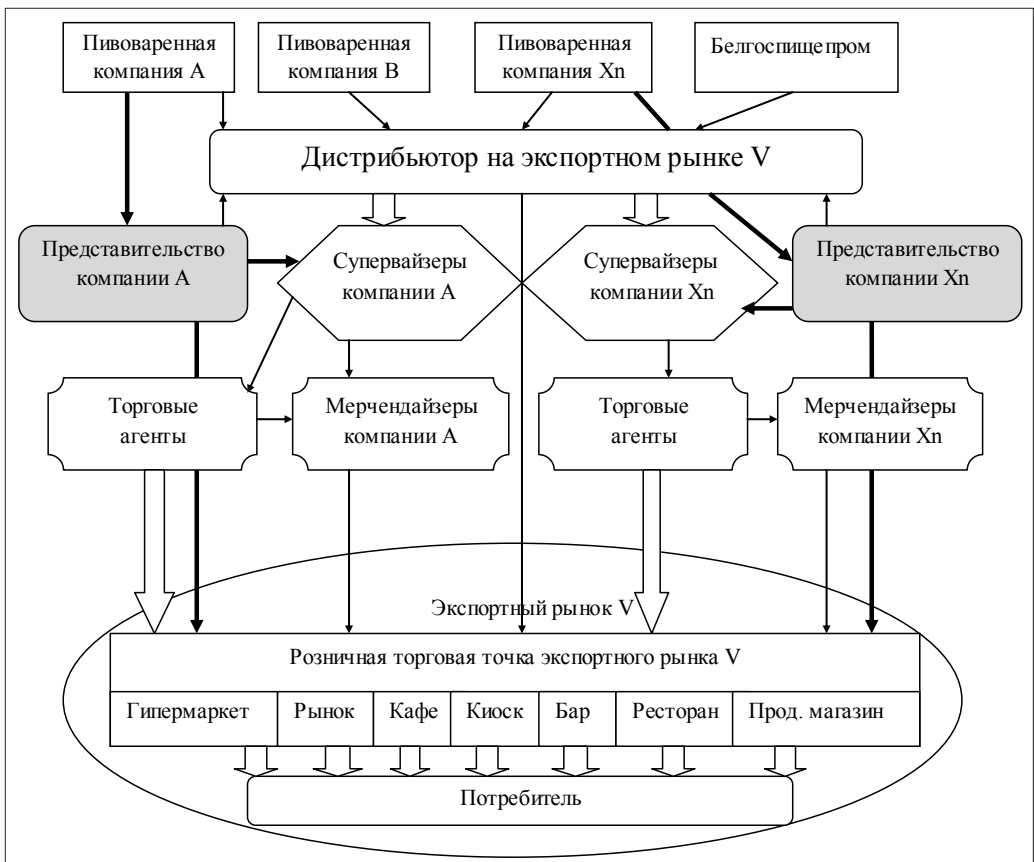

Рис. 4. Схема реализации экспортного потенциала пивоваренной продукции

4. После закрепления пивоваренных компаний на экспортном рынке каждому предоставляется полная свобода действий

производителю. Возможно продолжение деятельности на базе дистрибьютора-экспортера, создание собственного эксклюзивного дистрибьютора, консолидация усилий с одним или несколькими отечественными производителями по созданию дистрибьютора, переход к другим дистрибьюторам.

Описанные этапы вхождения на экспортные рынки способны развить экспортный потенциал отечественной пивоваренной продукции и минимизировать усилия по вхождению на зарубежные рынки.

В итоге проведенного анализа и предлагаемого алгоритма развития экспортного потенциала можно сделать следующие выводы.

1. В Республике Беларусь в структуре потребления отечественной и импортной пивоваренной продукции происходят значительные изменения, так в 2008 г. доля национального продукта в общем потреблении составила 75 % и импортного 25 %.
2. Отрицательное сальдо внешней торговли в 2008 году составило 69,5 млн. долл, что в 2,2 раза больше аналогичного показателя 2006 года. Увеличение отрицательного внешнеторгового сальдо обусловлено низкой величиной экспорта и значительным увеличением импорта пивоваренной продукции.
3. Одним из основных факторов, определяющих экспортный потенциал Республики Беларусь, является состояние производственных мощностей. Фактический процент использования производственных мощностей в 2008 г. составил 67,4 %, что предопределяет потенциал для развития экспорта, который при неизменности рынка равен около 17000 тыс. дал и был использован в 2008 г. на лишь на 4,8 %.
4. В 2008 г. экспорт пивоваренной продукции увеличился и составил 812 тыс. дал. (3,6 млн. долл. США) или 2,3 % от валового национального производства, что при оцененном потенциале экспорта в 17000 тыс. дал., является чрезвычайно малым показателем. К основным факторам, негативно повлиявшим на состояние экспорта пивоваренной продукции в период с 2005 г. по 2008 г., можно отнести: активное развитие российских и украинских производителей, высокая стоимость отечественного пивоваренного продукта, невысокое качество, отсутствие существенных финансовых расходов на экспорт продукции.
5. Предложенный к практическому использованию алгоритм развития экспортного потенциала отечественной пивоваренной продукции на основе создания специализированного

дистрибьютора-экспортера, осуществляющего свою деятельность на внешних рынках при помощи агентских технологий и системы агентских проектов. Алгоритм развития экспортного потенциала позволит внедрить и закрепиться на внешних рынках с минимальными потерями и затратами, что и предопределяет важность предлагаемого.

Список использованных источников

1. Таможенная статистика внешней торговли Республики Беларусь: Бюллетень, январь-декабрь 2008 / Государственный таможенный комитет Республики Беларусь. – Минск, 2009 – 223 с.
2. Внешняя торговля товарами Республики Беларусь: статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Минск, 2008 – 373 с.
3. Об упорядочении ввоза и оборота на территории Республики Беларусь пива солодового, происходящего из стран таможенного союза, с которыми отменены таможенный контроль и таможенное оформление: постановление совета министров Респ. Беларусь, 19 фев. 2003 г., № 208 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
4. О введение маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками: указ Президента Республики Беларусь, 14 сент. 2004 г., № 444 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2004.
5. Розничная торговля Республики Беларусь 2008: статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Минск: Главный вычислительный центр Минстата, 2008. – 133 с.

Дата поступления в редакцию 09.09.2009.

В. И. Пенкрат

ПРОЕКТ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С НЕФОРМАЛЬНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ МОЛОДЕЖИ

**Пенкрат Валянцін
Льіч**, кандыдат юры-
дычных навук, дацэнт,
працуе ў Акадэміі МУС
Беларусі. Аўтар больш
40 друкаваных прац,
у тым ліку 6 вучэбных,
вучэбна-метадычных
і практычных дапа-
можнікаў, член аўтар-
скага калектыву Ка-
ментарыя да Кодэкса
Рэспублікі Беларусь аб
шлюбе і сям'і.

Среди технологий творческого вузовского обучения создание проектов и связанная с ними проектная деятельность по праву завоевывает одно из ведущих направлений. По мнению многих авторов, проект – это универсальный источник профессионального обучения, творческого и креативного взаимодействия обучаемых. Работа над проектом, участие в проекте способны развивать «практически все личностные структуры человека и формировать определенные личностные приращения». Включаясь в проект, каждый получает возможность по-другому взглянуть на окружающий мир, проявить поисковую активность, почувствовать интерес ко всему тому, что его окружает.

В рамках данного исследования проект интересует нас, прежде всего, как форма взаимодействия курсантов Академии МВД и студентов педагогического университета в работе с неформальными объединениями молодежи. Социальную картину жизни современной молодежи невозможно представить без разнообразных субкультур. Появление разного рода «неформалов» и молодых людей с отклоняющимся поведением социологи, психологи, педагоги и работники правоохранительных органов связывают с такими проблемами молодежи, как недостаточная самореализация и самоактуализация, непонимание со стороны взрослых ее интересов, устремлений и ценностей, трудность в выборе правильного жизненного пути и вхождения во взрослую жизнь с ее непростыми проблемами и т. д. Нами были предложены точки соприкосновения правовых и педагогических знаний и умений в решении такой

важной социальной проблемы, как взаимодействие с «неформалами», представителями различных субкультур. Все это требует глубокого понимания их особенностей и специфики.

Наибольшего внимания, по нашему мнению, требуют такие распространенные среди молодежи субкультуры, как «готы» и «эмо», «арэнбишники» и «байкеры», «гопники» и «скинхеды». В основе всех этих направлений находятся различные идеологии, та или иная музыкальная культура, своеобразные стили в одежде, особые формы времяпрепровождения, определенное сочетание интересов и жизненных ценностей, что и отличает каждую из них друг от друга.

Кратко охарактеризуем эти молодежные объединения.

Готы являются представителями готической субкультуры, основанной на эстетике готического романа, эстетической смерти, готической музыки и фильмов. У них наблюдается пристрастие к вампирской эстетике, «темному» взгляду на мир, оккультным наукам, эзотерике, каббале. Как правило, они носят черную одежду, кожаные плащи, ошейники, пояса и цепи, высокие шнурованные ботинки или другую тяжелую обувь. Характерной прической для обоих полов считаются длинные волосы, выкрашенные в черный цвет. Лицу придается «мертвенная» бледность с помощью пудры или грима, глаза подводятся более темной тушью. Они используют христианскую, египетскую и кельтскую символику: пентаграммы, перевернутые кресты, восьмиконечные звезды, изображения летучей мыши, украшения с черепами, гробиками и др. Любимой готами музыкой является готик-рок, который отличается как мрачными текстами о судьбе, любви и смерти, так и своеобразным темным имиджем.

Эмо – субкультура, основанная на особом виде музыки, для которой характерны проявления сильных эмоций в голосе вокалиста. Визг, плач, стоны, шепот, срывающийся на крик, – отличительные особенности этого стиля. Прическа – косая рваная челка, закрывающая один глаз, сзади короткие торчащие волосы. У эмо-девушек бывают детские, смешные прически – два маленьких хвостика, яркие заколочки-сердечки по бокам, бантики, обручи. Эмо делают пирсинг на лице, в ушах, ногти покрывают черным лаком, а на сумке или одежде используют множество значков. В качестве обуви характерны кеды или флипы (тапочки в ромбик). В ушах – наушники. Анорексичная худоба, обтягивающая футболка с разломленными сердцами, черепами и перекрещенными пистолетами, бабочками, почтовая сумка через плечо, покрытая заплатками

и значками, мягкими игрушками, яркие разноцветные браслеты на руках, узкие джинсы черного или пепельного цвета, возможно, с дырками или заплатками, очки в широкой черной оправе, на шее крупные яркие бусы розового или черного цвета – все это отличительные черты поклонников данной субкультуры. Главным правилом эмо является стремление к переживанию ярких и чистых эмоций. Их отличает жажда самовыражения, противостояние несправедливости, особенное чувствительное мироощущение. Они ищут дружбу и мечтают о счастливой любви.

Арэнбишники (R&B) – это субкультура детей, которые пытаются вести «глянцевую» жизнь. Наиболее частые переводы этой аббревиатуры – «богатые и красивые» или «ритм и блюз». Представители этой субкультуры возводят в культ «гламурный образ жизни». Они слушают, в основном, музыку стиля «R&B», читают глянцевые журналы, носят сдвинутую набок бейсболку и провозглашают лозунг: «вся сила в упаковке». Настоящий арэнбишник – это модный пиджак «а-ля Версаче», шляпа, футболка навывпуск, массивные перстни, сережки с камнями, на шее – бижутерия. Они гордо заявляют, что являются детьми улиц, слушают рэп и едят пиццу. Нередко они заявляют родителям: «Я вас ненавижу за то, что вы бедные!».

Байкеры – поклонники мотоциклов, у которых байк – часть образа жизни. Байкерская субкультура достаточно закрытая. Чтобы стать байкером, нужны первоначальные средства и стремление «гонять» по трассе быстрее ветра. В одежде они предпочитают кожаную или вязаную шапочку, «косуху» или кожаную мотокуртку, кожаные штаны. Байкеры часто отпускают длинные волосы, усы, бороды, для защиты глаз от ветра носят очки, поскольку часто не признают шлемов. Они используют символ черепа, который является, по их мнению, защитой от смерти. Эмблема клуба, нашитая на спину, показывает принадлежность байкера к определенному байк-клубу. Открытие и закрытие байкерского сезона знаменуются большими байк-слетами, где байкеры принимают участие в различных моторшоу. На такие слеты приглашаются музыканты, стриптизерши, каскадеры и употребляется большое количество пива.

Гопники – представители позднесоветской субкультуры, образованной в результате проникновения криминальной эстетики в молодежную среду. Они используют криминальный жаргон, демонстрируют очень низкий уровень интеллектуального, культурного и духовного развития, склонны к насилию,

пренебрежительному отношению к милиции и законопослушным гражданам, к правопорядку в целом. Гопниками, как правило, становятся дети из неблагополучных семей, которые принимают участие в так называемых гоп-стопах – уличных грабежах, сопровождаемых иногда и насилием. Наиболее распространенной одеждой гопника летом является спортивный костюм. Их часто можно увидеть с семечками подсолнуха, при этом шелуха от семечек сплевывается на тротуар. Гопников характеризует развязная походка и агрессивная манера поведения: разглядывание прохожих в упор, фамильярное обращение, отсутствие интеллектуальных и культурных развлечений, матерная и примитивная лексика, сексуальная распушенность, склонность к курению, употреблению алкоголя и наркотиков.

Скинхеды, или **скины** выделяются, прежде всего, начисто выбритой головой. Стандартной одеждой скинхедов являются высокие армейские ботинки, камуфляжные штаны или высоко закатанные джинсы с подтяжками. Практически все скины исповедуют крайне агрессивный национализм и расизм. Основным развлечением скинов являются драки и избиение представителей других национальностей и расовых меньшинств, где бы те не встретились. Большинство скинов, особенно молодые («пионеры»), являются фанатами какого-либо футбольного или хоккейного клуба. Объединяясь в группировки и посещая матчи любимой команды, они устраивают драки с фанатами других клубов.

По данным правоохранительных органов ко всем вышеперечисленным группам достаточно часто примыкают подростки и учащаяся молодежь с неявными психическими заболеваниями, то есть без «ярко выраженного психоза», в ряде случаев – молодые люди, которые уже употребляют как слабые, так и сильнодействующие наркотики и психотропные вещества. Некоторую часть среди представителей молодежных субкультур составляют учащиеся старших классов, «избалованные ленивцы», студенты младших курсов и празднично шатающаяся молодежь, которая по каким-то личностным причинам находится в состоянии неудовлетворенности жизнью.

Как показывает практика, безобидных группировок, течений и групп такого толка не бывает. За каждой из них стоят идеологи, разработчики этих направлений субкультуры. В каждой из них в качестве атрибута присутствует употребление наркотиков,

НЕКОТОРУЮ ЧАСТЬ СРЕДИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР СОСТАВЛЯЮТ УЧАЩИЕСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ, «ИЗБАЛОВАННЫЕ ЛЕНИВЦЫ», СТУДЕНТЫ МЛАДШИХ КУРСОВ И ПРАЗДНО ШАТАЮЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ, КОТОРАЯ ПО КАКИМ-ТО ЛИЧНОСТНЫМ ПРИЧИНАМ НАХОДИТСЯ В СОСТОЯНИИ НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ

спиртных напитков, пропаганда смерти, ухода из жизни, отвлечение от образования, труда, самосовершенствования и созидания себя как творца своей жизни.

Неформальные объединения современных подростков и молодежи становятся проблемой не только семьи или учебного учреждения, но и всего общества в целом. Поэтому

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ СТАНОВЯТСЯ ПРОБЛЕМОЙ НЕ ТОЛЬКО СЕМЬИ ИЛИ УЧЕБНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ, НО И ВСЕГО ОБЩЕСТВА В ЦЕЛОМ

педагоги-социологи, совместно с работниками правоохранительных органов, могут и должны вести с ними воспитательную работу, стремясь к повышению ее эффективности.

Одной из форм взаимодействия социальных педагогов и работников правоохранительных органов, на наш взгляд, может стать разработка социальных проектов в Интернет-версии в системе подготовки студентов педагогических вузов и курсантов Академии МВД Республики Беларусь для будущей профессиональной деятельности. Для этого необходимо, чтобы студенты педагогического вуза и курсанты Академии МВД досконально изучили то или иное направление субкультуры, подобрав соответствующую литературу, и разработали межрегиональный Интернет-проект.

Темы Интернет-проектов могут быть следующими:

Проект № 1. «Я хочу тебя понять. Расскажи о себе: о твоих интересах, желаниях, мечтах».

Цель: выработка коммуникативных навыков продуктивных способов общения, формирование диалогового мышления, и организация взаимодействия с внутренним миром другого человека.

Проект № 2. «Мы все – одна семья. Земля – наш общий дом».

Цель: формирование в сознании собеседника понимания ценности человеческой жизни; борьба за экологию человека и всего живого на земле, толерантность в отношениях с представителями разных поколений.

Проект № 3. «Подросток и взрослый в одной команде. Мы творим интересную жизнь».

Цель: найти общие интересы, оптимальные точки соприкосновения и пути решения конфликтных ситуаций в системе взаимодействия «взрослый – подросток». Сотрудничество взрослого и подростка в мире молодежного «экстрима» и обеспечение условий для более полезного времяпрепровождения и досуга.

Проект № 4. «Будь сильным и здоровым, чтобы достигнуть жизненных вершин. Мы за здоровый образ жизни. А ты?»

Цель: формирование ценностного отношения к здоровью и осознание смысложизненных ценностей: «здоровье и внешняя привлекательность»; «здоровье и успешность в жизни»; «здоровье и вариативность в выборе будущего»; «здоровье и успешная самореализация и самоутверждение».

Для каждого проекта может быть сконструировано свое «поле» целевых установок и результатов деятельности.

В нашем варианте результаты совместных проектов могут быть следующими:

- формирование новых представлений;
- усвоение новых знаний;
- появление новых смыслов;
- изменение жизненных ценностей, то есть формирование определенных личностных «приращений».

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СОВМЕСТНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПРОЕКТОВ ДАСТ ВОЗМОЖНОСТЬ УЧАСТВОВАТЬ В НИХ БОЛЬШОМУ КОЛИЧЕСТВУ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО МОЛОДЕЖНОМУ ДВИЖЕНИЮ И ПОДОЙТИ К РЕШЕНИЮ ЮНОШЕСКИХ ПРОБЛЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНО И КОМПЕТЕНТНО

Можно рассчитывать и на такой результат, что включение в Интернет-проект людей любого возраста может изменить позицию человека, превращая ее в субъектную форму участия преобразования себя и окружающего мира.

Осуществление совместных Интернет-проектов даст возможность участвовать в них большому количеству специалистов по молодежному движению и подойти к решению юношеских проблем профессионально и компетентно.

Без педагога или работника правоохранительных органов любое из направлений подростковой субкультуры может пойти по антисоциальному пути. Задача взрослого – учитывая все факторы, постепенно направлять активность молодых на решение личных и общественных проблем.

Список использованных источников

1. Колесникова, И. А. Педагогическое проектирование: учеб. пособие для высш. учеб. заведений / И. А. Колесникова, М. П. Горчакова-Сибирская; под ред. В. А. Сластенина, И. А. Колесниковой. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 288 с.
2. Супрычева, Е. Как я стала готом / Е. Супрычева // Комсомольская правда в Беларуси. – 2008. – 11 март. – С. 18-19.
3. Супрычева, Е. Как я стала «малышкой» эмо. / Е. Супрычева // Комсомольская правда в Беларуси. – 2008. – 12 март. – С. 16-17.
4. Супрычева, Е. Как я пыталась стать скинхедом. / Е. Супрычева // Комсомольская правда в Беларуси. – 2008. – 14 март. – С. 14-15.
5. Супрычева, Е. Как я стала жертвой гламура. / Е. Супрычева // Комсомольская правда в Беларуси. – 2008. – 15 март. – С. 8-9.

Дата поступления в редакцию 23.03.2009.

Кучинский В. А.

УДК 340.111.5

Юридические презумпции и фикции

На основе обобщения научной юридической литературы и правоприменительной практики в статье определяется содержание таких специфических правовых категорий, способных исполнять роль юридических фактов, как презумпции и фикции, также показаны принципиальные различия между ними.

Юридическая презумпция характеризуется как обладающее высокой степенью достоверности и обусловленное практикой правового регулирования предусмотренное правовой нормой предположение о наличии или отсутствии определенного юридически значимого явления.

Юридическая фикция – не существующее явно явление, но признанное в соответствии с законодательством в строго установленном порядке (правоприменительном процессе) существующим в силу высокой степени его достоверности и ставшее вследствие этого юридически значимым.

Сорокин А. Н.

УДК 347.726 (476):94 (47).084.3

Правовые вопросы развития института кооперации в советской Беларуси (1917 – 1921 гг.)

Выявлены основные тенденции государственного правового регулирования института кооперации на территории Беларуси 1917 – начала 1921 гг. Одновременно осмыслены меры правящей партии по ограничению функций кооперации как самостоятельной организации, превращению ее в унифицированную разновидность государственного снабженческо-распределительного механизма власти с бесплатно «приписанным» к его сети большинством населения.

Павлов В. И.

УДК 340.13 (043.3)

Альтернативные процедуры разрешения юридических конфликтов в контексте функционирования правовой системы Беларуси (теоретико-методологический анализ)

В статье рассматриваются методологические, теоретические и практические аспекты использования альтернативных способов разрешения юридических конфликтов в правовой системе Беларуси. На примере гражданско-правовых и уголовно-процессуальных отношений выявляются возможности использования альтернативных способов в разрешении юридических конфликтов. Проводится анализ возникновения и использования альтернативных процедур в западноевропейских правовых системах и рассматриваются специфические особенности рецепции выработанных на Западе альтернативных механизмов разрешения конфликтов в национальную правовую систему.

Лыч Г. М.

УДК 316.422: 330.342.172

Инновационная экономика и рынок

В статье даётся оценка инновационности нынешней экономики Республики Беларусь, излагаются основные недостатки в деятельности отечественной научной и научно-технической сферы. Обосновывается необходимость тесного взаимодействия государства, рынка и гражданского общества в обеспечении перехода национальной экономики на инновационный путь развития.

Котляров И. В., Таранова С. А.

УДК 321.7

Теоретико-методические основания исследования модернизации современных политических систем

В настоящее время имеется большое количество теорий модернизации. Однако политическая реальность показала полное несоответствие теории и практики. Уничтожение традиционных институтов и жизненных укладов повлекло за собой социальную дезорганизацию, хаос и аномию, рост девиантного поведения и преступности. Жизнь показала реальность многолинейного развития, когда инновации осуществлялись разными путями в зависимости от стартовых позиций тех или иных обществ и проблем, с которыми они сталкиваются. Учитывая огромное количество проблем и недостатков, неспособность прежних теорий ответить на вызовы современных политических реалий, предлагается принципиально новая синтетическая инновационная парадигма политических изменений. В ее основе лежит положение о том, что политическая система движется под комплексом целенаправленных воздействий от одного качественного состояния через переходное общество к другому качественному состоянию.

Петрович К. И.

УДК 342.9:342.56

Административная юстиция как форма реализации судебной власти

Согласно Конституции Беларуси обеспечение прав и свобод граждан является высшей целью государства. Решение этой задачи требует, в том числе, создания в стране сильной, независимой и доступной для населения судебной власти. В статье в данном контексте анализируются дополнительные механизмы судебной защиты прав и свобод граждан. В качестве таковых рассматривается опыт зарубежных стран по созданию административной юстиции, являющейся, по мнению автора, с одной стороны, самостоятельной формой реализации судебной власти и, с другой стороны, дополнительной гарантией обеспечения прав и свобод граждан.

Сигаева Т. А.

УДК: 347.763:656.2.073 (476)

Защита прав в делах, возникающих из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом

В статье рассматриваются основные вопросы защиты прав в делах, возникающих из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом. На основе исследования научных литературных и нормативных правовых источников автором определяются предмет и формы защиты прав, вытекающих из данного основания;

выявляются принципы, критерий и особенности формирования выбора способов их защиты в судебной форме; устанавливаются меры и средство защиты применительно к судебному порядку. В то же время подвергаются анализу отдельные теоретико-прикладные проблемы, существующие в данной области права: определение юридической квалификации права на защиту, понятия способов защиты и другие; высказываются аргументы в обоснование их решений. Характеризуется распространенность данной категории дел в судебной практике; устанавливаются причины, по которым отдельные конфликты не имеют в ней актуальности.

Новикова С. И.

УДК 37:330.342.146

Правовые аспекты совершенствования учебно-трудовых отношений в инновационной экономике

Статья посвящена проблеме учебно-трудовых отношений. Без преодоления существенных противоречий между состоянием техники (технологий) и уровнем профессионализма работников, без динамичного развития человеческих ресурсов инновационную экономику создать невозможно. Профессиональное обучение должно совершенствоваться таким образом, чтобы оно обеспечивало постоянное обновление знаний, умений и навыков.

Замятина Т. А.

УДК 342.56

Конституционные основы судебной власти

Данная статья посвящена конституционным основам судебной власти, которая является одной из ветвей государственной власти; она самостоятельна, независима от законодательной, исполнительной и равна им. В Конституции нашли закрепление основы организации и деятельности судебной власти, гарантии её независимости и самостоятельности. Сильная и независимая судебная власть является важнейшей гарантией формирования правового государства и гражданского общества, поскольку она не только сдерживает и уравнивает другие ветви государственной власти, но и является гарантом соблюдения ими прав и свобод человека и гражданина, защищает свободу личности в правовом споре человека с государством, служит установлению гражданского мира и согласия. Все конституционные основы судебной власти тесно связаны друг с другом и представляют собой одну систему принципов, находящихся в неразрывном единстве и взаимопроникновении.

Адамюк О. И.

УДК 344.312

Правовое регулирование организации и деятельности военных трибуналов как специальных органов военной юстиции на территории Беларуси (1922 – 1941 гг.)

В настоящей работе представлены результаты самостоятельного институционального и историко-правового исследования автора в рамках согласованной с Белорусским военным судом научно-исследовательской работы «Военный суд», направленной на исследование истории возникновения и развития военной юстиции

Беларуси в процессе поэтапного становления белорусской государственности в XX – начале XXI вв. В данной статье автор определил сущность научной категории «военная юстиция», проанализировал организационно-правовые основы деятельности органов военной юстиции Белорусской ССР в довоенный период, выделил основные этапы развития военно-судебной системы БССР в 20-30-е гг. XX в., ее структуру, компетенцию и функции. Автором отдельно уделено внимание эволюции органов административного руководства военно-судебной системой Беларуси в рассматриваемый период, а также месту и роли органов военной юстиции в сталинских репрессиях 30-х гг.

Мельников А. П.

УДК 316.285

Типология политических конфликтов

Конфликты являются неизбежным спутником политической жизни любого государственно-организованного общества. Их изучение и типология связаны с необходимостью урегулирования и разрешения, предвидения последствий для того или иного политического сообщества.

В статье на основе обобщения взглядов западноевропейских ученых, а также российских и отечественных исследователей осуществляется классификация политических конфликтов в разных социальных системах по различным признакам, основаниям, критериям. Определенное внимание уделяется также типологии политических кризисов.

Лепеш О. В.

УДК 947.607.3 (043)

Особенности проведения инвентарной реформы в Беларуси (40 – 50-е гг. XIX в.)

В статье прослеживается процесс разработки инвентарной реформы в созданном после восстания 1830 – 1831 гг. Комитете западных губерний, своеобразном территориальном министерстве по управлению западной частью Российской империи. Анализируются итоги инвентарной реформы, предполагавшей улучшение положения помещичьих крестьян, для Правобережной Украины, Литвы и Беларуси.

Подолинский В. А. *УДК 328:336.22([476+474.5+477.8]-89)(091) “1593/1598”*

Утверждение налогов на вальных сеймах Речи Посполитой как фактор политической борьбы (1593–1598 гг.)

В статье рассматривается политическая борьба вокруг утверждения и выплаты в Великом княжестве Литовском налогов 1593 и 1595 годов. Свое согласие на выплату налогов политическая элита ВКЛ использовала как фактор давления на политику Сигизмунда Вазы, что было вызвано попыткой отменить назначение поляка виленским епископом. Автор делает вывод о том, что данный конфликт показал относительную слабость и зависимость королевской власти от шляхты в области фискальной политики, так как контролировало сбор принятых на сейме налогов именно поветовое шляхетство. Король использовал различные средства, чтобы взыскать платежи:

частый созыв вальных сеймов, вызов сборщиков налогов в Трибунал и королевский суд, давление на шляхту через преданных сенаторов и придворных должностных лиц.

Почекина В. В., Умпирович И. А.

УДК 328.185 (510)

Коррупция в условиях модернизации международной экономики

Коррупция является одной из важнейших проблем современного мира. Ее наиболее опасная форма – корпоративная коррупция, основанная на непрозрачных бизнес-схемах. Проблема рассматривается на примере КНР.

Стоменок Т. М.

УДК 339.543

Таможенное регулирование международной торговли: состояние и тенденции.

В статье рассматриваются основные тенденции таможенного регулирования международной торговли: упрощение торговых и таможенных процедур на основе управления таможенными рисками, применения электронного декларирования

Полякова И. А.

УДК 330.12:37

Концептуальные подходы к определению образовательной услуги как социально-экономической категории

Развитие рыночных отношений в Республики Беларусь обусловило необходимость исследований, связанных с формированием рынка образовательных услуг. Работа направлена на теоретическое осмысление базовых экономических категорий сферы образования, определение продукта и результата деятельности образовательного учреждения, исследование системы экономических отношений в сфере образования, раскрытие сущности социально-экономической категории образовательная услуга.

Ананьев Д. А.

УДК 338.23:339.54 (476)

Динамика внешнеторговых операций на рынке пивоваренных товаров и пути увеличения экспорта

В статье рассматриваются вопросы улучшения экспорта пивоваренной продукции. Автор предлагает создать единую для всех экспортеров дистрибьюторскую сеть как первый этап в продвижении белорусских брендов.

Пенкрат В. И.

УДК 37.013.42:316.723

Проект как форма взаимодействия с неформальными объединениями молодежи

Статья предназначена для учителей и специальных сотрудников, которые работают с молодыми людьми из молодежных неформальных организаций. Одной из форм и методов сотрудничества с такими молодыми людьми станет Интернет-проект, используемый студентами и курсантами с последующим практическим применением.

V. Kuchinskij

Juridical presumptions and fictions

In the article the definition of specific legal categories, such as presumption and fiction, capable of being as good as juridical factors, is given on the basis of analysis of scientific juridical literature and law application practice, their major differences being shown.

Juridical presumption is characterized as an assumption of availability or lack of a certain legally important phenomenon, this assumption having a high degree of reliability and depending on the practice of legal regulation envisaged by legal rules.

Juridical fiction is phenomenon nonexistent obviously but recognized in conformity with legislation in accordance with established procedure (in a law application process) which is due to a high degree of its reliability and has become legally important thereupon.

A. Sorokin

Legal Issues Concerning the Development of the Cooperation Institute during the Period of Soviet Belarus (1917-1921)

The research has revealed the main tendencies of the government legal regulations of the cooperation institute on the territory of Belarus from 1917 up to the beginning of 1921. At the same time comprehension of the governing party's measures has been conducted with led to the conclusion that the policy of restricting the functions of the cooperation institute as an independent organization turned it into a unified kind of state supply-anddistributive authority mechanism with the free attribution of an overwhelming majority of population to its network.

V. Pavlov.

Alternative procedures of juridical conflict's resolution in context of Belarusian legal system functioning (theoretical-methodical analyses).

In article methodological, theoretical and practical aspects of use of alternative procedures of the sanction of legal conflicts in legal system of Belarus are considered. By the example of civil trial and criminal trial relations of use of alternative procedures in the sanction of legal conflicts come to light. The analysis of occurrence and use of alternative procedures in the West-European legal systems is carried out and specific features adoption the alternative mechanisms of the resolution of conflicts produced on the West in national legal system are considered.

G. Lych.

Innovation Economy and Market.

The rating of the contemporary Belarusian economy level of innovation is given in the article. The main lacks of native scientific and scientific-technical sphere are shown. The necessity of close cooperation of state, market and civil society in national economy pass to the innovation way securing is proved.

I. Kotliarov, S. Taranova.

Theoretical-methodical fundamentals of researches of modern political systems modernization

At the present time there are lots of theories of modernization. However the political reality showed the whole discrepancy of the theory and practice. The destroying of traditional institutions and tenor of life caused the social disorganization, chaos and anomy, growth of the deviational behavior and criminality. The life showed the reality of poly-linear development when innovations realized through the different ways depending of the start positions of those or other societies and problems they clash. Minding a large number of problems and deficiencies, inability of the previous theories to give an answer upon the challenges of modern political reality the principally new synthetic innovational paradigm of political changes are proposed. In its base there is a position that the political system moves under the complex of goal-directed influences from one qualitative state to another through the transitive society.

K. Petrovich

Administrative judicial system as form of judiciary realisation

The Constitution of the Republic of Belarus sets ensuring rights and freedoms of citizens as the highest goal of the state. Strong, independent and accessible for the population judiciary is a necessary precondition for achieving this objective. In this context, possible extra mechanisms for judicial protection of citizens' rights and freedoms undergo analysis in the article. For this purpose, an experience of foreign states on developing an administrative judicial system is examined, since the author believes this sphere of justice to be, on one hand, an independent channel for the exercise of judiciary power, and on the other hand, and additional guarantee for ensuring rights and freedoms of citizens.

T. Sigaeva

The protection in cases which come from contracts of railway cargo transporting

This article covers the principal issues of protection of rights in the cases arising out of railway cargo carriage contracts. On the basis of investigation of scientific literature and regulatory legal sources, the author determines the object and the forms of protection of rights arising out of this ground; discovers the principles, the criteria and the peculiarities of formation of choice of the means of their judicial protection; states measures and a means of protection applicable to the judicial procedure of protection. At the same time the author analyzes certain theoretical and applied problems existing in this branch of law: determination of judicial classification of the right of protection, the concept of the means of protection etc.; expresses the arguments to substantiate their solution. The author characterizes prevalence of disputes of this category of cases in judicial practice; states the reasons, because of which certain conflicts are not relevant in judicial practice.

S. Novikova

Legal aspects of labor-educational relationship development in innovation economy

The article is devoted to the problem of educational-labor relationships. It is impossible to create the innovation economy without overcoming of essential contradiction between techniques and the level of worker's professionalism, without dynamic development of human resources. Professional education must perfect itself in such a way that to provide continuous renovation of knowledge, skills and experiences.

T. Zamiatina

Constitutional fundamentals of Judiciary

The article is devoted to the constitutional fundamentals of judiciary, which is one of the branches of power, it is independent from legislative and executive and equal to them. Several fundamentals of its organization and activity were fixed in Constitution, which guaranteed its independence.

O. Adamiuk

Legal regulation of organisation and activity of military tribunals as of special bodies of military justice on the territory of Belarus (1922 – 1941)

This article are presented the results of independent historical-juridical investigation developed by the author within coordinated scientific research work «Court martial», directed to exploration of history of origins and development of the Court martial of Belarus during the gradual arising of the Belarusian statehood in XX – early XXI centuries. In the article author was analyzed organizational-juridical bases of the military justice bodies' activity on the territory of Belarus in USSR in pre-war period, outlined the main stages of the military-juridical system of Byelorussian SSR, it's structure, competence and functions. The author's attention was spared to the evolution of the administrative direction of the military-juridical system of Belarus in 20-30 years as well as destination of military justice of BSSR in Stalin's repressions of the 30-th.

A. Melnikov

Typology of political conflicts

Conflicts are an integral part of political life in any state-organized society. Studying conflicts and building their typology is conditioned by the necessity to solve them, as well as to predict their consequences for a political society. The present article offers a classification of political conflicts in different social systems, drawn in accordance with the attributes, reasons, and criteria. The classification is made on the basis of the views of Western-European, Russian, and Belarusian researchers. Certain attention is also given to the typology of political crises.

O. Lepesh

The specials of conducting of inventory reform in Belarus (in the forties-fivies years of the XIX century)

The process of working up inventory reform in organized after the rebellion of 1830 – 1831 Committee of western provinces is observed in the article. The Committee was original territorial ministry which ruled over western part of the Russian empire. The results of the inventory reform, which supposed to improve condition of landowner peasants in right-bank Ukraine, Lithuania and Belarus, are analyzed.

U. Padalinski

Approval of Taxes on General Diet of the Commonwealth as a Factor of Political Struggle (1593–1598)

Political struggle for approval and payment of taxes of 1593 and 1595 in the Grand Duchy of Lithuania (GDL) is discussed. Political elite of the GDL used its agreement on payment of the taxes as a factor of a pressure upon Sigismund Vasa's policy. This was caused by the attempt to reverse a Pole's appointment as the Bishop of Vilnia.

The author concludes that this conflict pointed to comparative weakness and dependence of the Crown on gentry (szlachta) in the field of fiscal policy since local gentry controlled tax collection. The Crown had been using various instruments to enforce payments: frequent calling of the General Diets (Valny Sojm), exaction tax-collectors in the Supreme Tribunal and the royal court, pressure upon local gentry of faithful senators and court officials.

V. Pohekina, I. Umpirovich.

Corruption in the conditions of modernization of international economy

Corruption is one of the main problems of modern world. It is most dangerous form is corporate corruption based on the opaque business schemes. This problem is discussed on the example of China.

T. Stomenok

Customs regulation of international trade: conditions and tendencies

The article shows the main tendencies of customs regulation of foreign trade, for example, trade and customs facilitation based on risk management techniques, electronic declaration.

I. Poliakova

The conceptual approaches to definition of educational service as social-economic category

The article is devoted to theoretic thinking of basic economic categories of education sphere. The product and the result of higher education establishment activity are determined in the article. The system of economic relations concerning to the higher education is analyzed. As a result the author considers the nature of educational service as social and economic category.

A. Ananjew.

Dynamics of foreign operations on the market of brewing and ways of export increasing

The article is devoted to the problem of brewing export increasing. Author propose to create the united distributor network for all Belarusian exporters as a first stage of brand advertising.

V. Penkrat

Project as a form of cooperation with youth informal organizations

This article is about teachers and special personnel preparedness who will work with young people in youth informal organizations. One of the forms and methods of cooperation will become Internet-version project in the system of cadets' and students' studying with future practical results.

Рэдакцыя часопіса «Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні» запрашае да супрацоўніцтва аўтараў навуковых, вучэбных і метадычных матэрыялаў у адпаведных галінах ведаў. Правілы прадстаўлення матэрыялаў для публікацыі:

1. У часопісе публікуюцца артыкулы на беларускай і рускай мовах памерам да 1 аўтарскага аркуша (40 000 знакаў з прабеламі).
2. Рукапіс артыкула падаецца раздрукаваным у двух экзэмплярах (шрыфт 14 пт., праз два інтэрвалы), з подпісам аўтара на апошняй старонцы, а таксама ў выглядзе электроннага файла на дыскеце ці дыску ў фармаце “rtf” ці “doc”.
3. Ілюстрацыі (фатаграфіі, малюнкi, табліцы, схемы) дадаюцца ў выглядзе асобных файлаў, выкананых у адпаведных фарматах.
4. Спасылкі на выкарыстаныя крыніцы прыводзяцца ў тэксте ў дужках. Спіс выкарыстаных крыніц змяшчаецца ў канцы тэкста і афармляецца ў адпаведнасці з Інструкцыяй па афармленню дысертацыі, аўтарэферата і публікацый па тэме дысертацыі (Пастанова ВАК РБ № 2 ад 22.02.2006). На першай старонцы артыкула павінен быць прастаўлены індэкс УДК.
5. Да артыкула таксама дадаюцца:
 - інфармацыя пра аўтара (аўтараў): месца працы, пасада, вучоная ступень, вучоная званне, кантактныя тэлефоны, галіна навуковых інтарэсаў, галоўныя тэарэтычныя ці практычныя дасягненні;
 - фатаграфія аўтара (калі магчыма, лічбавая);
 - анатацыя на рускай і англійскай мовах памерам 100-150 слоў.

Паштовы адрас:

220004, г. Мінск, вул. Караля, 3, БПІ – Інстытут правазнаўства.

E-mail: seipi@yandex.ru.

Адрас рэдакцыі:

г. Мінск, вул. Каліноўскага, д. 74-а, каб. 13.